

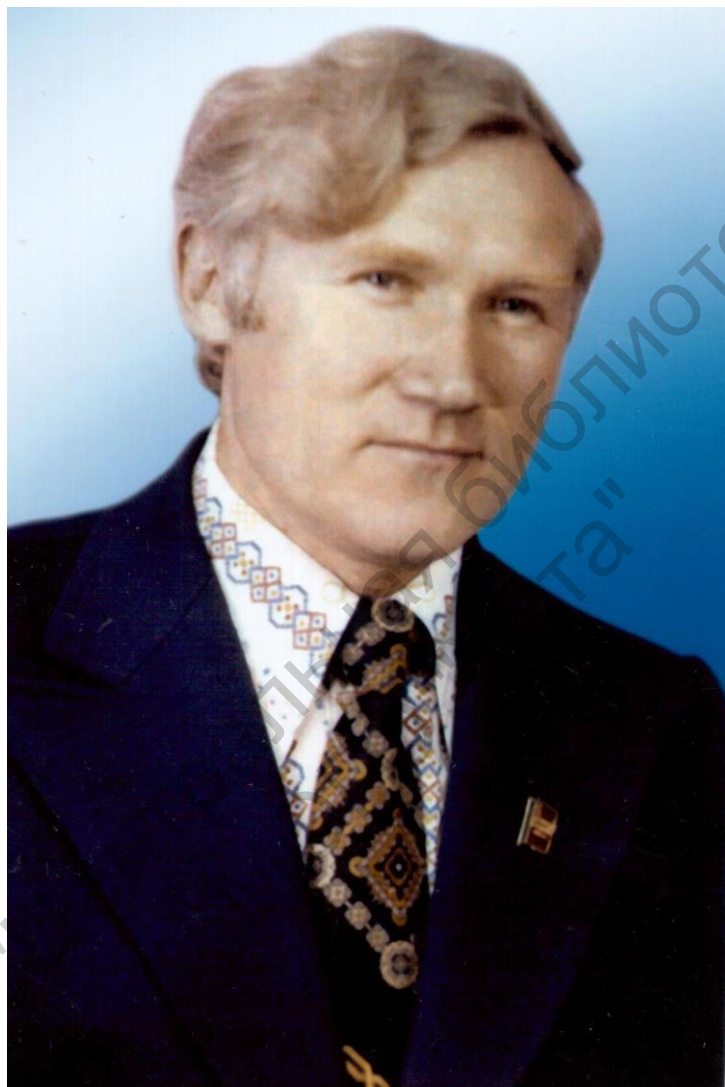
Николай Филиппов

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ – НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

**Книга первая
(Сага семьи Филипповых)**

*В МУ «Центральной библиотеке МОГО «Ухта»
29 августа 2014 года прошла ПРЕЗЕНТАЦИЯ
трёх книг, посвящённых 85-летию города Ухты:
«Жизнь прожить-не поле перейти», «Служба в
армии», «Вехи жизни», по теме: «Вехи жизни
или история одной семьи».*

**г. Ухта
2010 год**

Филиппов Николай Иванович
Город Ухта 1977г.

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ – НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ.

*Самое тяжёлое в жизни человека,
это воспоминания о прошлом.*

ОТ АВТОРА

Впервые попробовать перо мне пришлось ещё при несении службы в армии на территории Германской Демократической Республики в городе Берлине. Это случилось абсолютно случайно. Тогда в наш полк прибыли военные корреспонденты, все офицеры, среди них и старший офицер-полковник. В их честь полк был построен на плацу. Наш командир полка вместе с прибывшим в воинскую часть полковником подходил к каждой роте и, остановившись в середине строя, командир полка представлял главного редактора армейской газеты «Советская гвардия» полковника Ковалёва и давал ему слово.

В тот день главный редактор газеты в штабе нашего полка провёл со мной собеседование и предложил стать внештатным корреспондентом газеты. В Берлине обучался азам журналистики на подготовительных курсах и семинарах. На занятиях был в составе группы «международников». С тех пор начал печатать в армейской газете свои статьи о моих сослуживцах, важных мероприятиях нашего танкового и соседского зенитно-артиллерийского полков в городе Шверине.

В начале 60-х годов, в толстой тетради в клеточку большого формата А4 я стал писать рассказы, оформляя

их художественными иллюстрациями и фотографиями, описывал интересные события, воспоминания о родителях и неординарных людях, о семейных отношениях и моих детях. Писал дома открыто в свободное от работы время, ради интереса.

Однажды, придя на обед, я заметил, что моя жена читает мою рукопись. Заметив мой приход, она быстро спрятала тетрадь за спину и испуганно посмотрела на меня.

-Что за чепуху ты пишешь в этой тетради, зачем это тебе нужно? Только напрасно клеишь свои фотографии. Кому нужна твоя писанина? Если не прекратишь писать, я ее сожгу. Вот увидишь, попомни мое слово, – сказала она и швырнула тетрадь мне под ноги.

Жена имела твердый, жесткий и вспыльчивый характер. Считала себя самой умной женщиной, не считалась с мнением других, всегда делала то, чего хотела и это часто ей удавалось. Она не щадила никого: ни родителей, ни детей, ни окружающих ее людей, жесткость проявлялась везде.

После этих событий я стал осторожничать, писать украдкой. Мне не хотелось иметь скандалы в семье. А впрочем, я не планировал выпускать книгу. Крайне мало писал заметки и статьи в местной печати. Все же Андреевна, моя жена (так мы условились называть друг друга - по отчеству) нашла уже почти заполненную тетрадь.

-Убери! Или я выполню свое обещание. Зачем выливаешь всякую грязь наружу? Писака!

Она оделась и ушла на работу.

Эту первую тетрадь я жалел больше всего. И, все-таки, эта тетрадь пропала. Её искали, но так и не нашли.

После потери первой тетради на меня напала апатия к возобновлению воспоминаний. Причиной этому послужила, может быть, занятость на работе и бессмысленность всего этого. Ведь для того, чтобы писать, нужны были знания письма, художественная и литературная обработка текста, стиль изложения, а этому делу я не учился, за исключением учёбы на коротких курсах журналистики в Берлине, хотя много прочитал художественной литературы. Эта апатия длилась более двух лет. Не было вдохновения. Куда-то потерялась муза.

Почему свои рукописи я решил писать в тетради, а не на листках бумаги? Да потому, что их сохранить было бы лучше. Правда, в первой тетради было много поправок, перефразировок, вычеркиваний. Хотелось красиво и правильно изложить свои мысли.

Теперь я купил толстую тетрадь, подобную канцелярскому журналу, с твёрдой обложкой и частенько заглядывал в нее, на пустые страницы, вспоминая материалы, которые были в первой тетради. У меня не хватило силы воли начать писать заново, ведь повторение судьбы первой тетради сохранялось, причиной этому была Андреевна, да и подрастали мои девочки: Оля и Светлана.

Читал лекции о международном положении СССР в Сосногорске, посёлках и в коллективах предприятий города Ухты. Общество «Знание» в Ухте мне выписывало путевку, где указывалась тема моего выступления. После окончания лекции в моей путевке отмечали количество присутствующих слушателей, отзыв о качестве лекции, закреплялось все это печатью или штампом. Эту путевку сдавал в городское общество «Знание». За прочитанную лекцию получал небольшой гонорар.

Вторую тетрадь начал заполнять, будучи освобожденным секретарем партийного комитета Ухтинского леспромхоза. Тогда еще город Сосногорск и весь Сосногорский район входил в состав Ухтинского района.

Писать начал так же с воспоминаний, но уже без фотографий прошлых лет, эти записи носили в основном хронологический характер, однако, тематика сохранялась. Интересные материалы по работе или особые случаи с людьми, первоначально записывал на листки бумаги и, уже обработанные, заносил в тетрадь в виде рассказа. В этой тетради я более подробно описывал содержание событий, конкретных лиц и персонажей с их характерами, манерами поведения. Много материала посвятил производству, работе в аппарате управления Ухтинского Ордена Ленина леспромхоза.

Будучи директором профессионально-технического училища №9 в городе Сосногорске, у меня оставалось меньше времени на заполнение тетради, но иногда все-таки возвращался к рукописи. Здесь уже больше писал о преподавателях, мастерах производственного обучения, воспитателях и, конечно же, об учениках.

В ГПТУ–9 поступали дети из многих районов Коми АССР, а это, в основном, те, у кого были слабые знания, плохое поведение, из неблагополучных семей. Из сельской местности учащиеся были молчаливые, уступчивые, слабохарактерные. Размещались они в общежитии училища и быстро попадали под влияние местной детворы или старших по возрасту, физически более сильных ребят. В меру моих сил и возможностей я защищал их. За время моего руководства училищем эту тетрадь я ни разу не приносил домой, хранил ее в моем сейфе.

Продолжал писать в тетради в аппарате управления Главкомгазнефтьестроя, где работал начальником отдела рабочих кадров и быта. В моем отделе было пять человек, все они сидели в одном кабинете на пятом этаже, а я, как начальник, имел отдельный кабинет. Вторая тетрадь хранилась в моем сейфе. Здесь у меня появилось больше свободного времени, но изменились события, и иногда, прямо без черновика, заносил материалы в тетрадь.

Перейдя на должность заместителя начальника СУ-1 треста Электрогазстроймонтажа, вторую тетрадь я забрал домой. Семья моя тогда жила по улице Юбилейной в городе Ухте. Тетрадь прятал, как и раньше, но она тоже исчезла. След простыл. Не знаю, чьих рук дело - жены или детей.

С тех пор, когда была утеряна последняя рукопись, прошло больше тридцати лет. После долгой и тяжёлой болезни в мир иной ушла моя жена. Только через три года после её утраты всё же решил написать книгу - сагу семьи Филипповых.

P.S. Выражаю искреннюю благодарность за оказанную помощь в организации печатания моей рукописи на своём персональном компьютере Людмиле Идрисовне Коздоевой - продавцу-консультанту магазина «Афродита», Валентине Фиоктистовне Богдановой - работнице ЖРЭУ-2 «Ухтажилфонда» и сотруднице Ухтинской городской типографии Татьяне Егоровне Поповой за оперативную организацию выпуска книги.

ДЕРЕВНЯ.

Вертеп - небольшая деревня, расположенная на высоком берегу реки Ижма. Река Ижма впадает в северную реку Печору.

Деревню Вертеп разделяет очень глубокий ручей с крутыми высокими берегами, пробивший себе путь к реке Ижма через толщу глины, супеси, песка, камней. Этот ручей берет свое начало с болот, с верхней части деревни.

Несколькими километрами выше по реке Ижма расположен поселок Краснобор, где находится Красноборский сельский Совет. Ниже по реке Ижма, далее, деревня Диюр. В середине этих населенных пунктов расположена деревня Вертеп, которой ни на одной карте нет. На карте Коми АССР за 1966 год населенные пункты Краснобор и Диюр нанесены, а деревни Вертеп - нет.

1. Вертеп (первоначальное значение слова - пещера, потаенное место). Однако известно, что вертеп-это не только пещера, в которой исполнялись события Святого писания, но и традиционный, единственный в своем роде кукольный театр - двухэтажный ящик с особым, имитирующим механическое движение, способом кукловождения.

2. Слово «вертеп» употребляется также для обозначения труппы, притона - источник «Большая Советская энциклопедия» том 4 страница 550.

В настоящее время слово «вертеп», произносимое вслух, вызывает какое-то недоумение, удивление. Что бы это значило на самом деле? По моему понятию, это слово

имеет отрицательное значение, подобно ругательству, кутерьме, бардаку.

Краснобор так же как Вертеп, разделяет ручей, но село расположено на равнинной местности. Между деревнями Вертеп и Краснобор, вдоль берега реки Ижма, находится большое ровное поле, течением реки занесенное мелкой речной галькой и песком, как большое посадочное место для самолетов, настоящий аэродром. На этом заливном поле нет ни травы, ни кустов, один песчаник с галькой. Высокий берег, и заливное пустое поле разделяет ручей, проходящий между крутым берегом и полем.

Существует и действует объездная дорога, проходящая через верхнюю часть деревни Вертеп, предназначенная для перевозки грузов. Эта дорога делает большой круг, намного удлиняя путь между левым и правым берегами ручья с крутыми берегами. Для сокращения пути между деревнями был построен, наполовину висячий, пешеходный мост, проходящий примерно в километре от устья ручья, впадающего в реку Ижма. Для жителей деревни мост оказался очень удобным средством для сокращения пути.

На правом берегу устья ручья, на высоком берегу стоял старый двухэтажный дом семьи Семяшкиных. Построил его отец сына Андрея. После смерти родителей, по старым обычаям, дом оставался старшему сыну. Жилых комнат в доме было шесть. В задней части дома находилась конюшня и скотный двор. К сеновалу из бревен был построен пологий подъём. Заготовленное на зиму сено, корм скоту поднимали на сеновал. Под навесом находились телеги, плуги, уже железные, сани и крупный сельскохозяйственный инвентарь. Земельный надел Семяшкина был огорожен жердяным забором в четыре ряда между столбами. Столбы забора были

толстыми, с прорубленными отверстиями для закладки в них концов жердей.

На левом берегу устья ручья, первого от реки Ижма, на высоком берегу, так же, как и дом Андрея Семяшкина, стоял чуть поменьше размером, но обшитый досками, покрашенный в темно-желтый цвет, с белыми наличниками, дом его брата. Глядя со стороны реки на деревню от устья ручья, казалось, что эти два двухэтажных дома являются воротами в деревню Вертеп.

Глава семьи Андрей был плотного телосложения, высокого роста, стройный, с большими беглыми голубыми глазами, лысый. Всегда опрятный, вежливый, учтивый, немногословный, он умел расположить к себе окружающих. В семье Андрея было пятеро детей: три сына и две дочери. Первый сын, Василий, вторым ребенком в семье родился Тимофей, затем дочки Анастасия и Юля, потом Павел и Петр.

Старший сын Семяшкина Андрея, Василий, был участником Великой Отечественной Войны, полковник в запасе. Работал начальником тюрьмы в поселке Чикшино Печорского района Коми АССР. После ухода в отставку работал начальником отдела кадров крупного завода в городе Омске. Воспитал двух детей, мальчика и девочку.

Анастасия Семяшкина проживала в Воркуте, имела двоих детей, мальчика и девочку.

Юлия Филиппова (Семякина) родила пятерых детей: старший сын Коля, за ним Геннадий – дети, родившиеся до войны. Виктор, Никита и Анастасия родились после демобилизации мужа из армии.

Павел жил в Сибири, детей у него не было,

Петр проживал в Архангельской области, имел двух детей, работал на лесозаготовках.

После Великой Октябрьской Социалистической Революции 1917 года и свержения царя Николая второго, обстановка в деревне резко изменилась, появились сторонники «за» и «против» политических перемен. В семье Андрея изменившиеся события проходили крайне тревожно, поскольку Семяшкины относились к среднему сословию, кулакам. Они понимали, чем все это может закончиться, их ожидала конфискация имущества, нажитого своим собственным трудом, а отдавать кому-то безвозмездно, так просто, им не хотелось.

Не дожидаясь прихода представителей новой власти, Семяшкин Андрей с женой Анной решили спрятать более ценные вещи на некоторое время, полагая, что новая власть пришла временно. Единственным выходом сохранить добро оставалось вывезти драгоценности в лес и закопать их в землю. Прятать или передать на временное хранение кому-то было делом бесполезным, все равно бы нашли.

До прихода в их дом репрессивной или конфискационной комиссии Андрей с женой Аней сложили в два больших сундука самые ценные и дорогие вещи, драгоценности, хорошо и плотно их упаковали. Оба сундука с мелодичным музыкальным звоном при открытии крышки, Андрей хорошенько просмолил, заизолировал, спрятал на сеновале, набросав на них всякий хлам, и прикрыл сухим сеном.

Однажды Андрей и Аня запрягли лошадь, смазали все четыре колеса телеги и в дождь, темной ночью, отправились в путь по окраине деревни в сторону болот. Ехали в темноте, почти на ощупь через мелкие кустарники, ямы, кочки, огибая более крупные деревья. К темноте глаза привыкли, но дождь лил не переставая. Наконец, доехали до намеченного места, где Андрей заранее выкопал яму под сундуки. Супруги с большим

трудом их выгрузили, аккуратно опустили, засыпали землей и притоптали сверху. Для приметы в торце ямы посадили березу. Секрет этот, куда спрятали сундуки, больше никто так и не узнал, Андрей и Аня унесли его с собой в мир иной. Потом, узнав о драгоценностях, многие жители деревни пытались их найти, но тщетно.

После конфискации имущества прошло не так много времени, как Андрея Семяшкина арестовали, за ним приехали без предупреждения. Момент был неожиданным и неприятным. Эти события Юлия Андреевна хорошо помнила и часто рассказывала о тех далеких временах своим детям.

ДОВОЕННЫЕ ДЕТИ.

Первой из семьи Семяшкиных вышла замуж Юля, ей тогда исполнился двадцать один год. Сватать Юлию за Ивана Филиппова пришли летом 1934 года, но свадьбу сыграли только осенью того же года. К тому времени было закончено строительство нового дома для будущей семьи Вани Филиппова рядом с его отцовским домом.

Ваня отличался от своих сверстников резвостью, деловитостью, собранностью. Он был активистом новой общественной системы. Закончил три класса приходской школы. Считался грамотным человеком. Работать начал рано. Ваня занимался скупкой зерна, шкур, золота, поэтому местные жители его прозвали «Золотой Вань».

После свадьбы почти три года в семье Вани не было детей. Они ждали, старались, но это никак не получалось.

Наконец, мечта сбылась, Юля забеременела. Ваня очень хотел сына, а его жена - дочку.

Наступило время для родов. Боли в животе и схватки у Юли наступили раньше времени. В этот момент в доме никого из женщин не оказалось, рядом находился только муж.

Отошли воды, Ваня растерялся, не зная, как поступить. Хотя помощь была и недалеко, в доме отца, но оставлять жену одну было опасно. Все необходимое для приема родов заранее подготовлено не было. Ваня растопил печку, вскипятил самовар. Он подставил вторую подушку под голову Юли, чтобы голова была чуть выше, так советовали бабушки, на всякий случай.

Было около пяти часов утра 23 ноября 1936 года. Уже светало. Юля стонала, кричала от боли. Иван, успокаивая жену, полотенцем вытирал с ее лица пот.

-Тужься, тужься милая, еще немного, тужься, выталкивай ребёнка! - периодически повторял он.

Юля изо всех сил старалась, кричала, силы таяли, становилось все тяжелее.

Начались роды. Сначала появилась голова ребёнка, потом плечо, туловище, ноги. Наконец, из чрева матери мокрый, окровавленный ребёнок вышел полностью.

Ребенка из рук выпускать Иван не хотел, а нужно было перерезать пуповину, но рядом не оказалось, ни ножниц, ни другого острого режущего инструмента. В отчаянии он решил пуповину (кишку) перекусить зубами. Все, что попало в рот, сплюнул, вытершись рукавом своей рубашки.

Убрав кровь вокруг жены, он чисто обработал тело Юли и ребёнка. Положил рядом с ней плачущего красного ребенка и прикрыл их простыней. Потом сел на кровать рядом с ними, поцеловал жену, наградив тем

самым за муки, мужество и перенесённые ей ужасно сильные боли.

Ребенок все это время тонким писклявым голосом продолжал кричать, широко раскрывая полый беззубый ротик, как-то странно выдвигая вперед маленький язычок.

Юля выглядела бледной, обессиленной. Было видно, что ей очень тяжело и больно, а Ваня оказать помощи не может.

Вдруг до него дошло, как иголкой кольнуло – надо немедленно предупредить всех об этой большой радости.

Он быстро вскочил, обул валенки, на плечи накиннул длинный овечий тулуп, и бегом спустился к родителям.

Никита Иванович, отец Ивана, проживал рядом. Их дом был построен в пойме малого ручья. По сравнению с другими соседскими домами, этот дом находился ниже остальных. Оставалось только спуститься с пригорка.

Дверь открыли не сразу, все еще спокойно спали. Никита Иванович, спросонья, кулаками протирая глаза, пытался рассмотреть, кто там пришел, подошёл к двери.

-Ваня, это ты? Что случилось? – открывая дверь.

Иван молнией ворвался в комнату. Обхватив отца за пояс, он приподнял его, а затем медленно опустил на пол. От радости в его груди все распирало.

-Папа, у нас родился сын, понимаешь, сын, сын?! - орал он во все горло.

- Я сам принял роды!

Дома все проснулись, всполошились, сгрудились возле него. Округлив Ваню, стали дергать его за рукава, с

радостью и гордостью смотрели ему в глаза, будто он совершил большой героический поступок.

-А, как себя чувствует Юля? Как ребенок? - спросил отец Ивана.

-Юля обессилена, бледна, ребенок плачет. Роды принимал я один, без посторонней помощи. Рядом не оказалось ножниц, поэтому пуповину пришлось перекусить зубами. Теперь требуется ваша помощь, давайте быстрее поднимайтесь к нам.

Ребята начали собираться, но Никита Иванович предупредил:

-Вы еще успеете посмотреть и на Юлю и на малыша, пока делать вам там нечего, ложитесь и поспите, пусть женщины идут к Юле, там надо поправить женские дела.

Женщины, быстро оделись и вышли. За ними зашагали Ваня с отцом.

Вскоре встал вопрос, какое имя дать ребенку. Стали поступать разные советы. Никита Иванович молча, внимательно слушал других, почесывая правой рукой затылок, потом погладил свою бороду и тихо произнес:

-Ближайший церковный праздник - день Святого Николая Чудотворца, предлагаю дать имя новорожденному Николай, вот это будет по-божески. Николай - распространенное имя, даже последнего нашего царя звали Николаем, царство ему небесное! Да и хорошо будет звучать, когда ребенок подрастет, Николай Иванович Филиппов.

Присутствующие согласились с предложением Никиты Ивановича и решили пригласить попа, чтоб мальчик принял крещение.

В то время церковь была уже в гонении, и крещение новорожденных новой властью не поощрялось, но старые установившиеся традиции без огласки все же еще исполнялись. Мальчика крестили дома тайно.

Конечно, как в каждой семье, первенца балуют больше всех. Так случилось и с Колей. Его сильно баловали. Уже с пеленок он добивался желаемого своими капризами. Он рано начал разговаривать, в девять месяцев окреп. Рос шустрым, крикливым, но не жадным, не злопамятным, отходчивым. Правда, когда в чем-то ему отказывали, Коля начинал орать, как резаный, топтать ногами, махать руками, падать на живот, переворачиваться на спину и всеми своими конечностями биться об пол. Когда все уставали от капризов и истерик ребенка, желания исполнялись, и Коля успокаивался, начинал улыбаться, будто ничего не было, а, немного погодя, он подходил к своим «обидчикам», возвращал им то, что просил с таким упорством, как бы извиняясь, смотрел им в глаза, и просил прощения за свои проделки.

Тем временем мальчик подрастал, веселил близких и окружающих его людей.

Прошло больше двух лет, и Юля снова забеременела. При второй беременности живот был большой, с небольшим выступом к желудку.

-Юля, ты носишь мальчика, – говорили бабушки, – вот попомнишь нас.

Бабки как в воду глядели, видимо, их опыт, и наблюдения это доказывали, снова родился мальчик.

На этот раз роды принимали опытные женщины, уже днем. Когда начались схватки и отошли воды, Ваня спустился к родителям и всем сообщил о состоянии жены.

Женщины быстро собрались и отправились к нему домой, а мужчины с детьми стали усердно ждать результатов, конечно, все переживали, особенно Ваня. Он ходил из угла в угол, из окон дома отца периодически поглядывая на свой дом.

-Вдруг какая-то помощь нужна? – думал он.

Время тянулось.

-Ваня, ты успокойся, все будет хорошо. Там женщины опытные, знают, что делать, не волнуйся. Ты вон как, даже один справился хорошо, без всякой посторонней помощи и без опыта, – успокаивал своего сына Никита Иванович.

Поставили самовар, накормили детей, попили чай, а новостей все не было. В голову Вани лезли всякие нехорошие мысли.

-Ваня, ты посмотри на своего родного Николку, он будто тоже что-то понимает, приуныл, притих шалун. Теперь ему будут меньше уделять внимания, может, тогда хоть немного успокоится, – спокойным тоном размышлял отец, тоже периодически поглядывая на дом своего сына.

Коля так же, как взрослые, иногда подходил к окну и поднимался на цыпочки. Он первым увидел, что на крыльцо их дома вышла Лукерья.

-Вон тетя Лукерья, она стоит на крыльце!

Все кинулись к окну.

Лукерья, недолго постояв, перекрестилась, поклонилась, скрестив на груди руки, и первой сошла с крыльца. За ней спустились остальные женщины. Аня осталась с Юлей и малышом. По лицам вошедших в дом

женщин было понятно, что роды у Юли прошли благополучно.

-Роды прошли хорошо. Мы Ваню поздравляем с мальчиком! Ваня, у тебя родился второй сын. С Юлей и ребенком все в порядке,- заявила Лукерья.

Ваня подошел к своему отцу, обнял его, три раза поцеловал в его щёки.

В дом пришла настоящая радость. Дети забегали, засуетились.

Быстро собрали стол, поставили выпивку. Пока женщины хлопотали, Ваня шмыгнул за дверь и бегом поднялся к себе посмотреть на жену и только что родившегося сына.

Это произошло днем 31 августа 1939 года. Ваня вбежал в дом, закрыл плотнее входную дверь, чтобы холод не проходил сквозь дверные щели. Юля лежала на постели бледная, спокойная, и с умилением смотрела на мужа. Ребенок находился рядом с ней, завернутый в белую пеленку.

В комнате было убрано, на печке в тазике и в ведре грелась вода. Иван медленно подошел к жене, сел рядом с кроватью на стул, тихонько взял Юлю за руку, наклонился и поцеловал.

-Я тебя очень люблю и поздравляю. Крепись, моя красавица. Может дать тебе попить?

Юля медленно помотала головой, не проронив ни слова.

В доме стояла тишина, ребенок почему-то молчал, и это беспокоило Ваню. Он подошел ближе и наклонился над малышом, чтобы послушать дыхание.

Мальчик спокойно спал. Иван приоткрыл лицо сына, оставив небольшое отверстие, глазки были закрыты, только виднелись две ниточки на стыке ресниц и две сопящие дырочки маленького носика.

На душе стало спокойно и радостно.

-Юля, там наши собираются обмывать ножки новорожденного, мне можно пойти к ним?

Юля положительно кивнула.

Ваня встал.

-Я пошлю кого-нибудь посидеть с тобой, - тихо сказал он и отправился к выходу.

В доме Никиты Ивановича веселье шло полным ходом. Присев за стол на свободное место, Ваня отыскал взглядом Аню, свою младшую сестру.

-Анюта? Ты шустрее остальных, проворней. Как поешь, пожалуйста, сходи, присмотри за тетей Юлей и малышом.

Аня согласилась. Ответила кивком головы.

Все застучали ложками, наполнили стаканы спиртным.

Никита Иванович встал из-за стола. В правой руке он держал граненый стакан, полный спиртного и, поправив левой рукой свою рыжую бороду, а затем торчащие в разные стороны усы, немного волнуясь, дрожащим голосом произнес:

-Ну, Ваня, поздравляем тебя с появлением на свет Божий твоего второго сына! Род наш пополнился еще одним мужиком, а это - большое дело! Пусть малыш будет крепким и здоровым. Да, и чтобы Юля быстрее

окрепла. Будьте здоровы и счастливы, живите дружно, в согласии. За новорожденного!

-Спасибо, отец, за такие теплые пожелания!

Пошли чоканья стаканами. Все выпили до дна, в том числе и сидевшие за столом женщины, которые обычно отказывались принимать спиртное, но тут, на тебе, выпили.

Аня в подол передника завернула пару шанег, рыбы, и побежала к Юле.

Старший сын Ивана Никитича, совершенно не понимая значения торжества, со своей любимой игрушкой, длинным деревянным ружьем, забрался на колени дедушки, а тот рад - обнял внука и поцеловал в темечко. Коля же, тем временем, приподняв голову, наблюдал, как длинные и колючие волосики дедовых усов шевелятся при каждом движении его губ.

Большая семья сидела за столом, разговаривали между собой. Дети бегали вокруг стола, выбегали на сеновал, носились по дому. Никто из старших их не одергивал, не успокаивал, на этот раз они были предоставлены самим себе, играли, баловались, были сыты и веселы.

Хоть Юле и предлагали имена для еще не родившегося ребенка, но окончательного решения принято не было. За столом снова заговорили на эту тему. Мнения сыпались одно за другим. Наиболее интересным оказалось предложение Ильи, среднего сына Никиты Ивановича.

-31 августа по церковному календарю именины Геннадия Константинопольского, патриарха, предлагаю мальчика назвать Геннадием.

Никита Иванович почему-то долго молчал, в голове его крутилось много разных имен, но, ни на чем

конкретном он не мог определиться. Остальные тоже молчали, так как уже высказались.

Глава семейства почесал бороду, это по привычке, поднатужился, вначале опустил голову вниз, а затем медленно приподнял ее вверх, хитрыми глазами оглядел окружающих, сжал губы, при этом борода и усы как бы слились вместе. В тот момент выражение Никиты Ивановича слегка напоминало рыжую лису.

-Я считаю, что Илья прав. Второго сына Ванюшки надо Геннадием назвать. Хорошее имя, таких имен сейчас мало. Так ведь и звучит хорошо - Геннадий Иванович. Как ты, Ваня, сам на это смотришь, это твой сын, и без твоего согласия решение не будет принято?

-Я вполне согласен, да, Гена, Геннадий, хорошее имя,- согласился Иван.

Потом он подошел к Илье и обнял его по-братски.

-Спасибо тебе, братишка, молодец, что догадался.

Так, окончательно было выбрано имя маленькому, только недавно родившемуся мальчику.

После застолья решили к Ване домой толпой не ходить, а дать Юле оклематься, оправиться после родов. Когда станет ей легче, тогда новорожденного увидят все.

Прилично выпивший Иван, хотя раньше за ним этого не водилось, стал собираться домой.

Уже стемнело, но Аня керосиновую лампу пока зажигать не стала. Она ходила по комнате взад-вперед с ребенком на руках, качала его, успокаивала, как бывалая нянька. Аня самая проворная и активная, с милым и благородным сердцем, а еще и самая красивая в семье девочка, дочь Никиты Ивановича, младшая сестра Ивана.

Пока все праздновали, обмывали ножки новорождённого, она хозяйничала в доме своего брата.

Юля лежала на спине. Когда открылась дверь, она приподняла голову.

-Как посидели?- спросила мужа.

-Да, ничего, повеселились. Знаешь, на общем семейном совете Илья предложил дать нашему сыну имя Геннадий. Ты согласна?

-Я думаю, что Геннадий - хорошее имя. И как мы с тобой сами не додумались?- поразмыслив, ответила Юля.

-Это хорошо, что Геной назвали, такого имени у нас в роду еще не было,- подключилась к разговору Аня.

Не дождавшись утра, Никита Иванович все-таки решил посмотреть на внука.

Дверь была открыта, из комнаты доносился плач маленького Гены.

Ваня взад-вперёд бродил по комнате с плачущим сыном на руках. Увидев отца, он подошел к кровати, где лежала Юля, положил рядом с ней ребенка и распеленал. Почувствовав холод, малыш еще сильнее расплакался, затряслись его маленькие ручки и ножки.

Никита Иванович молча, в недоумении, поочередно окидывал взглядом сына с невесткой. Аня, прислонившись к печке, следила за происходящим.

-Натворили вы дел, ребята, - лукаво произнес он.

Юля с Иваном переглянулись.

-Папа, я не понимаю, чего такого плохого мы натворили?

-Да, она же копия твоя мать, надо же, такое сходство, - Никита Иванович улыбнулся. Вылитая Мелания Зиновьевна.

Видимо, в этот момент на него нахлынули воспоминания о женщине, которой уже давно не было на этом свете.

Мелания Зиновьевна, была первой женой Никиты Ивановича и родила ему шестерых детей: Анастасию, Иосифа, Илью, Ивана, Софью и Анну. Никита Иванович был крестьянином среднего достатка. Имел дом - с тремя жилыми комнатами, а еще скотный двор и большой сеновал, которые находились под одной крышей с домом. Также имелись две коровы, две лошади, несколько овец и нужный сельскохозяйственный инвентарь. Занимался Никита Иванович в основном шорным делом, шил сапоги, катал валенки, мастерил сани, строил лодки, иными словами - был мастером на все руки. В деревне его уважали, относились с почтением. Одна только была у него слабость - любил выпить, а как напивался, начинал буянить и распускать руки. Больше всех доставалось Мелание Зиновьевне.

После похорон Мелании, Никита Иванович поутих. Больше года он горевал, корил себя, что плохо относился к жене при жизни, а через некоторое время привел в дом Лукерью.

Лукерья была моложе Мелании Зиновьевны, но хозяйство вести умела. Дети Никиты Ивановича ее хорошо знали и одобряли выбор отца. Постепенно они привыкли к ней, чем могли, помогали, но о родной матери память в сердцах своих сохранили на всю жизнь. Такое не забывается.

Вскоре в семье Никиты Ивановича появилось пополнение от Лукерьи: родился первенец Николай, через два года Григорий.

Детишки подрастали, ухаживали друг за другом, а Никита Иванович старел, сил становилось все меньше. Он отпустил густую бороду, пушистые усы, и в деле и без дела часто напевал свою любимую песню с одной музыкальной нотой и простым текстом:

-Бум, бум, бум.

К этой песне дети и Лукерья привыкли и не мешали хозяину себя развлекать, так как понимали, что сейчас он пребывает в очень хорошем настроении.

Юля быстро шла на поправку. Уже на второй день после родов она занялась домашними делами. Грудь была полна материнским молоком, и проблем с кормлением совершенно не возникало. Только вот что-то с аппетитом у Гены было плоховато. Прошло три месяца, а ситуация в лучшую сторону не менялась. Женщины посоветовали Юле пригласить бабушку Ульяну - знахарку. Эта женщина многое знала и добром помогала людям. С Геной ничего такого она сделала. Читая молитву, просто руками водила по животику мальчика, но Гена словно переродился, стал хорошо кушать и спокойно спать.

Иван закрепил к матице потолка гибкую сосновую жердь, один конец которой упирался в потолок возле потолка, а на другой конец закрепил люльку. Таким образом, можно было качать Гену, успокаивать и туда же укладывать спать. Коля любил периодически подходить к кровати братика, гладить его, давать соску.

Малыш подрастал. В девять месяцев он встал на ноги и без посторонней помощи пошел от Юли до стула.

-Хитрый, самостоятельный вырастет,- говорил Ваня, глядя, как шустро его младший сын перебирает ножками по деревянному полу.

В день Рождения Геннадия, на тот момент ему исполнился один год, к Филипповым пришла женщина-почтальон и под расписку передала повестку о призыве Ивана Никитича в армию. Расписавшись в повестке, Иван пригласил ее посидеть с ними, отметить годовщину сына, но она любезно отказалась.

-У меня еще есть работа, многие сегодня получают такие повестки, до свиданья.

Конечно, повестку о призыве в армию из военкомата ожидали, но не в такой момент. Делать было нечего, пришлось продолжить празднование.

Гена, как ни в чем не бывало, носился с братом по комнате и цеплялся за его ружье. Коля был сильнее, быстрее, и, хотя ружье считал своим, иногда, раздобывшись, или по просьбе родителей, все-таки уступал и ненадолго давал братику его поддержать. Тогда Гена был доволен этим, улыбался, радовался. Подержит немного, а потом снов возвращал ружье брату.

Международная обстановка в стране на тот период сохранялась напряженной. С 30 ноября 1939 года шли боевые действия между СССР и Финляндией. Эти обстоятельства тревожило всех.

ОТЕЦ,

До призыва в армию Ивану Никитичу оставалось всего две недели. 15 сентября 1940 года из деревни Вертеп одновременно уходили в армию 16 человек.

Каждый призывник понимал, что в армии не пропадет, его там оденут, накормят, научат военному делу. Получалось так, что в деревне оставались одни хилые старики да женщины с малыми детьми.

Никита Иванович слыл человеком веселым, но в последнее время стал каким-то грустным и хмурым, будто не Ваню, а его самого, пожилого человека, забирают в армию.

У Вани с Юлей была одна корова, Зорька, черная с белыми пятнами по бокам, которая давала много жирного, вкусного молока. За коровой добросовестно ухаживали, хорошо кормили и убирали за ней.

Ваня на зиму заготовил сена. Дровяник был заполнен полностью дровами и еще, на улице, рядом с дровяником, были хорошо уложены колотые четыре поленицы. Работы Иван Никитич не чурался, знал хорошо плотницкое дело, занимался им с малых лет, не выпивал без надобности, не курил, все заработанные нес домой. Накануне своего ухода в армию он получил на работе полный расчет.

-Вот тебе, Юленька, моя последняя зарплата. Теперь все тяготы домашней жизни лягут на твои женские плечи, и хозяйство, и дети,- сказал Иван, всунув в руку жены деньги.

Юля прижалась к мужу.

-Ничего, Ваня, мы справимся, ведь не одни мы такие, почти вся деревня осиротела.

Мальчишки, Коля и Гена обрадовались появлению отца, и быстренько окружили родителей. Гена начал цепляться за подол маминого сарафана, а Коля ухватился за штаны отца, высоко задрал голову, пытаясь рассмотреть его лицо. Коля не понимал, что происходит,

почему папа и мама обнимаются, ведь раньше за ними такого он не замечал.

Недолго постояв в обнимку, Ваня с Юлей как по команде нагнулись и взяли детей на руки: Ваня старшего, а Юля младшего. Подошли к столу, сели друг против друга, усадили детей на колени и сидели так, молча, пока не опомнились.

Настала пора накрывать на стол. Юля встала, спустила Гену на пол. Гена не хотел ее отпускать, крепко держась за сарафан.

-Гена, а Ген? Иди ко мне, я вас обеих покачаю.

Гена согласился и потянул к папе свои маленькие ручки. Ваня усадил Гену на свободное колено и стал качать детей. Он быстро поднимал колени, вверх, вниз, вверх, вниз. Дети радовались, смеялись.

Пока Ваня играл с детьми, развлекал их, Юля собирала на стол. И, тут как тут, без стука, в дом вбежала Аня.

-К вам в гости наши собираются!

-Ну, хорошо, нам будет веселее!- сказал Иван.

Стол был накрыт, оставалось только подождать гостей.

Ваня с детьми подошли к окну. Коля был уже выше подоконника и мог вертеть головой во все стороны и все видеть, а Гена - видел только стены. Иван заметил напрасные старания малыша и помог Гене, взяв его на руки.

-Скажи, сынок, кто к нам идет в гости?

-Деда, - заглянув в окно, не поворачиваясь к отцу, ответил маленький Гена.

Гости зашли в дом. Сразу стало шумно, весело. Дети объединились, занялись своими делами, а взрослые сели за стол. Все с грустью и в то же время с уважением смотрели на горделивого Ваню, который будто и не собирался уходить на военную службу. Он болтал, а, немного выпив, предложил спеть. Никита Иванович поддержал сына.

-Давай, Ваня, ты мастак до песни, да и слова песен знаешь, запевай, сынок!

Иван Никитич откашлялся и медленно вполголоса затянул сначала "Ой, при лужке, при лужке...", потом "Казак молодой" и еще много старинных песен. Все сидящие за столом смотрели ему буквально в рот, у Вани был поразительно красивый голос.

Уже поздно вечером родственники засобирались домой. Стол был пустой, съели и выпили все.

До отправки в армию Ивана Никитича оставался один день.

-Завтра последний день моей вольной жизни. Так что, прошу всех к нам. Устроим проводы.

-Хорошо, сынок, завтра мы обязательно будем у вас,- тихонько ответил Никита Иванович за всех и закрыл за собой дверь.

Юля сидела на краю кровати и кормила грудью Гену. Ваня стал наблюдать, с какой жадностью он сосет грудь, держась обеими ручками. Насытившись молоком, Гена слез с маминых колен и побрел к столу. Кряхтя, стараясь и мучаясь, он влез на стул (в этом ему никто не помогал), стянул со стола недоеденный кусочек шаньги и стал его грызть. Довольный, он повернул голову к родителям и увидел их изумленные глаза. Гена понял, что родители одобряют и поощряют его поведение.

-Ах, ты, Гена, молодец, настоящий мужчина! Скоро будешь помощником маме,- похвалил сына Ваня.

Иван подошел к сыну, обнял его, взял на руки, поцеловал, а тот, как ни в чем не бывало, продолжал направлять кусочек шаньги в рот, где уже появились первые зубки, которые, по всей видимости, чесались.

Ваню вдохновил такой неожиданный поворот событий, но он решил виду не подавать.

-Юля, потихоньку отучай Гену от груди, большой он уже для этих дел, сам кушать умеет, и тебе легче будет, хватит, нечего баловать его, тебе сейчас одной придется справляться с обеими,- очень серьезно обратился Ваня к жене.

Юля жалела Гену, он с пеленок был капризным, балованным, и не совсем здоровым, поэтому нельзя было так резко прерывать грудное кормление.

Она с удивлением смотрела на мужа, откуда вдруг взялась такая строгость? Хотя не так давно Ваня помогал отучать от ее груди Колю. Это было нетрудно сделать, видимо потому, что Коля был здоровее Гены, раньше начал ходить, раньше зубы прорезались, и вообще он был смысленее.

Отучили Колю от кормления грудью очень просто. Ваня взял блюдце с только что сцеженным грудным молоком Юли, позвал Колю, и, взяв его за ручку, подвел к тазу. Иван, скривив лицо, стал медленно выливать молоко серо-белого цвета в таз. Коля внимательно наблюдал за процессом, ничего не понимая.

-Коля, смотри, молочко невкусное, плохое, кислое, фу, фу, кака!

Коле стало очень страшно. Он хотел вырваться из рук отца, но тот не отпускал. Когда все молоко было

вылито в таз, Коля резко повернулся и, пошатнувшись, чуть не упал.

-Почему же мама, такая хорошая, самая красивая в мире и мною такая любимая, а такое плохое и кислое у нее молоко?- думал в этот момент Коля, глядя на маму.

- Как же так, ведь мне было так вкусно и приятно? Оказывается, я ошибался. Все. Больше эту гадость в рот не возьму, бяка, бяка! Конечно, парное молоко нашей Зорьки намного вкуснее мамино,- продолжал думать Коля.

Тогда Ваня с Юлей и не собирались отучать своего старшего ребенка от материнского молока, это получилось спонтанно.

С этого момента Коля ни разу не прикасался к груди Юли, только смотрел с отвращением.

Родственники и знакомые собрались в доме Ивана, чтобы проводить его в армию. Было столько народу, что не всем хватало места за столом, и пришлось из дома Никиты Ивановича принести стол.

Все, наконец, уселось. С краю, возле окна, разместились отец с сыном, Никита Иванович, Иван Никитич, по старшинству. Первым слово взял отец Вани.

-Сынок, вот и настало твое время защищать Родину. Я не умею красиво и много говорить, но кое-какие напутствия дам. Припомните, чует мое сердце, немец будет воевать с нашим народом, он захватил, завоевал почти всю Европу, социализм ему, как кость в горле. Вот и финны, хоть и небольшой народ, а первыми напали на нас. Не побоялись, а знали, что сил и духа у них не хватит. Они, видимо, надеялись на помощь фашистов. Вот и получили от нас по зубам.

Немец хорошо вооружен, народ дисциплинирован, порядок в армии. Так вот, сынок, мой отцовский совет или наказ тебе - в случае боевых действий ты вперед не суйся и назад не отставай, под пули не лезь, я тебя знаю, ты всегда хочешь быть первым. Тут надо соображать, думать головой, оценивать обстановку.

Солдата защищает земля. Лучше и глубже рой себе окопы, ближе прижимайся к земле. Пуля – дура, не разбирает, в кого попадать. Береги себя, Ваня, ты нам нужен здесь. Твоя жена и дети будут ждать тебя. И мы все будем ждать. Если Бог даст, немец на нас не нападет. Служи честно и аккуратно выполняй приказы командиров. Долг есть долг, и его нужно выполнять. Скорейшего тебе возвращения. Береги себя, мы все будем за тебя молиться.

Все слушали Никиту Ивановича, внимательно всматриваясь в его бородатое лицо. Никогда еще он не говорил такой длинной напутственной речи. И откуда взялось так много слов? Говорил он от души, негромко, периодически посматривая на свой стакан со спиртным.

Во время речи главы семейства, Юля, сидевшая рядом с Иваном, периодически вытирала мокрые от слез глаза концом своего платочка.

Когда Никита Иванович закончил своё выступление, все встали и подняли стаканы. По дому разнесся звон стекла. Выпили стоя.

Затем слово взял Илья.

-Батя, где это ты так выступать научился? После твоих слов мне и добавить нечего. Но все же, немного скажу. Ваня, ты у нас в семье самый активный, так вот, там, на армейской службе ты свой пыл немного прижми,

не лезь, куда не надо. Служи честно, а остальное придет. Лишь бы войны не было.

Снова все выпили. Потом запели старые песни. Юля не отходила от мужа, а тот больше обычного прижимался к ней.

Запахавшись, вошла в дом Аня, и, подойдя к Юле, тихонечко на ушко прошептала.

-Гена раскапризничался, ревет, никак не могу его успокоить. Спуститесь к нам, покормите, он, наверное, голодный.

Дети на тот момент находились в доме у деда под присмотром Ани.

Юля предупредила мужа и отправилась вместе с Аней.

После того, как малыш поел и уснул, она вернулась к мужу.

Проводы закончились поздно вечером. Постепенно гости стали расходиться. Каждый подходил к Ване с Юлей, благодарил, пожимал Ивану руки, обнимал, зная, что ему предстоят большие испытания. Последним уходил Никита Иванович.

-Не забудьте, завтра отправка, не проспите! - крикнул вслед отцу Иван.

Аня привела детей, помогла убрать со стола, вымыть посуду и удалилась восвояси.

Ночь 15 сентября 1940 года была самой короткой в жизни Ивана и Юли. Рано утром он и еще пятнадцать ребят должны были собраться возле конторы правления колхоза.

Дети, предчувствуя отъезд папы, проснулись рано, даже кошка Муська не вилась, как обычно у ног хозяйки, а тихонько сидела у печки.

Время поджимало. Первой зашла Аня, уже одетая, готовая в путь для проводов родного и любимого брата. Постепенно поднялись и остальные. Все были одеты, кроме Никиты Ивановича и Лукерьи. Ваня догадался, что они провожать его не идут.

-Давайте присядем на добрую дорогу,- предложил Никита Иванович.

Все сели, кто на стулья, кто на кровать. Замолчали.

Коля сидел на коленях отца, а Гена на коленях дедушки.

-Пора! - скомандовал Никита Иванович.

Женщины заголосили. Дети, ничего не понимая, тоже стали плакать. Юля бросилась на шею мужа и крепко вцепилась в него обеими руками.

-Не пущу! Никуда не пущу! Не пущу!- рыдая, кричала она.

Иван нежно отодвинул от себя жену. Он хотел первым попрощаться с отцом.

Когда их глаза встретились, отец и сын резко сделали шаг навстречу друг другу и обнялись.

-Береги себя, сынок, будь осторожен, - он потрепал сына за шевелюру и отошел.

Следом за отцом подошла попрощаться с Иваном Лукерья. Она тоже высказала ему свои пожелания и перекрестила Ваню, стоя перед ним.

Детей решено было не брать с собой. Но Коля, смекнув, что его папа куда-то надолго уезжает, решил проявить свой характер.

Иван Никитич поднял на руки и прижал к себе маленького Гену. Тот не сопротивлялся, а даже наоборот, радовался. Раскрыв рот, он медленно стал гладить отца по щеке. Но когда Ваня подошел к Коле, то старший сын вцепился в него так, что Иван не смог вырваться от его объятий.

-Папа, я с тобой, папа, я с тобой!- кричал в истерике Коля, упав на живот, стал тарабанить о пол руками и ногами.

Провожающие не понимали, что происходит с Колей.

-Делать нечего. Колю придется взять с собой,- сказал Иван.

Услышав это, Коля тут же успокоился и нашел под кроватью свое любимое ружье. Аня его тепло одела, Гену же взяла на руки и отнесла к бабушке.

Ваню уже ждали на улице возле крыльца. Дом опустел. Последним выходил Ваня. Остановившись у двери, еще раз окинул взглядом родные стены, будто хотел сохранить в памяти все, что видел перед собой.

Иван Никитич на уличной двери наискось положил коромысло. Воровство тогда не особо практиковалось, и амбарные замки были ни к чему.

Пока Ваня прощался с домом, Юля ждала его на крыльце и наблюдала, как ловко ее муж кладет коромысло вместо замка. Они вместе спустились с крыльца и вошли в середину толпящихся людей. Еще раз Иван подошел к отцу, стукнул его по плечу, обнял. Они некоторое время стояли молча, глядя друг другу в глаза.

-Ну, что, нам пора, опаздывать нельзя, накажут,-
глядя на отца, сказал Ваня.

Иван встряхнул свой холщовый мешок, в который Юля положила еду, вязаные из овечьей шерсти носки и рукавицы, носовые платки и еще кое-что из одежды. Котомка получилась не большой, но тяжелой.

-Коля, поправ ружье, возьми его в руки или передай маме, тебе неудобно его нести,- сказал кто-то из провожающих.

Юля шла в ногу с мужем. Коля одной рукой крепко держал за руку отца, а другой прижимал свою любимую игрушку.

Так они дошли до правления колхоза, где уже собралось много народа. Из этой толпы особо выделялся высокий, в зеленой военной форме, мужчина. Он заметил приближающихся людей и вышел им навстречу. На голове мужчины была фуражка красного цвета, на которую сразу обратил внимание Коля.

-Папа, папа, посмотри!- указывая пальцем на военного, в изумлении кричал он.

Иван Никитич, держал на руках ребенка, который, в свою очередь, на своих маленьких плечах нес любимое ружье, подошёл к представителю военкомата. Офицер, встречавший их, басистым голосом произнес:

-Вот и последний прибыл. Это вы, товарищ Филиппов?

-Да!

-Встаньте к новобранцам,- он показал рукой, куда нужно становиться.

Ваня опустил сына на землю, взял его за руку и решил дожидаться провожающих. Те, заметив, что их ждут, ускорили шаг.

-Подождите, попрощаться еще успеете. На это будет дано дополнительное время. Товарищ Филиппов, встаньте в строй!

Эта армейская команда была первой для Ивана Никитича.

Ваня передал сына матери, а сам подошел к строю новобранцев и встал с краю.

Командир достал листок бумаги.

-Всем тихо!- командовал он.

Галдеж в толпе провожающих и новобранцев резко прекратился.

Военный оглядел строй призывников и по списку стал громко зачитывать фамилии с именем и отчеством.

Каждый новобранец, слышавший свою фамилию, делал шаг вперед.

-Тут.

-Я здесь.

-Тут.

Командир медленно обошел строй спереди и сзади, изучая каждого и определяя, нет ли среди них пьяных, буйных или больных.

Все шестнадцать человек были одеты чистенько и очень просто. На ногах у большинства были обуты калоши, и лишь на некоторых «красовались» старенькие изношенные сапоги.

-Нам предстоит пешком идти до Краснобора, там нас будет ждать машина.

Он говорил на коми языке, четко и ясно.

Заиграла гармонь. Провожающие ринулись к призывникам. Слышен был громкий плач женщин и детей.

Иван Никитич быстро пробрался через толпу и только успел поднять на руки сына, как услышал грозный голос командира.

-Новобранцы! Все подойдите ко мне!

Новобранцы потянулись к командиру и окружили его. Он новобранцам некоторое время что-то объяснял, размахивая руками.

Провожающие в этот момент стояли на приличном расстоянии от призывников, и слышать их разговор с командиром возможности не имели.

Представитель военкомата первым разомкнул кольцо и подошел к родственникам будущих солдат.

-Так и быть, я разрешаю вам проводить новобранцев до машины. Путь нам предстоит неблизкий, пешком идти далековато, еще и дорогу размыло дождём. Вернее, это не дорога, а извилистая, скользкая и каменистая тропа. Поэтому те, кто плохо себя чувствуют или не могут идти по каким-либо другим причинам, попрощайтесь сейчас. Детей брать с собой не советую.

В этот момент он посмотрел на Колю. Сначала взгляд военного человека показался ребенку суровым, но в какой-то момент Коля поймал на лице дяди в красной фуражке еле заметную улыбку.

И все равно Коле этот человек в военной форме не понравился. Он был каким-то голосистым, строгим, и его

почему-то все слушались. А главное, он хотел увести куда-то его любимого папу, куда только, Коля не понимал. Ему вдруг стало так страшно. Не выдержав взгляда "зеленого человека", Коля шмыгнул под сарафан Юли и спрятался от всех в её одежде. Вдруг стало темно. С большим усилием он нащупал одну ногу мамы. Теперь он мог стоять сколько угодно, у него была опора - мамина нога. Потом он нащупал вторую ногу и изо всех сил постарался обнять обе ноги, но это ему не удалось.

Мама сделала шаг, другой. Коля совсем запутался под сарафаном, заплутался о что-то твердое, наверное, это были калоши мамы, чуть не упал, но удержался. Коле хотелось кричать, но от страха он молчал.

-Коля, где ты, мы тебя потеряли!- послышался голос Ани.

Коля молчал, сильнее прижимаясь к маминой ноге.

Вдруг Юля подняла подол своих юбок, стало совсем светло, у ребенка закололо глаза - увидеть белый свет сразу после тьмы было страшно и необычно.

Люди, окружавшие в этот момент Колю, стали улыбаться. Они действительно удивлялись такой хитрости малыша.

Не замечая окружающих, Коля стал искать свою любимую игрушку. Ружье лежало недалеко от маминых ног, оно было в грязи, и ремень тоже. Несмотря на крайне неприятный вид, Коля решил все равно его забрать. Он нагнулся и поднял ружье, придерживая за ремень, а загрязнившиеся руки вытер о свои штаны.

Илья взял Колю за руку, но тот с силой ее одернул, надул щеки и со злостью посмотрел на Илью.

-Я с тобой не пойду, я хочу идти с мамой!

Юля наклонилась к сыну и, глядя прямо в глаза, строго сказала:

-Если так, то тебя мы оставим здесь. Пойдешь домой один.

Коля понял серьезность маминых намерений.

Ничего не оставалось делать, как подчиниться. Он опустил голову и поднял обе ручонки в направлении Ильи.

Илья взял капризного мальчика и посадил к себе на плечи, но тот сильно заерзал.

-Коля, тебе что, неудобно?- спросил Илья.

-Дайте мне ружье!- во все горло завопил Коля.

Юля со злостью сунула эту палку ему в руки.

Ребенок повеселел, заулыбался, радуясь своей победе над взрослым человеком.

В стороне лежало бревно, на край которого присел командир, ожидая всех остальных. К нему стали подходить и задавать вопросы, провожающие своих детей, мужчины. В основном, они касались политики, отношений СССР с Германией, результатов войны с Финляндией. К человеку военному и вопросы, соответственно, военного порядка.

Чувствуя, что время поджидает, военный решил завершить пресс «вопросов и ответов».

-Граждане, нам пора в дорогу. Призывники, за мной!

Провожатые семьи Филипповых в полном составе решили двинуться в Краснобор.

-Призывники, стройся!- прозвучала очередная команда офицера.

Он решил обойти строй новобранцев еще раз и назначить старшего, ответственного за дисциплину. Из всех выделялся один крупный коренастый парень. Недолго думая, военный подошел к нему.

-Назовите вашу фамилию?

Здоровяк в недоумении произнес свою фамилию тихо-тихо.

Ребята рассмеялись.

-Назначаю тебя старшим. С этого момента ты будешь отвечать за поведение своих товарищей. Всем понятно?

-Направо!

-Отставить!

У новобранцев четкого выполнения команд не получалось.

-Направо!

-Впереди строя пойду я, а замыкать колонну будет старший. Шагом марш!

Новоиспеченные солдаты медленно шагали за командиром, толпа провожающих следовала за ними. Люди шли в обнимку друг с другом, и людская цепочка растянулась. После спуска к реке Ижма командир остановил колонну новичков, и все стали ждать отстающих. Под ногами скользила грязь, в воздухе пахло сыростью, дул небольшой ветерок.

Илья с Колей на руках замыкали колонну родственников. Аня с Юлей шли впереди, иногда оглядываясь на них и проверяя, все ли у них в порядке. Чувствуя, что те отстают, Аня замедлила шаг.

-Илюша, дальше Колю поведу я, ты выглядишь усталым.

Все трое постояли, отдохнули. Аня взяла Колю за руку, и они тронулись в путь. Илья зашагал быстрее и догнал впереди идущих. Аня с Колей сильно отстали. Коля еле шел, весь запыхался, он устал, но игрушку свою продолжал тащить за собой.

Они остановились, отдышались. До машины оставалось дойти не совсем близко, но Коля идти дальше отказывался.

-Коля, залезай мне на плечи, я буду лошадкой, будешь сидеть на мне, как в седле. Помнишь, как ты катался на плечах у папы, как вы вместе весело прыгали?

-Да,- пробубнил себе под нос Коля.

Нехотя он подошел к Ане сзади и попытался подняться ей на спину.

-У меня никак не получается.

-Ну, давай еще разок. Коля, тебе ружье твое мешает, давай я его подержу.

Коля согласился и передал игрушку Ане. Аня спустилась пониже. Коля поднялся сначала на камень, а потом навалился всем телом на маленькую Аню.

-Теперь подай мне руки.

Аня ухватила Колю за руки и усадила его на свою спину.

Коля был уже слишком тяжелым для такой маленькой и хрупкой Ани. Не то, что раньше, когда он был еще совсем маленьким и легким.

Коля плотно обвил руками ее шею.

Аня, набравшись сил, шатаясь, все-таки поднялась, крепко удерживая его ноги в грязных, но новых сапогах, сшитых дедушкой.

Вдалеке виднелась машина. Раньше Аня такого чудища не видела, но слышала, что ездит она, как телега, но только без лошади, и в ней есть какой-то мотор.

Аня несла Николку, опираясь на ствол деревянного ружья вместо палки.

Илья, обернувшись назад, увидел, как сестра на своих плечиках несет этот ленивый, капризный живой груз. Он решил пойти им навстречу и немного наказать мальчишку. Но, как только они поравнялись, Коля воспрял духом, поднял руки и потянулся к Илье, ласково и широко улыбаясь. У Ильи мигом прошла злость. Он взял капризулю на руки. Уставшая Аня старалась от них не отставать.

Наконец, они дошли до машины. Провожающие и новобранцы смешались в толпе между собой. Они разговаривали, обнимались. Хотя не очень длинная, но крайне тяжелая дорога измотала их. Ваня с Юлей тоже стояли обнявшись. Им так много хотелось сказать друг другу, но они почему-то молчали.

Командир стоял возле машины и курил папиросу.

Илья опустил Колю на землю, и тот, забыв про свою игрушку, бегом ринулся к родителям. Он запрыгнул всем телом на папу, Юля обняла их обоих, и они так, обнявшись, стояли некоторое время. За этой удивительно сердечной картиной наблюдали все и восхищались этой семьей и тем, как они любят друг друга.

Офицер, докурив свою папиросу, бросил ее на землю и затоптал носком сапога. Подойдя к машине, он приоткрыл дверцу, достал оттуда бархатную узкую

тряпочку и аккуратно вытер ею сапоги. Они заблестели. Потом военный поправил гимнастерку, подтянул ремень и направился к толпе стоящих неподалеку людей.

-Прощайтесь, только недолго,- сказал он.

Пока народ прощался, командир подошел к семье Филипповых, а точнее, он подошел к Коле и протянул ему свою правую руку, чтобы поблагодарить его за мужество. Ведь этот мальчик проводил отца прямо до машины.

Но Коля испугался, зажался, отвернулся и лицом уткнулся в Ивана.

Тогда военный протянул руку Ивану.

-Молодец, хорошего сына растишь. Достойная смена.

Офицер погладил Колю по голове.

Немного постояв и посмотрев на эту дружную семью, отошел от них.

-Давайте заканчивайте прощания!- скомандовал он,-
Время вышло! Новобранцы, становитесь в одну шеренгу!

Призывники построились. Командир обошел строй, оглядывая всех. Убедившись, что все на месте, произнес:

-А теперь по одному поднимайтесь в кузов и
рассаживайтесь на скамейки. Будем ехать до Щельяюра.
Вопросы есть?

Вопросов не было.

Последним в кузов машины поднялся Ваня. Юля прижалась к борту кузова. Коля был с ней. Иван Никитич наклонился, поцеловал жену и сына. На этот раз Коля расщедрился и решил подарить отцу свою игрушку-ружье. Ваня подержал его в руках и быстро вернул сыну.

-Нам тоже скоро такие игрушки выдадут. Так что, сынок, ружье тебе обратно возвращаю. Ты вооружен, значит быть тебе хозяином. Слушайся и береги маму и младшего брата Гену. Не обижай их, не капризничай. Пишите письма, служба быстро пройдет, и мы вернемся домой, только ждите. Берегите себя и ждите!

Коля внимательно слушал папу. Многие из его напутственной речи он не понимал.

Автомашина ЗИС-5 тихонько тронулась с места. Провожаящие люди отступили дальше. Сидящие в кузове встали, повернулись лицом к провожающим и стали махать руками, кричать. Скорость нарастала, и машина удалялась все дальше и дальше.

Родные Вани и остальных ребят еще некоторое время стояли и смотрели в сторону скрывшейся уже из виду автомашины, увозившей их родных мужчин.

Обратная дорога в родную деревню оказалась еще трудней. Илья предложил Юле понести Колю на своих плечах, но тот заупрямился.

-Не хочу, не хочу, я пойду с мамой.

Из обеих ноздрей Коли выскочили желто-зеленые сопли. Он их вместе со слезами самостоятельно вытер рукавом своего теплого пальто.

-Колю дальше понесу я,- сказал настойчиво Илья.

Коля согласился. Игрушку Коли несла Юля.

Медленно дошли они до мостика. Решили постоять, отдышаться. Потом они пошли в гору. Дорога уже немного подсохла, и было уже не так скользко.

Пришли домой, уборку решили не делать - примета плохая.

У Юли скребли на душе кошки, хотелось рыдать и никого не видеть.

На следующий день после призыва Вани в армию подниматься с постели Юле совсем не хотелось. Весь день моросил дождь. Тихонько потрескивали в печи дрова.

-Хорошо, что Аня осталась ночевать,- подумала она.

-Юля, давай пить чай, и детей надо покормить.

-Давай.

Вскоре к ним поднялись все члены семьи Никиты Ивановича. Лукерья, всегда добрая и улыбчивая, принесла с собой еду и выпить.

-Эта беда коснулась всех нас. Гражданский долг каждого взрослого мужчины - служить Родине, защищать нас и нашу землю. В армии служит не только твой Иван, но и все здоровые мужчины, все, кроме больных. Мы в стороне не останемся и будем, чем сможем, помогать тебе. Давайте пожелаем Ване хорошей службы, и мира на земле без войн и других потрясений,- гордо произнес Никита Иванович.

За это выпили из стакана до дна. Аня тоже сидела за столом и смотрела, как рывками и бульканьем, с каждым движением кадыка на шее папы убывает из стакана самогон и издается звук, будто соприкасается камень воды на дне глубокого колодца. Стакан опустел. Никита Иванович опрокинул его, решив выжать последнюю каплю, высоко опрокинув свою голову.

-Вот и хорошо,- он поставил стакан на стол. Илья говорил, что вчера Коля показывал свой характер, ездил на плечах людей, как на лошади верхом, хитрец, а?

Почувствовав, что дедушка что-то говорит о нем, Коля перестал играть с костяшками, резко махнул рукой, разбросал игрушки, быстро вскочил с места, побежал за печку и спрятался там. Гене это не понравилось, ведь они вместе строили круг, а Коля его сломал.

Гости сидели не долго. Главной целью их визита была поддержка хозяйки дома. Аня тоже засобиравалась, но Юлия попросила её остаться у них, поглядывая на Никиту Ивановича.

-Аня, если дома у тебя нет особых дел, и папа возражать не будет, останься с нами. Мне и детям будет веселее, да и все-таки, какая-то помощь.

Никита Иванович не стал возражать.

Находиться в доме брата Ане всегда нравилось. Мигом она стала убирать со стола. Налила в миску из самовара горячей воды и только принялась мыть посуду, как вспомнила про ребят. Девочка оглянулась. Гена сидел на корточках и усердно собирал из разных косточек новый круг, подбирая их по размеру и форме. Он был крайне занят своим важным делом и не обращал никакого внимания ни на маму, ни на Аню. Коле было стыдно за свое поведение на проводах папы. Уходившие гости пытались попрощаться с ним, но он так и не вылез из-за печки. Коля еще долго сидел в углу, будто его наказали. Он ждал, что мама пожалеет его, попросит выйти, но этого не происходило. Терпение, наконец, закончилось, и Коля решил выйти из своей засады. Надув щеки, он стукнул хорошенько по печке кулаком, и, исподлобья, напыжившись, посмотрел сначала на маму, потом на Аню. У Коли отлегло от сердца, после того, как он увидел, что мама с Аней улыбаются, глядя на него. Коля задрал голову, широко улыбнулся и с грохотом, топая,

быстрыми шагами побежал к маме. Юля сходу поймала сына и расцеловала.

-Вот мой будущий защитник, хотя растёт капризным и хитрым мальчиком, но с добрым, мягким характером.

Так, обнявшись, уселись они на кровать. Сидели какое-то время, покачиваясь, вперед, назад. Мама думала в этот момент о муже и как дальше жить, воспитывать двоих детей одной, а Коля вспоминал свой первый далекий поход на проводах папы в армию. Из головы не выходили высокий мужчина в зеленой одежде, блестящих сапогах и красной шапке, и машина, которая так быстро ездит на четырех колесах без лошади и кучера. Машина гудит, фыркает и выпускает дым. Он многого тогда не понимал, но впечатлений была масса.

-Видел бы все это Гена! Он бы, наверное, ахнул!- подумал Коля о брате.

Тянулись долгие дни и ночи ожиданий хоть каких-то новостей от мужа. От некоторых призывников, что уходили вместе с Иваном Никитичем в армию, начали приходиться письма родным. А от него самого ничего - как в воду канул. Уже выпал первый снег, а вестей от Вани всё не было. Душа Юли ныла, болело сердце.

-Жив ли он, что с ним?- Юля терялась в догадках.

И, вдруг большая радость. В начале декабря 1940 года в дверь постучала почтальон Вера, в руках Веры было сложенное треугольником письмо.

-Юля, и в твой дом пришла радость!

Пройдя в комнату, она положила письмо на стол.

Юля взяла бумажный треугольник со стола, поднесла его к губам и несколько раз поцеловала. Дети смотрели на маму с удивлением.

-Что такое случилось с мамой? Почему она целует бумагу?- думали они.

-Коля, Гена, у нас большая радость, от папы пришло первое письмо!

Слово "письмо" тоже было для них непонятным.

-Это же письмо от вашего папы!

Коля вдруг подумал, что в этом бумажном треугольнике находится папа.

-Странно, папа такой большой, разве мог он поместиться в этот бумажный лист?- анализировал Коля.

Недолго думая, он резко сорвался с места, вырвал бумажный треугольник из маминых рук, попытался его открыть, чтобы посмотреть изнутри, долго крутил конверт в руках, но так и не понял, как эта штука открывается.

Юля силой вырвала письмо из рук Коли, посмотрев на него с укоризной.

Тут Юлию Андреевну осенило - она же совсем не умеет ни читать, ни, тем более, писать. В детстве ее родители и братья чуть ли ни силком гнали в школу, но учиться она не захотела. Даже расписываться не научилась. Теперь Юля серьезно пожалела об этом. Делать было нечего.

-Пойду к Никите Ивановичу, там Илья грамотный, прочитает вслух,- подумала Юля,- хорошей новостью обрадую.

Задыхаясь и улыбаясь, Юля дрожащей рукой подала письмо Никите Ивановичу. Приняв письмо, глава семьи покрутил его, как бы убеждаясь, в целостности ли оно, не раскрывал ли его кто. Никита Иванович читать тоже не умел. Он подозревал Илью.

-Прочитай, сынок, вслух, чтобы все знали, как там у Вани проходит армейская служба.

Илья, не торопясь, важно, раскрыл треугольник. Потом оглядел всех присутствующих. Он заметил, что Юля одним концом платка вытирает глаза, а другой - вложила в рот, скорее всего, от волнения.

Читал Илья хорошо, некоторые моменты перечитывал по несколько раз, чтобы всем было понятно.

В своем письме Ваня извинялся за какие-то особые условия, по причине которых так долго не писал. На военную дисциплину, тренировки, учения Иван не обижался, питанием был доволен, и впредь обещал писать как можно чаще.

Закончив чтение, Илья вернул листок Юле.

Мысли о муже не покидали Юлю. Всю ночь после получения письма она не спала.

Буквально на следующий день почтальон Вера пришла в дом Никиты Ивановича. В деревне ее любили и уважали за общительность, приятную внешность, мягкую речь, за доброту. Переступив порог, она низко поклонилась, сделав пару шагов от двери.

-Простите, если можете, извините меня, такая уж у меня работа - приносить в дома людей хорошие или плохие новости. Вчера Юле хорошую новость принесла, а сегодня пришла к вам, Никита Иванович, с грустными вестями. Илью вашего в армию забирают, вот повестка. В деревне молодежи-то совсем не осталось, забирают последних парней.

Никита Иванович взял повестку и быстренько передал ее Илье, будто она обжигала ему руки.

Вера уже ушла, но все почему-то стояли в оцепенении. Никита Иванович решил разрядить обстановку.

-Чему быть - того не миновать. До отправки Ильи в армию, слава Богу, время еще есть, успеем подготовиться. А теперь давайте пить чай!

Эту плохую новость об отправке Ильи в армию Юля узнала в тот же день от Ани.

-Беда коснулась не только нашей семьи, а почти всех жителей деревни. От предназначенной судьбы, видно, никуда не деться,- спокойно говорил Никита Иванович.

Настал день отправки в армию Ильи. Накануне организовали проводы. На это мероприятие Юлю пригласил сам Илья. Столы были накрыты. Сели за стол. Никита Иванович произнес напутственную речь, выпили, спели несколько песен, но облако грусти постоянно висело над столом. Вскоре Коля закапризничал, его поддержал Гена. Они ни на шаг не отходили от мамы, время от времени дергая ее за сарафан.

-Мама, а мам, пошли домой,- часто повторяли они.

-Ну, что с ними поделаешь, ведь посидеть все равно не дадут,- решила она.

-Аня, одень ребят, они сегодня какие-то беспокойные, может, дома успокоятся.

Юля встала из-за стола. Попрощавшись со всеми, повела детей домой. За ними следом вышла и Аня. Она, как опытная нянька, ухаживала за детьми: мыла, кормила, стирала, играла с ними и редко ночевала у себя дома. Юля была рада этому. По хозяйству Аня тоже активно помогала Юле. Иногда она доила корову и убирала за ней. Юля скоро привыкла к такой активной и умелой помощнице. Бывало, что она даже повелительно

покрикивала на Аню, но та, всегда покорная, без слов, выполняла все указания жены своего брата.

ВОЙНА.

От Вани письма стали приходиться чаще. Он сообщал, что немцы часто делают провокации на границе с СССР, но с ними имеется договор о ненападении, и он надеется, что будет мир, хотя может случиться всякое. Армейская служба идет у него хорошо, но был бы он дома, было бы гораздо лучше.

22 июня 1941 года в деревне Вертеп шел сильный дождь с грозой, гремел гром, сверкали змеевидные желтые молнии. Было темно. Никто не предполагал, что немцы, нарушив мирный договор, вероломно, как голодные волки, не объявляя войны, нападут на мирный Советский Союз.

Поскольку была гроза, Юля решила в этот день не отпускать корову Зорьку на выпас. Так же поступила и Лукерья.

Дети играли дома с Аней. Юля решила сходить в гости к Лукерье, взяв с собой несколько теплых шанег, спустилась в дом родителей своего мужа.

Они сидели, разговаривали, пили чай. Дождь лил целый день. Кругом стояли лужи и текли ручьи. А нижний ручей (шор) стал широким, грязным и журчащим.

Новости о нападении фашистских захватчиков до жителей деревни Вертеп дошли значительно позже и вихрем пронесли по всем домам.

Юля не сразу поверила в то, что говорили люди. Ведь со слов мужа она знала, что между нашими двумя странами существует какой-то договор о ненападении, и нарушить его не то, что нечестно, а даже подло, и такого точно не может быть.

Но это оказалось правдой. Юля лежала на кровати, уткнувшись лицом в подушку, она рыдала так, что у нее дергались плечи.

Видя, что мама плачет, получив от Ани какую-то плохую весть, дети стали смотреть на свою няньку, как на обидчицу - с неприязнью. Коля даже замахнулся, чтобы ее ударить, но Аня тут сама расплакалась.

Наконец, обе женщины, устали от собственного плача и начали понемногу успокаиваться - слезами горю все равно не поможешь.

С этих пор наступили тяжелые дни. Все ходили угрюмые, злые. Не было уверенности в завтрашнем дне. Мужчин в деревне не осталось, кроме хилых и немощных стариков. Вся тяжесть мужского труда легла на плечи женщин. Лозунг "Все для фронта", расположенный у входа в правление колхоза, исполнялся на практике, а в самом правлении на почетном месте висел портрет И.В. Сталина. Многие, даже не являющиеся членами колхоза, специально заходили в контору посмотреть на вождя Советского Союза. По рассказам детей Никита Иванович имел некоторое представление о том, как выглядит Сталин, но сам он его еще не видел. Поэтому решил лично сходить в правление и посмотреть на вождя и главнокомандующего Советской армией.

В один из солнечных дней Никита Иванович зашел в контору правления. Когда открыл дверь, в глаза бросился большой портрет, а рядом с ним еще три портрета, размером поменьше. Никита Иванович сразу понял, что

на самом большом портрете изображен Сталин, но что за люди на остальных портретах, не знал.

-Наверное, вы желаете вступить в колхоз, а, Никита Иванович?- спросила счетовод Полина. Вы ведь раньше работали у нас, а потом ушли по болезни. Как теперь ваше здоровье?

-Здоровье у меня, как и прежде, неважное, и улучшений нет. Сил стало совсем мало. Взрослых сыновей забрали в армию, а одну корову и лошадь забрал колхоз. Пришел, вот, посмотреть на вождя нашего государства. Ладный Сталин-то, усы черные, во рту курительная трубка, тяжелая, видно, раз рукой придерживает.

Никита Иванович подошел ближе к портрету и начал что-то бормотать себе под нос. Затем он решил изучить и другие портреты.

С первого из трех портретов на него смотрел лысый, с усиками и узкой бородкой и хитрыми прищуренными глазами, мужчина.

-Это Владимир Ильич Ленин, первый руководитель нашего государства. Он организовал Великую Октябрьскую Социалистическую Революцию. А там дальше его учителя, Карл Маркс и Фридрих Энгельс,- объяснила Полина, наблюдая, с каким интересом разглядывает портреты Никита Иванович.

Про Ленина Никита Иванович, конечно, слышал, а вот Энгельс и Маркс - эти имена ни о чем ему не говорили.

Он еще постоял какое-то время возле портрета Ленина, потом вернулся к Сталину, наклонил голову к портрету, как бы прощаясь с ним.

-Спасибо, что просветили. Будьте здоровы. До свидания!- попрощался Никита Иванович с Полиной и направился к выходу.

Несмотря на то, что Гена сосал еще грудь и был мал, Юля решила пойти работать в колхоз. Сделать это ее заставила нужда. Колхозникам и колхозницам за трудодни выдавали зерно, жмыху и свою сельхозпродукцию, сено, солому, дрова. После начала войны в доме Юли заготовленные продукты очень быстро кончились. Наступила осень, а впереди еще зима. Жить становилось все труднее.

Рано утром собирались колхозницы возле правления, и каждая бригада получала задание, норму выполнения работ, нужный инструмент. В конце дня бригадир отмечала результат работы. Работали каждый день. В это время выходных не было.

У Юли грудь распирало, и было невыносимо больно, но она уходила в укромное место и сцеживала грудное молоко.

Поздней осенью подошла очередь Юли получать продукты. В назначенное время она пришла к амбару, где выдавали зерно. На большие весы две женщины-грузчицы положили два мешка зерна. Взвесили, отставили в сторону. Потом так же взвесили три мешка картошки, три мешка овса, небольшой мешочек соли и, чуть меньше, сахару. После этого загрузили продукты на телегу и повезли к дому Юли. Они же помогли занести провизию в дом.

Набрав полное ведро зерна, Юля спустилась к Никите Ивановичу.

-За трудодни от колхоза я получила зерно. Жернова у вас пустые, давайте покрутим, помелем зерно в муку и хорошенько, досыта наедемся, поспразднуем.

Взрослые ребята пошли делать муку. Ребятишки Юли прильнули к дедушке. Он с ними о чем-то говорил, что-то рассказывал, иногда дети громко смеялись. Как и раньше, Никита Иванович усадил Колю с Геной на колени и затянул любимую песню "Бум, бум, бум..."

С середины июля 1941 года за три месяца Юля получила только два письма от мужа. Почерк Вани стал немного иным, каким-то неровным. В письмах писал он в основном о потере своих товарищей. Сожалел о том, что мало уделял внимания боевой подготовке, писал о недостатке вооружения.

19 июля 1941 года Иван Никитич был тяжело ранен в живот. Более трех месяцев он находился в госпиталях, которые часто передислоцировались с одного места на другое. Это тяжелое ранение Иван получил в штыковой схватке с немцами, в момент, когда немцы шли напором на наши позиции. Вначале немцы нанесли бомбовый удар. Немецкие самолеты летели так низко над землей, что был доступен запах горючего, разрывались тяжелые авиационные бомбы, которые дыбом поднимали вверх землю, людей, бревна от траншей. Слышались бешеные крики, стоны, вопли, ругань.

После немецких самолетов по нашим передним позициям стала стрелять артиллерия, но на этот раз плохо прицельная. Снаряды падали то сзади, то спереди, но какие-то достигали цели.

Ваня помнил советы своего отца.

-Земля-матушка сохранит тебя, если ты в нее глубоко зароешься.

Иван так и поступал с самого начала войны. В боевых действиях участвовал уже почти месяц, но в штыковую атаку ещё ни разу не поднимался.

Самолёты улетели. Артобстрел закончился. Немцы, видимо, полагали, что уничтожили всех, сравнивали с землей. Наступила мёртвая тишина.

У Вани заложило в ушах, глаза застлало пылью.

-На этот раз, я, кажется, остался жив,- подумал Иван.

Рядом с правой стороны кто-то шевелился. Иван развернулся и увидел соседа по окопу Михаила, который протирал глаза. Но сосед слева, Семен, почему-то молчал и сидел в какой-то неуклюжей позе, накренив голову на грудь. Ваня понял, что Семен либо ранен, либо убит.

-Ваня, тебя не задело?- спросил Михаил.

-Пронесло, хотя осколком задело ложе винтовки.

Оставив свои винтовки в окопах, Иван с Михаилом подошли к Семену.

-Семен, Сеня, ты живой?

Семен не шевелился.

Ваня решил поправить ему пилотку, но вдруг увидел, что голова Семена держится только на кусочке кожи. С задней части шеи было пусто. Торчал кость позвонка, кусок тела отсутствовал.

Оба солдата остолбенели. Ваня прикрыл зияющую дыру пилоткой Семена.

Между Ваней, Семеном и Мишей был устный клятвенный договор. Если кого-то из их тройки убьют, то оставшиеся в живых товарищи сообщат семье погибшего друга. А по возможности, после войны посетят его дом.

Во взводе все знали об их дружбе и называли "веселой тройкой". Они всегда были вместе, делились последним друг с другом. Нигде и никогда, при любых обстоятельствах, не унывали. Потери, ранения, беды и горести военно-полевой жизни принимали так, как обыденное. Своим положительным примером они вдохновляли других солдат взвода и роты.

Немного позже по немцам стала бить наша дальнобойная тяжелая артиллерия. Крупные снаряды со свистом рядами летели в сторону немецких позиций. Впереди поднялся гул, от взрывов снарядов вздыбилась земля. Небо то синело, то краснело, смешиваясь с пылью и грязью. Немцы получили ответный удар.

-Ну, что, получили, фашисты! Это вам за Семена!- крикнул Михаил и на вытянутой руке показал кулак в сторону немцев.

-Ваня, мы с тобой на передовой линии обороны. Вот уже больше месяца, как мы воюем с фашистами, а все отступаем. Неужели они сильнее нас?- спросил Михаил.

-Не думаю, что мы слабее. Опыта грамотно воевать у нас маловато. У немцев есть опыт, возможности, крепкая дисциплина. Под ними вся Европа! Пока мы у них учимся. Поэтому отступаем,- спокойно и уверенно ответил Иван.

Некоторое время после ответного артобстрела снова наступила тишина. Грязь и пыль осели, улеглись.

Этот день 19 июля выдался солнечным. Небо было голубым, только кое-где, местами, высоко проплывали перистые облака.

Вскоре подошли санитары, двое, совсем еще молоденькие ребята. Тот, что выше ростом нес плащ-палатку.

-Хлопцы, разверните плащ-палатку, а мы поможем вам уложить нашего товарища, - распорядился Ваня.

Миша оказался смелее остальных, он придерживал почти отвалившуюся голову Семёна. А Ваня с одним из санитаров приподняли и уложили тело.

Ваня с Мишей попрощались со своим товарищем, погладив уже холодного Семёна. Оба молчали, крепко сжав зубы. Провожать друга они не стали. Санитары унесли тело с поля боя, чтобы похоронить, взявшись за углы плащ-палатки.

Все стихло. Санитары унесли тяжело раненных бойцов в блиндаж. После первичной медицинской обработки ран автотранспортом их отправляли в госпиталь.

Иван с Мишей вернулись в свои окопы. Забрали своё оружие и отправились к месту сбора взвода. Они присели, достали свои кисеты. Завернув табачную закрутку, каждый из них вспоминал о потере своего весёлого боевого товарища.

Кисет Ивану подарила Юля перед призывом. Он получил очень красивым, вышитый цветочками желтого цвета по бордовому бархату и имелась в нем два карманчика - для спичек и для бумаги.

Слава Богу, бумага была хорошая, тонкая, предназначенная для закрутки, курительная.

Все было спокойно, только что-то горело впереди, и поднимался дымок в нескольких местах. Приподнявшись на цыпочки и высунув головы из окопа наружу, парни заметили поднимающихся в атаку немцев. Впереди, полу согнувшись, шел немецкий офицер в фуражке, а не в каске. Иногда он оборачивался на своих солдат, махая рукой, как бы подгоняя их.

Парни схватили винтовки, не успев докурить свои закрутки.

Ваня на мушку решил взять этого "храброго" офицера. Но "храбрец" вдруг замедлил ход, и Ваня потерял его из вида.

-Неужели кто-то его уже успел подстрелить?- подумал он и начал стрелять по приближающимся немцам.

Немецкие солдаты все ближе подходили к нашим траншеям. От волнения у Вани перехватило дыхание.

-Солдаты! За родину! За Сталина! Вперед! В атаку!

Держа в руках автомат, первым поднялся в атаку командир взвода, командир роты, а за ними и остальные солдаты.

-Ура-а-а! Ура-а-а!- пронеслось по всей траншее.

Все, кто не был ранен и мог идти в штыковую атаку, опираясь на винтовки, поднялись за бруствер. Выставив штыки вперед, бегом, изо всех сил, бежали на фашистов наши солдаты.

Иван с Мишей не отставали.

На Ваню шел высокого роста, широкоплечий, молодой немец. До схватки оставалась каких-то там пара шагов. Иван в пылу нажал на курок и выстрелил. Немец пошатнулся и припал на колени, он был еще жив. Тогда Ваня решил добить его. Подойдя вплотную, он воткнул прямо в грудь немецкому верзиле штык винтовки.

Пока Ваня наблюдал за смертью своего врага, откуда ни возьмись, будто вырос из-под земли и поравнялся с ним другой немец. Они чуть не столкнулись лоб в лоб.

Иван опять нажал на курок окровавленной винтовки, но раздался лишь глухой щелчок. В патроннике не осталось больше патронов. И тут он понял, что просчитался и не успеет заколоть второго немца. А немец успел, и его штык резким ударом вошел Ване в живот.

Голова резко закружилась. Тело перестало слушаться. Винтовка выпала из рук. Иван рухнул навзничь.

Ваня пришел в себя уже в медсанчасти. И неизвестно, сколько времени прошло после атаки.

В голове пронеслась череда последних событий. Он понял, что остался жив, и находится у своих, а не в немецком плену, так как кругом слышна была русская речь. Кто-то держал его за руку. Иван Никитич приложил усилия, открыл глаза и увидел своего товарища Мишу. Ваню охватила большая радость за своего товарища. Он снова потерял сознание.

Миша попросил фронтового хирурга присматривать за Иваном, сообщив ему, что тот приходил ненадолго в сознание, а потом снова ушел в забытие.

Военная немецкая машина стремительно наступала и все дальше продвигалась в глубь Советского Союза, стремясь быстрее захватить сырьевые базы страны, Кавказ, Украину, Москву, нанося тяжелые удары по живой силе и технике. Тогда казалось, что немец одолеет наш народ, но русский дух сломлен не был. Войска наши сильнее стали огрызаться, смелее воевать, давать значительные удары по врагу, изматывая его силы. Вера советского народа в победу была непоколебима. Разве не была военной хитростью и мудростью полководца Кутузова сдача Москвы-столицы России, на милость

(сожжение) французу Наполеону? Бонапарт недолго владел Москвой. В итоге еле сам унес ноги из России.

Тактика выматывания сил противника приносила нашей армии положительные результаты. Советский народ весь поднялся, как один, на борьбу с фашистскими захватчиками. И тыл, и фронт жили одной целью - бить врага везде, а тыл не подведет.

Ивана Никитича Филиппова, как тяжело раненного бойца, лечили в разных госпиталях в течение трех месяцев. Раны постепенно заживали, силы восстанавливались. О ранении семье Ваня решил не сообщать, не хотел расстраивать родных. Письма домой в период лечения не писал.

Спустя три месяца Иван вернулся в часть. Из прежнего воинского состава почти никого не осталось. Кто погиб, кто ранен, а кого просто перевели в другое место несения службы. Не нашел он и своего боевого друга Михаила. Через месяц после ранения Вани, Михаил погиб от прямого попадания снаряда. Тело его собирали по кусочкам и похоронили в общей воинской могиле.

В свободное от боевых действий время, после долгих раздумий, Ваня решил выполнить данное своим друзьям обещание - написать письма женам Семена и Михаила. В них он описал все самое лучшее, что только мог познать о них.

Через некоторое время Ваня снова обрел друзей, своих новых боевых товарищей.

Второе, более легкое ранение, Иван Никитич получил в шею 30 октября 1944 года. Это была шальная пуля. Ваня с двумя бойцами возвращались к своим с трофеем (вели с собой немецкого офицера, взятого в плен, языка). В это время прыть немецких захватчиков

слегка поутихла. Хотя они еще сопротивлялись, но уже понимали, что война ими совершенно и безоговорочно проиграна. Поэтому многие сдавались русским в плен, чтобы не погибнуть.

Они уже подходили с трофеем к передовой. Была ночь. Когда подошли к траншеям, немцы пустили осветительную ракету. Наблюдатели со стороны немцев заметили движение на нашей линии и моментально открыли бесприцельную стрельбу. Шальная пуля задела шею Вани, остальные остались невредимыми. Санитары сделали ему перевязку и отправили в госпиталь, где он лечился около двух недель, после чего снова вернулся в гвардейский стрелковый полк 329 и принял свое разведывательное отделение. И об этом ранении Ваня тоже ничего не сообщил семье. О своих боевых походах рассказывать не любил. Больше говорил о своих боевых товарищах. Только после демобилизации из армии он рассказал о своих ранениях, что с ним случилось.

ЖИЗНЬ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ,

К зиме 1942 года в деревне особых изменений не произошло. Стоит лишь заметить, что безвременно или скоропостижно стали умирать больше людей. И это были не только старые, но и молодые люди. Многие из них опухали, умирали с голоду. А ведь война не так давно началась. На людях сказывалась потеря близких, отсутствие мужской помощи, частые извещения о гибели хороших людей на войне.

Семье Юли было не легче, не смотря на то, что она очень экономно расходовала зерно, картошку, овес. Но до нового урожая по подсчетам Юли, было не дотянуть.

Письма на фронт Ивану писала почтальон Вера. Она жила недалеко от Юли и часто заходила поболтать. У нее муж, Василий, был призван в армию раньше Вани. До этого он участвовал в войне с финнами, был ранен, но выжил.

Юля просила Веру не писать Ивану о семейных трудностях. Но Ваня догадывался, что жена не договаривает, понимал, что им там очень тяжело с продовольствием, да и немало других проблем. Хорошо, хоть корова есть, дети не останутся без молока.

Коля подросток. Он часто помогал маме и Ане по хозяйству, то воды Зорьки поднесет, то дрова в дом притащит. А Гена, как флегматик, спокойно играл со своими костяшками, а еще он любил сидеть на полатах, там всегда было тепло, особенно, когда затопят печку. У Гены почему-то часто болел животик, возникали проблемы со стулом, он кашлял, и вообще рос болезненным.

В феврале 1942 года погода стояла холодная, зверствовала пурга. Снега было так много, что сугробами занесло все, почти до самых верхних ставней. Только чуть брезжил уличный свет. Как назло, заболел Геннадий, у него сильно разболелся животик. От этих болей Гена неустанно ревел, вплоть до покраснения. Юля гладила ему живот, носила по комнате, но ребенок, не переставая, плакал. Аня жила в то время у Юли. Она решила сходить в дом отца, просить совета или помощи.

С большим трудом Аня добралась до дома Никиты Ивановича. Крыльцо полностью было занесено снегом и окна тоже. Мороз зверствовал, крепчал. Аня откопала входную дверь, с трудом в нее пролезла и сообщила о болезни Гены. Лукерья тут же сделала какой-то травяной

отвар, нашла небольшую трубочку, и они вдвоем отправились к Юле.

Гена не плакал. Он лежал на животе поперек кровати, накрытый пеленкой. Руки его были разбросаны по сторонам.

-Что случилось? Гена умер?- в недоумении спросила Аня.

-Типун тебе на язык, он просто успокоился,- ответила Юля.

Лукерья, вытряхнув овечью шубу от снега, прошла в комнату.

-Гена молчит, наверное, покакал?- спросила она.

-Нет, ему трудно, живот очень твердый, он натужился до покраснения, но ничего не получилось.

-Я принесла отвар. Нужно только немного его подогреть, напоим им Гену, вдруг поможет.

Юля усадила Гену на свои колени и приоткрыла ему рот. Лукерья маленькой ложечкой попыталась влить в него отвар, но малыш сопротивлялся, крутил головой, отвар был горьким. Аня добавила в него немного сахара, размешала, и протянула чашку Гене. Он оттолкнул ее обеими руками. Тогда Юля насильно влила отвар прямо Гене в рот, крепко зажав голову. Сначала Гена поморщился, но потом, распробовав сладковатый вкус, с удовольствием и уже самостоятельно выпил отвар до последней капли.

-Мы посидим, попьем чай, подождем результатов. Если отвар не подействует, придется промыть ему кишечник,- объяснила Лукерья.

Коля в это время лежал на полатах и внимательно наблюдал за происходящим.

-Я хочу к Коле, поднимите меня к нему,- закричал вдруг Гена.

Подошла Аня, приподняла Гену до первой ступени лестницы. Он обеими руками зацепился за ступеньки, сам поднялся на полаты и лег рядом с братом. Потом перевернулся на больной живот, подложил ладони и притих.

-Что-то у Гены нет никаких признаков послабления? - забеспокоилась Аня. Видно, крепко там все у него забито, пушкой не пробьешь.

-Давай спустим ребят на пол, пусть порезвятся, может, растрясется в его животе,- предложила Лукерья.

Через некоторое время детей спустили на пол. Они начали играть. Мальчики бегали по комнате, смеялись, резвились. Гена, запыхавшись, подбежал к маме, и, держась за попу одной рукой, другой стукнул ее по колену.

-Мама, хочу какать!

-Ну, Слава Богу! Пронесло, отвар помог,- вздохнула Лукерья.

Гене подставили деревянный горшочек, в то время он бегал еще без штанишек, в одной рубашонке. Когда-то эту рубашку носил Коля, а теперь она в самый раз Гене.

Только успел он присесть, как раздался громкий звук, как будто рычала собачка. Гена напрягся, надулся, покраснел. Нагнувшись вперед, он громко закричал, поднатужился и выполнил, наконец, свою главную задачу - оправился.

Женщины облегченно вздохнули. К счастью, отвар Лукерьи помог.

Суровая зима подходила к концу, а война все продолжалась. Наши войска впервые показали свою силу, серьезно потрепав немцев под Москвой. Эта победа дала советскому народу новые силы и вдохновила армию. Бойцы проявляли чудеса героизма, а тыл помогал армии своим упорным трудом.

Прошел март, наступил апрель. Зажурчали ручьи, появились проталины. Стало светло, вокруг дома Ивана Никитича снег растаял.

В колхозе работы прибавилось.

-Хорошо, что дома Аня ухаживает за детьми,- думала Юля.

Многие колхозницы оставляли детей дома одних, а у нее была Аня, можно было не волноваться за малышей..

Коля с Геной часто стояли у окна, где больше всего светило солнце. Оно даже через стекло обогревало лицо и руки. Дети целую зиму не выходили на улицу. Но теперь, когда потеплело, можно было выйти и погулять под присмотром взрослых.

Солнце так слепило глаза, что дети смотрели на него сквозь пальцы.

-Нельзя смотреть прямо на солнышко, можно ослепнуть,- предостерегала ребят Аня.

Мальчики прыгали на крыльце. Аня решила на минутку забежать в коридор, но когда вернулась, ни Гены, ни Коли на месте не оказалось. В испуге она побежала за угол дома и увидела, что Коля ест снег, а Гена сует себе в рот землю.

-Бросьте сейчас же из рук на землю, это кака, кака! Гена, быстро выплюнь изо рта землю, тебя опять схватит запор, заболеешь! Юля меня за вас убьет!

Аня подошла к Геннадию, с силой ударила его по руке, в которой он держал землю. Земля высыпалась из рук Гены. Но рот его был заполнен землей. Аня страшно испугалась. Она наклонила его голову и со злостью, чуть не ревя, закричала:

-Выплюй землю со рта, плюй! Ты все время болеешь, плюй, тебе говорю! Быстро!

Гена испугался. Он даже не стал реветь, а потихоньку начал выплевывать землю еще и еще раз. Аня схватила его и занесла в дом. Набрав воды, она сполоснула Гене лицо, а после этого заставила полоскать рот.

-Теперь ты понял, что землю есть нельзя? Или, может, она вкусная?

-Нет, совсем невкусная, кушать землю больше не буду!

Аня вдруг вспомнила, что Коля остался на улице один и там тоже в рот напихал снег.

Выскочив из дома, Аня успела лишь увидеть, что Коля вытирает свои холодные красные руки о пальто. Она поняла, что тот наелся снега.

-Коля, ты снег ел?

-Да,- ответил Коля.

Аня схватила Колю за руку и затащила домой.

-Вот и состоялась наша первая прогулка,- думала про себя Аня. За ними глаз да глаз нужен, лезут, куда вздумается, делают, что хотят, как слепые котята. Я так с ними устаю, а кому теперь легко?

Вечером с работы, уставшая, пришла Юля. Сели ужинать. Дети проголодались, из-за чего громко чавкали.

Аня специально не кормила их, чтобы сесть за стол всем вместе. О приключениях на прогулке Юле ничего не сказали.

Гена практическим опытом, своими чувствами осваивал практику жизни. Сначала в чашку с кипятком он сунул палец и получил ожог, после чего больше пальцы туда не совал. Руками пробовал огонь десяти линейной керосиновой лампы, что стояла в центре стола. Десятки раз падал с кровати и со стула. Из горшка пробовал свою мочу и какашку, вымазав ими лицо и рубашку. Последний раз он пробовал на вкус землю. Да, мало ли чего еще интересного ему доведется попробовать? Такова судьба всех маленьких детей. Коля же проказничал, проводил пробы скрытно, и это происходило менее заметно, чем у Гены.

За домом Ивана Никитича раскинулось огромное поле, предназначенное для выгула лошадей. Коле очень нравилось смотреть, как свободно разгуливают по этому полю без хомутов и уздечек, взрослые лошади и маленькие жеребята. Он садился на завалинку дома и наблюдал за их поведением. Иногда лошадей мимо их дома водили на водопой. Напившись, они той же дорогой возвращались на пастбище. Этот водопой Коля с Геной всегда ждали у окна. Как-то в очередной раз, наблюдая за водопоем, Гена решил перебежать от одного окна к другому. К тому окну, где стоял Коля. Он резко соскочил со своей табуретки. Пробегая мимо самовара, нечаянно уронил, стоящий рядом с печкой, тоже на табуретке, только что вскипевший самовар. Кипяток вылился на пол. Гена ошпарил руки. Коле досталось по ногам. Поднялся страшный крик, захлебывающий рев обеих ребят. Аня испугалась и растерялась. Не зная, как помочь, она сначала положила их на кровать, а сама побежала за помощью в дом отца.

-У нас беда, Гена уронил на пол кипящий самовар, и они оба ошпарились, сильно плачут, а я не знаю, как помочь! Помогите!

Все поднялись с мест. Лукерья быстро нашла гусиный жир, какие-то тряпки и побежала в дом Юли.

Там стоял, невыносимый для слуха, детский рев. Пол полностью был залит водой, шел пар. Лукерья аккуратно смазала руки Гены жиром и обмотала тряпками, но Гена не успокаивался. Тогда Аня, закончив собирать воду с пола, взяла его на руки и начала качать. Лукерья принялась за Колю и смазала жиром обе его ноги, завязала, замотала, как знатная медсестра, даже самой понравилось, так удачно получилось.

О случившемся сообщили Юле, она находилась на работе. Чтобы не показывать, как ей плохо, она закрыла рот и нос платком, наверное, по привычке. К Юле подошла бригадир и с сочувствием сказала:

-Юля, ты иди домой. Завтра на работу не выходи, без тебя обойдемся. Ты не волнуйся, мы вызовем к вам врача из Краснобора. У меня есть мази от ожогов. вечером Люся, моя дочь, принесет тебе мазь. Ну, давай, торопись, иди же!

В момент, когда Юля забежала в дом, Аня носила на руках Гену, а Коля лежал на кровати, высоко задрав, перемотанные тряпками ноги и стонал от боли. Гена, увидев маму, сразу потянул к ней руки. Юля взяла ребенка, и тот расплакался еще больше. Аня с виноватым лицом, опустив голову, подошла к Юле.

-Я не усмотрела, накажите меня. Я все выдержу. Гена же у нас, то тихий, то быстрый. Они же оба постоянно бегают от одного окна к другому, смотрят, как

бегут кони на водопой. Вот и случилось несчастье, Генка сбил с табуретки самовар.

Аня надула губы, из глаз ее текли крупные слезы, которые медленно сползали по щекам.

-Да, ну, тебя, Аня, успокойся! Ты ни в чем не виновата. Кто их удержит, они ведь постоянно бегают? Их же не привяжешь. У Гены это получилось случайно и виноват он сам. Еще и брата прихватил,- добродушно сказала Юля.

Аня развернулась, подошла к ведру, заполнила самовар, зажгла лучинки, трубу самовара воссоединила с печкой. Утерев слезы, она под села на кровать рядом с Колей. И пошли обычные разговоры, дожидаясь самовара.

На следующий день, рано утром, Люся принесла мазь и рассказала, как ею пользоваться. Днем появилась фельдшер из Краснобора. Она осмотрела ребят, перевязала их, смазав какой-то другой, желтоватой мазью, похвалила за первую, правильно оказанную помощь, и сказала, что ожоги неглубокие и быстро заживут. Оставив для дальнейшего лечения мази и бинты, фельдшер попрощалась, сообщив при этом, что появится у них через неделю.

Ухаживать за больными ребятами оказалось трудно. Они постоянно капризничали, у обеих поднималась температура. Аня сильно уставала. Надо было и за детьми ухаживать и за домом смотреть. Тогда в помощь Ане Никита Иванович прислал Соню.

Ожоги постепенно заживали. Через неделю повторно пришла фельдшер. После осмотра мальчиков она сказала, что с такими медиками, как эти две девочки, ее помощь больше не понадобится. Дальше они сами

справятся. У ребят все будет хорошо, до свадьбы заживет.

Ребята скучали по полати и печке. Коля был не в состоянии подняться по лестнице, а Гена ничего не мог держать в руках. Так они и носили свои повязки больше месяца. Ребята ждали бегущих на водопой лошадей. Но лошади больше не проходили мимо их дома, куда-то пропали. Позже мама рассказала, что их отправили в армию, на военную службу, а на конюшне остались только больные и хромые лошади и жеребята.

Поле, на котором раньше паслись кони, вспахали, и засеяли рожью и овсом. За этими процессами дети также любили подолгу наблюдать из окон своего дома. Им было интересно, как женщины держатся за плуг, погоняя лошадей вожжами.

Наконец, настал долгожданный момент. Коле сняли бинты. Но ступать на ноги он еще побаивался. Однажды ночью, когда все уже спали, Коле захотелось в туалет. Он никого не стал будить и сам решил спуститься с кровати. Ступив на ноги на пол, Коля недолго постоял на месте.

- Вроде бы терпимо,- думал он про себя. Не орать же ночью.

Коля шагнул один раз, другой, третий, и так, дошел до горшка, а потом, справив нужду, вернулся обратно в кровать.

После первого самостоятельного похода он быстро заснул, а утром проснулся бодрым и веселым. Как ни в чем не бывало, Коля подошел к матери, и, широко улыбаясь, сказал:

-Мама, посмотри, я уже совсем здоров, могу ходить, посмотри!

-Вот и молодец, ты уже взрослый мужчина, мой помощник. Теперь ты сможешь мне помочь. Жить нам станет легче.

Мамины слова вдохновили Колю. Он, медленно переставляя ноги, пошел навестить об этом своего братика.

Вскоре бинты сняли и у Гены. Давно он ничего не брал в руки, даже любимые костяшки. Ребенок боялся их тревожить. Но однажды, не выдержав, Геннадий при всех схватил ложку, зачерпнул кашу, свободно положил ее в рот и сам себе обрадовался. Так, он покорил в себе слабость, проявил волю и характер. Юля тут же подарила поцелуй своему младшему сыну.

Об этом сложном бытовом случае Иван Никитич узнал только после демобилизации. Следов от ожогов у детей, практически, не осталось. Остались лишь не очень приятные воспоминания.

Проходило время. Наступила осень. Возле дома Филипповых колосилась рожь. Из окон было видно, как гнутя колосья под давлением ветра.

В колхозе, где работала Юля, началась уборка урожая. В доме из еды, кроме картошки, ничего не было. Посоветовавшись с Юлей, глубокой ночью, Аня вышла в поле, где днем убирали рожь. Низко пригнувшись, реагируя на каждый шорох, она собрала в подол передника несколько колосков. От страха подкашивались ноги, и замирало сердце. Каждую секунду Аня была готова выбросить собранные колоски, но голод заставлял крепко прижимать подол передника к своему телу. Ведь дома были голодные племянники и она сама. Еле-еле она добралась до дома. Зайдя в дом, она высыпала в чашку собранные колоски. Их оказалось меньше половины чашки.

В военное время за сбор колосков ржи, даже после уборки урожая, судили и давали большой срок. Тем более, что дом Ивана находился рядом с ржаным полем, и Юля с Аней были строго об этом предупреждены. Они все прекрасно понимали, но голод толкал их на преступление.

-Аня, ты почему собрала так мало колосков?-спросила Юля.

-Я очень боялась, чуть не умерла от страха, дрожь тела до сих пор не прошла. Там сторож с ружьем. Это же воровство, и нас с тобой предупреждали. Если их у нас найдут, суда не миновать. Поэтому я набрала мало.

-Ладно, сколько есть, столько и есть. Ложись спать.

Анюта взобралась на полати, легла, но долго не могла уснуть. Она знала, что нарушает закон, но с голоду помереть не хотелось, тем более, что впереди еще целая зима и весна.

Заснула она только под утро, а проснулась оттого, что в темноте Юля стукнула ухватом по печке, и раздался шум. Дети спокойно спали. Юля затопила печь, и комната наполнилась приятным запахом дыма. Дом постепенно прогрелся.

Как всегда, уходя на работу, Юля собрала с собой немного еды. Выходя из дома, она как-то подозрительно посмотрела на Аню, так никогда до этого не смотрела. Ане, такое поведение Юли показалось очень странным.

-Раньше такое с ней не случалось, или она не выспалась, а, может, недовольна тем, что я принесла мало колосков?- недоумевала Аня.

Прибрав дом, она занесла дрова, наносила воды, подоила корову.

-Куда же спрятать эту чашечку с колосьями? Вдруг придут с проверкой? - этот вопрос не переставал тревожить её.

-Решено. Спрячу в погребе. Там точно не найдут.

Аня завернула чашку в холщовую тряпку. Спустившись в погреб, она выкопала небольшую ямку, уложила сверток на дно и сверху засыпала песком, чтобы потом, при необходимости, не искать долго, для ориентира на поверхности оставила торчать небольшой кусочек тряпки.

Юля вечером пришла с работы. Весь вечер она пребывала в плохом настроении, молчала.

-Случилось что-то?- спросила ее Аня.

-Нет, ничего. Аня, сходи еще раз за колосьями, ты их совсем мало принесла. Впереди зима долгая. Кругом голод.

-Я очень боюсь, что меня поймают или застрелят. Воровать колосья я больше не пойду,- сказала она, как отрезала.

Больше они ни о чем не говорили. Затопив утром печку, Юля молча ушла на работу.

Днем Аня увидела в окно, как к их дому приближаются председатель колхоза, милиционер и Юля.

Войдя в дом, милиционер сразу объявил причину своего визита.

-Нам известно, что вы украли колосья и пришли с обыском. Лучше сразу признавайтесь, где собранные ржаные колосья храните, тогда мы не будем обыскивать ваш дом.

-Ничего мы не крали,- сильно покраснев, дрожащим голосом сказала Аня.

Мужчины стали искать. Искали на печке, на полати, заглянули под кровать. Милиционер спустился в погреб и откопал из песка чашку с колосками, видимо, заметил тот самый клочок тряпки.

-А вот это что?- указывая на чашку, громко спросил милиционер.

-Кто из вас украл колосья? Кто?- крикнул он.

Дети испугались криков чужого дядьки, вцепились в платье своей мамы и начали плакать. В доме никогда не повышали голос, всегда говорили спокойно и только иногда громко смеялись.

-Успокойте, наконец, своих детей,- потребовал председатель.

Юля села на табуретку и взяла на руки детей.

-Так, кто же из вас украл колосья? Здесь маловато, сколько еще украли? Где спрятали? Признавайтесь, а то хуже будет,- допрашивал милиционер.

-Это я вчера на донышке чашечки набрала для своих голодных племянников. Сходила только один раз. Эти колоски валялись на земле, и я их несколько штук собрала с земли. Они там валялись и за зиму всё равно бы пропали или птицы их съели. Это правда,- оправдывалась Аня перед милиционером.

-Простите, простите меня, я больше не буду. Ребятишки голодные, вот я и решила, а так бы ни за что. Простите!- умоляла она.

-А вы, хозяйка, зачем заставили ребенка воровать?- с укором спросил Юлю милиционер.

-Я ее не заставляла, она сама на это пошла. Колосья валялись на земле, и она подобрала их. Разве это преступление?

-Да, это преступление. Преступление!- грубо ответил милиционер.

-Я вынужден арестовать вашу девочку. Сколько ей лет?

-Четырнадцать,- ответила Юля.

-В правлении будет составлен протокол. Оденьте ее теплее,- добавил он.

За собранные десять ржаных колосков, лежащих на земле после убранных с поля урожая, несовершеннолетней девочке Анне Никитичне Филипповой суд присудил десять лет тюремного заключения.

МОСТ.

Вспоминая о своём детстве, мысленно пролетела вся ее не лёгкая жизнь. Когда-то давно, осенью, Аня пошла в школу, в первый класс. Чтобы добраться до школы, надо было переходить через пешеходный мост. Она уже несколько раз посетила занятия, но в один ненастный день погода стояла мерзкая, грязь, слякоть. Дорогу после ночных заморозков развезло.

Обуви путной у девочки не было, одни задрюпанные калоши, скользкие и холодные.

Под мостом узкой зеленой змейкой к реке протекал ручей. Берега ручья были крутыми и глинистыми. Местами выступали кочки с зеленой и желто-рыжей

травой. На уклоне лежали большие, маленькие и средние камни. В верхней части камней виднелся тонкий серебристый лед и замерзшие травинки.

Аня страшно боялась переходить через этот мост. Хотя с обеих его сторон стояли крепкие стойки, а по ним шли поручни, сверху и в середине, мост всегда качался. Она хотела учиться и мысль о школе не покидала ее, поэтому, шла по скользкому обледеневшему мосту, хотя ей проходить было очень страшно. Аня ухватилась за поручни и вниз старалась не смотреть. Через несколько шагов она делала остановки: прошла несколько шагов, остановилась, еще несколько шагов, опять остановилась. Но до конца моста было еще слишком далеко, а девочка не дошла и до середины. Руки замерзли. Сил осталось всё меньше и меньше.

-Пусть меня дома накажут, но дальше я не пойду,- решила Аня.

От холода пальцы не гнулись, и руки Ани начали скользить по поручням. Сделав несколько шагов назад, она поскользнулась, упала, сначала на одно колено, а потом на другое. Руки оторвались от поручней, и держаться было не за что. Аня попыталась повернуться на бок, чтобы каким-то образом перекатиться на середину моста. Но вместо того, чтобы выкатиться на середину, она скатилась к его краю. Она пыталась зацепиться за крайний поручень, но не смогла, да и руки ее совсем не слушались, замерзли. Аня начала медленно сползала вниз.

-Помогите! Помогите! Я падаю!- только успела крикнуть она.

Люди, проходящие по мосту, заметили, что под мостом, почти у самого ручья лежит ничком человек в неестественной позе. Вокруг постепенно собралась толпа

зевак. Все стояли и смотрели с раскрытыми ртами, но действий никаких не предпринимали. Мимо проходила пожилая женщина и не выдержала, увидев происходящее.

-Люди, чего ж вы смотрите на пострадавшую, может, девочка еще жива?

Помогите ей, поднять ее нужно. Сама бы спустилась, да не могу, стара я слишком, сил нет совсем никаких.

Из толпы зевак помочь бедной девочке вызвались четверо мальчиков-школьников. Они аккуратно спустились вниз, цепляясь за высокие кочки с пожелтевшей травой.

Мальчики подошли к ней, окружили, но прикоснуться не стали. Они ждали дальнейших указаний старших.

-Ребята, вы знаете эту девочку?- послышался сверху громкий голос той же пожилой женщины.

-Да, это Аня, дочка Никиты Ивановича Филиппова, с верхней части деревни. Их дом у малого ручья. Я живу недалеко от них,- ответил самый высокий мальчик, поглядывая, то на Аню, то на старушку.

-А что нам дальше делать?

-Ты проверь, жива ли она еще.

Высокий мальчик нагнулся, расстегнул пальтишко Ани и приложил ухо к груди.

-Мне кажется, она не дышит,- снова обратился он к женщине.

-Ты проверь у нее пульс.

-А как я проверю, я не знаю, где это находится.

Женщина примкнула к перилам и вытянула обе руки вперед. Она стала доходчиво объяснять мальчику, как нужно проверить пульс, показывая на себе.

Мальчик поступил так, как объяснила ему эта пожилая женщина. Он взял правую руку Анюты и стал нащупывать пульс.

-Ничего не слышно, пульса я не нашел. Что дальше делать?

-Ребята, встаньте друг против друга, тихонько поднимайте девочку и спускайтесь вниз по ручью. На гору вам ее все равно не поднять. Только смотрите, аккуратней, голову держите ровно, сильно не трясите,- дала команду старушка, а затем, повернувшись к толпе зевак, заглянула в лицо каждого и спросила:

-Кто знает из вас, где живет отец этой девочки, Никита Иванович?

-Я знаю, где они живут. Вот только, как же уроки? - мальчик невысокого роста сделал шаг вперед.

-Милый, школа подождет, не пропадет. А людей из беды выручать надо,- ласково ответила ему женщина.

Мальчик бегом побежал в деревню, пока другие ребята несли вниз по ручью недвижимое тело маленькой девочки.

-Случилась беда, Аня упала с моста, она не шевелится. Старшие ребята спустили ее вниз ручью и ждут вас там. Запрягайте лошадь и вызывайте на дом фельдшера. Все, я побежал в школу.

Горе свалилось, как снег на голову.

Быстро запрягли лошадь, предварительно уложив на телегу сено, самотканые половицы, шубу и отправились за Аней.

Аня лежала лицом вверх на земле, на возвышении, где было больше травы.

Ребята пытались хоть как-то двигаться, чтобы окончательно не замерзнуть.

Под гору к реке спустилась телега, повозку быстро развернули на обратный путь в гору. Мальчики помогли уложить не приходящую в сознание Аню на телегу. Николай, сын Никиты Ивановича, поблагодарил ребят за помощь, после чего они, понунив головы, медленно зашагали в школу.

Фельдшер Мария Тимофеевна прошупала девочку с головы до ног, послушала сердце девочки.

-Девочка ваша находится в коме, и неизвестно, когда она придет в себя. У нее многочисленные травмы. Трогать ее нельзя, шуметь тоже нельзя. Пульс есть, но очень слабый. Пусть лежит тихонько, кое-какие надежды все-таки есть. Когда вернется в себя, сразу же меня позовите. Ох уж этот проклятый мост. Сколько жизней уже забрал!

Аня проснулась только на третий день. Никита Иванович все это время сидел у кровати дочери и первым заметил, что его Анюта открыла глаза. Она не шевелилась, только губы что-то беззвучно говорили, а по ее белому, как снег, лицу текли слезы. Было ясно, что девочка парализована.

-Пить,- прочитал по губам Никита Иванович и тут же помчался за водой.

Отец поднес к губам дочери чашку с водой, слегка приподнимая ей голову. Аня сделала два маленьких глоточка и больше не смогла. Вода по краям рта стекала обратно.

Никита Иванович глядел на свою дочурку, и сердце его разрывалось. Он отвернулся, вытирая рукавом накатившиеся на глаза, слезы.

Фельдшер, Мария Тимофеевна Брызгалова, узнав, что ее подопечная пришла в себя, не заставила себя долго ждать. Осмотрев больную еще раз, и поняв всю серьезность или даже безнадежность данного положения, Мария Тимофеевна пришла к выводу.

-Было бы неплохо пригласить бабушку Ефросинью, знахарку из Ижмы. В этих делах она толк хорошо знает. Только я вам ничего не говорила, ведь знахарки нынче гонимы законом.

Попрощавшись со всеми, она вышла из дома. Обещала навестить Аню на следующей неделе.

Конечно же, и отец Анюты, и остальные члены семьи правильно растолковали завуалированный смысл слов фельдшера. Медицина здесь, скорее всего, была бессильна, но надежда умирает последней.

Через три дня Ефросинья, бабушка, в ярком платке и таком же красивом сарафане, вошла в дом Никиты Ивановича. Она под села к Ане, потрогала ее руки, ноги, попыталась повернуть, но передумала.

-Надо бы затопить баньку, прямо сейчас. Хотя девочка сильно пострадала, может, что и получится, Бог милостив, поможет.

В углу комнаты висела икона Божьей Матери с младенцем Иисусом. Бабушка Ефросинья подошла к иконе и стала читать вполголоса какую-то молитву. Перекрестившись три раза, она низко поклонилась.

Потом Ефросинья три раза мыла Аню в бане. Лицо Ани, наконец, порозовело. Начали шевелиться пальцы рук и ног, еле-еле, но все-таки.

-Теперь хвалите Бога и молитесь! Аня скоро встанет на ноги.

-Анечка, развивай руки и ноги. Шевели ими до седьмого пота. Ты молодая, все будет зависеть только от тебя!

Когда Фельдшер снова появилась в доме Никиты Ивановича, Аня встречала ее уже на своих ногах.

-И нет ведь этому никакого объяснения - чудо и только. Ай, да Ефросинья!

С тех пор прошло уже пять лет. Аня и думать позабыла о своих болячках. В школу она больше не ходила, ни писать, ни читать так и не научилась. Занималась Анюта, в основном, домашним хозяйством Юли и воспитанием ее детей, при этом редко навещая свой родной дом.

Ее воспоминания на этом закончились. В правлении составили протокол. Без следствия и свидетелей за несколько колосков дали Ане десять лет. Суд прошел быстро.

О случившемся в деревне все быстро узнали. Пошли разговоры, сплетни, кривотолки. Но Юля совсем не скрывала истину, судьбу этих проклятых колосков, за которые Аня получила слишком большой срок. Некоторые колхозницы даже нашли во всем этом один приятный момент.

-В тюрьме, может и не так хорошо, но зато три раза в день кормят, одевают.

На такие глупые рассуждения Юля старалась не реагировать. Себя она винить в этом тоже не хотела, и при случае старалась всегда обвинить Аню в сборе опавших колосьев. Хотя основным виновником в этом

деле была она сама. Предала свою помощницу, которая помогала ей и заботилась о её детях.

Юле еще повезло, что теперь за детьми присматривала Соня, а иногда и остальные дети Никиты Ивановича, Коля и Гриша.

УГАР.

Наступила зима. Дров оставалось совсем мало. Председатель колхоза выделил две лошади с санками, и бригада из шести женщин, в том числе и Юля, выехала за бревнами в лес. Предыдущая бригада уже свалила сосны, обрубил сучья и обрезала их на сортименты, а этой бригаде оставалось только загрузить бревна в сани, уложить их закрепить вывезти в деревню. Вернулись женщины в деревню уже ночью и у дома каждой, выгрузили по несколько бревен.

Зима была снежной и очень холодной. Дом хорошо не протапливался, полы были холодными, и дети не могли играть сидя на полу.

-Соня, дрова сырые, печка до конца не протопилась. Ты подкинь в печку еще пару поленьев и закрой трубу,- распорядилась Юля, уходя на работу.

-Хорошо, все сделаю, не волнуйтесь,- ответила Соня.

Когда дети проснулись и спустились с полати, Соня закрыла задвижку дымовой трубы. Сделала это раньше, чем внутри печи догорели дрова. Она заметила, что из некоторых красных углей еще поднимается змейкой синий дымок, но почему-то на этом Соня своего внимания не заострила.

-Главное, чтобы было тепло,- думала она.

Ребята сидели на печке и играли, а Соня поднялась на полати, где лежали выделанные овечьи шкуры, было тепло и уютно. Вздремнула. Вдруг ее резко затошнило. Только она успела повернуть и свесить голову, как рвота фонтаном вылилась на пол. Соня посмотрела на мальчиков. Коля с Геной не то просто лежали с закрытыми глазами, не то спали. Но они только недавно проснулись? Тут Соню осенило, что раньше положенного закрыла трубу, поэтому они угорели. Соня начала будить детей, но мальчики не просыпались. Тогда она выбежала из дома, спустилась к родителям, чтобы позвать на помощь родных.

-Помогите, Коля с Геной без сознания лежат на печке, они угорели!- вымолвила Соня и тут же упала перед порогом без чувств.

Все бегом побежали в дом Юли. Открыли настежь дверь и печную задвижку. Ребят спустили на пол. Они лежали, как мертвые, слегка посинев. Лукерья взяла на руки Колю, вынесла на улицу и начала энергично протирать снегом его лицо и трясти голову. Женщина растерялась. Чуть не плача, она сняла с него рубашку и тут же снегом протерла его тело. Повторяя за Лукерьей, старший сын Никиты Ивановича, Николай, проделывал те же самые процедуры с Геной. Затем мальчиков занесли в дом, переодели, укутали и отнесли в дом главы семейства.

Пока Лукерья и Николай приводили в чувства своих маленьких родственников, Никита Иванович пытался вернуть сознание своей дочери.

Все трое лежали на полу, укутанные в овечьи шкуры. Первым в сознание пришел Коля, за ним Соня, а

Геннадий почему-то сопротивлялся. Но, наконец-то, и он открыл глаза.

-Есть же Бог на свете!- прошептала Лукерья.

Ребята лежали неподвижно. Они были еще слишком слабы.

Поздно вечером, уставшая и голодна, Юля пришла с работы. Поднявшись на крыльцо, она увидела, что дверь ее дома приоткрыта, а из комнаты тянет гарью и дымом. Сердце Юли бешено заколотилось. В голову полезли всякие дурные мысли. Забежав в комнату, она увидела, что ни детей, ни Сони на месте нет.

-Где же они могут быть? Только в доме свекра,- спросила саму себя Юля.

Увидев своих любимых детей живыми, Юля заплакала.

-Что случилось? Почему у нас в доме такой запах?

Лукерья рассказала ей о том, что случилось, и какие были последствия.

-Спасибо вам от всего сердца, спасибо за спасение моих мальчиков! Сначала я подумала, что в доме был пожар. Слава Богу, дети живы, а то я не знаю, что бы с собой сделала.

Она подошла к детям и прижала обеих, поочередно целуя каждого.

В тот вечер Юля осталась ночевать у родителей мужа. После такого стресса ей необходимо было отдохнуть.

Утром перед работой Юля поднялась к себе. За ночь повсюду, на стенах, на полу и на потолке, выступил иней. Ей показалось, что она попала в какой-то ледяной дом.

Затопив печку и разогрев замерзшую в самоваре воду, Юля отправилась на работу, предварительно забежав к свекрови и договорившись с ней о том, что дальнейший уход за детьми примет на себя Лукерья.

БОЛЕЗНЬ ГЕННАДИЯ.

Как на грех, беда приходит не одна и без звонка. С момента последних событий прошло немногим больше недели, а Гена снова заболел своей хронической болезнью, у него случился запор. Что ни делали, никак не получалось освободить животик малыша от переработанных остатков пищи. Ни, знающая в этих вопросах, Лукерья, ни опытные соседки, ни Юля не смогли справиться с этой проблемой. Фельдшер, Мария Тимофеевна, прийти в деревню Вертеп не могла. У нее были тяжелые больные, и сама она чувствовала себя крайне плохо. Посоветовавшись, решили на санях везти Геннадия в Краснобор. Большие сани Никиты Ивановича, с широкими полозьями, были скорее легкими, чем тяжелыми. Юлин свекор соорудил гнездо на поперечине полозьев саней, чтобы Коля, который собирался отправиться в Краснобор вместе с мамой и братиком, мог спокойно толкать их сзади, опираясь на палку.

Закрутив Гену как можно теплее, Юля уложила его в сани, немного приподняв ему голову, и плотно привязала веревками на случай, если вдруг сани перевернутся. Она взяла в помощники Колю, полагая, что одной ей не справиться.

-Ну, что, сынок, давай, пошли,- обратилась она к Коле.

Юля обернулась на свой дом и увидела, что Лукерья крестит их на дороге.

-Значит, все будет хорошо,- подумала она и повела семью Филипповых в дальнюю дорогу.

Юля тянула сани за веревку, а Коля подталкивал. Деревню прошли быстро, так как дорога была хорошая, и сани легко катились по заснеженному полотну. После того, как они спустились под гору, и вышли к реке, им предстояло еще идти по льду, недалеко от берега, где петляла только одна тропа и разовый санный след, который был еле заметен после небольшой пурги.

Иногда Коля менялся с Юлей местами и в такие моменты он был очень горд, что везет своего брата, как запряженная лошадь. Юля была сильной и сани толкала так хорошо, что Коля не успевал набирать скорость. Гена постоянно плакал. И только перед Краснобором он прекратил реветь. Остановив сани, Юля приоткрыла лицо Гены и увидела, что глаза ребенка закрыты. Ей показалось, что Гена умер. Юля легонько тронула его по щеке, он открыл глаза, но снова закрыл. Юля быстро укутала мальчика и, что было сил, поволокла сани.

-Успеть бы, дотащить живым до больницы,- молила про себя Юля.

Добрались до больницы. Остановили сани у крыльца. Пожилой мужчина с седыми усами и морщинистым лицом помог занести Геннадия. Отодвинув сани от крыльца и, вытряхнув валенки, Коля тоже зашел в помещение больницы. В коридоре было тепло, возле стены стояли две длинные скамейки. Коля присел на край скамейки и стал ждать.

Распахнулась одна из четырех крашенных белой краской дверей, и к нему подошла пожилая женщина в белом халате и белом платочке.

-Мальчик, давай-ка, раздевайся, пойдем со мной. Я напою тебя нашим больничным чаем.

Коля охотно разделся, на подоконник положил свою шапку-ушанку и поплелся за женщиной в ту же приоткрытую дверь.

Комната была светлой, с большими окнами и столом с белой матерчатой скатертью. В центре его стоял бронзовый чайник с поднятой вверх полукруглой ручкой и, выпускающим пар, носиком. Вокруг стола стояли несколько стульев. Пожилая женщина отодвинула один из них и ласково сказала:

-Садись, я тебя угощу чаем.

Коля уселся. Женщина налила ему чай и принесла, наполненную до краев, миску с пшенной кашей. Затем она протянула Коле блюдо, где лежали маленький кусочек сахара и кусочек хлеба.

Мальчик с удивлением смотрел на все это и ждал, когда же, наконец, эта тетя уйдет.

-Ты не стесняйся, ешь. Вам еще обратно предстоит идти, путь не близкий, мороз,- сказала женщина и вышла из комнаты.

Как только дверь закрылась, Коля накинулся на еду. Он мигом съел всю кашу без остатка, даже вылизал тарелку, и выпил чай, а хлеб с сахаром спрятал в кармане своих штанов. Руки согрелись, и внутри стало как-то тепло. Выйдя в коридор, он подобрал шапку с подоконника и сел на скамейку. Из соседней комнаты доносились вопли Гены.

-Мне больно, мне больно!- голосил он.

Прошло немного времени. Заскрипела дверь соседней комнаты и оттуда вышла мама, держа за руку Гену. Увидев старшего брата, Гена рванул к нему, улыбаясь, как ни в чем не бывало. За Юлей вышла Мария Тимофеевна. Она открыла дверь комнаты, где только что побывал Коля, и уважительно сказала:

-А теперь пойдите в столовую, вам нужно подкрепиться на дорогу. Заходите.

Юля с Геной зашли в столовую. Коля туда больше не пошел.

-Вы не забыли, что надо делать при приступах и острых болях? Теперь вы все знаете. Была бы возможность, я мальчика оставила бы здесь. Но свободных мест нет.

Не торопясь, Юля одела Гену, укутала, как и раньше. Коля уже давно был готов и наблюдал, как мама упаковывает его младшего брата. Все оделись. Юля еще раз поблагодарила пожилую медсестру Марию Тимофеевну, и все трое вышли из больницы.

На этот раз Юля усадила Гену на попу, и теперь он мог смотреть вперед.

Пока Юля привязывала Гену к саням, Коля решил посмотреть, что делается вокруг больницы. Зайдя за угол дома, он увидел мусорный ящик, из которого что-то парило. Коля заглянул в этот ящик и увидел, высыпанные в него картофельные очистки, которые, видимо, попав из тепла в холод, медленно остывая, парили. Коля быстро вернулся к маме.

-Мама, там, в ящике картофельные очистки, может, мы заберем их домой, они нам пригодятся?

-Ты знаешь, за что посадили твою любимую тетю Аню в тюрьму? За воровство. Хотя воровством это назвать нельзя, ведь она собрала колоски, которые лежали на земле. За это малое дите посадили в тюрьму.

Закончив подготовку Гены в путь, Юля снова зашла в больницу.

-Мария Тимофеевна, в ваш больничный мусорный ящик выбросили картофельные очистки, можно ли нам их забрать, а то у нас дома есть нечего?- спросила фельдшера Юля.

-Вы зайдите на кухню. Повар даст вам чего-нибудь из еды. Я вас провожу,- мягко и с сочувствием в голосе ответила Мария Тимофеевна.

Повар, торопясь, положила в мешок остатки продуктов, а Юля, выйдя на улицу, собрала в мешок все картофельные очистки.

-Теперь этих продуктов нам хватит на неделю, - думала Юля, надо будет еще с родственниками поделиться. Они нам всегда чем-нибудь да помогают.

Обратная дорога показался им короче. Юля тянула веревку и шла очень быстро. Коля еле поспевал за ней. В деревню пришли, когда уже совсем стемнело. Юля поставила самовар, затопила печь, подоила корову. Разобравшись с делами, она направилась в дом Никиты Ивановича, чтобы рассказать хорошие новости и передать продукты. Домой вернулась Юля уже не одна, а вместе с Соней, довольная тем, что все так хорошо сложилось.

Когда сели ужинать, Коля вдруг вспомнил про обед в больнице:

-Мама, у нас же есть сахар и кусочек хлеба! Давайте пить чай с сахаром!- торжественно сообщил он и

вытащил из кармана примятый ломтик хлеба и кусок сахара.

Юля сходила к шкафчику, достала кусачки для сахара и расколола сахар на четыре ровные части. Положив перед каждым по кусочку, она облизала пальчики, которыми к нему прикасалась. После ужина детей уложили спать. Помолившись на пустой Божий угол, Юля тоже легла и быстро уснула.

РУЧЕЙ.

Вот и наступило долгожданное теплое солнечное лето. Все кругом ожило, зазеленело. Появились мухи, комары, оводы, чирикали воробьи, каркали вороны, трещали сороки. Несмотря на то, что там, где-то далеко, на западе Советского Союза, гремела, грохотала война. Гибли солдаты и мирные люди, женщины, старики, дети, горели города, деревни, после долгой, холодной зимы села, на душе Юли стало теплее.

Ребята ее за прошедший год немного подросли, стали дружнее, спокойнее, да и капризов стало меньше, особенно у Коли. По-прежнему, его любимой игрушкой оставалось ружье, с которым он был неразлучен. А Гена не расставался со своими костяшками, которых то собирал в какие-то незамысловатые фигуры, то выстраивал в ряд, а иногда, рассердившись на них, разбрасывал по сторонам, аж шум стоял. С разрешения мамы дети самостоятельно выходили на улицу, ковырялись в сухом песке, что-то чертили пальчиками, то есть по их понятиям - рисовали. Но чего мама запрещала, и они боялись больше всего, так это ходить к ручью,

который протекал, громко журча, недалеко от дедушкиного дома.

-В ручье водятся злые крокодилы, у них очень большая голова, огромные глаза, очень широкий рот с большими острыми зубами. Они свободно могут съесть корову, лошадь, взрослого человека и уж тем более маленького ребенка,- пугала мама.

Этот запрет отложился у них в памяти. Ребята и с опаской и с интересом поглядывали в сторону ручья. Им очень хотелось посмотреть хоть издалека на это длиннохвостое чудовище. Сговорившись между собой, а инициатором был Коля, в один прекрасный солнечный день, когда мама была на работе, а Саня занималась домашними делами, они окончательно решили идти, но Гена почему-то стал упираться, им овладел страх.

Мы же договорились! Трус! Тогда я пойду один! - кричал Коля.

Гена продолжал молчать. В этот момент он рассматривал ногти на руках. Не выдержав, Коля накиннул на плечо ружье, ремень ружья подтянул поближе к шее, взял большой кухонный нож, лежавший на столе.

-Подожди, я с тобой.

Пересилив страх, Гена вышел из дома следом за братом.

Они спустились с крыльца, постояли. Убедившись, что Сони нет поблизости, пошли.

Коля снял ружье с плеча, пригнулся, чтобы его не видели, ствол ружья вытянул вперед. Гена шел за старшим братом, копируя его позу. Вместо ружья он нашел сухую палку и также вытянул ее впереди себя.

На пути их пугало все: запреты мамы, жужжание пчел, слепни, чириканье воробьев, пролетающие мимо бабочки, сорвавшиеся с цветов. Страх был не малый, но они крадучись все-таки шли, и чем ближе подходили, тем больше боялись.

Впереди появилась темно-коричневая полоса земли. Вдруг, откуда ни возьмись, с шумом, выше травы, сделала прыжок вперед огромная лягушка. Она была зеленой, с большими выпуклыми глазами. Лягушка летела над травой, вытянув назад тонкие ножки, прямо как хвост того крокодила, про которого рассказывала мама. Упав на землю "крокодил" сжался в комок и, опираясь на передние лапы, задрал вверх голову, принял позу для следующего прыжка. Увидев эту картину, мальчики оторопели. Такого чуда они еще в жизни не видели. От испуга оба прижались к земле. Гена отбросил свою палку в сторону, хотел бежать назад, домой, но единственное, на что оставалось сил, это орать во весь голос.

-Ма-а-а-ма-а-а! Ма-а-а-ма-а-а!

Коля тоже страшно испугался, отскочил назад, весь бледный. Его руки тряслись, но ружье он свое удержал, а нож уронил на землю. От крика Гены и стука палки о землю, лягушка несколько раз подпрыгнула вверх и прижалась к земле.

-Ква-а-а, ква-а-а,- раздались голоса множества лягушек из травы.

-Все. Конец. Сейчас нас обеих схватят "крокодилы". Их там, в ручье много. Столько голосов сразу подали, они ополчились на нас,- подумал в этот момент Коля и пошурудил своим ружьем траву перед собой.

Послышался только всплеск воды. Лягушка несколько раз подпрыгнула и достигла расщелины ручья.

-Значит не такой уж грозный этот "крокодил", ружье выручило нас, мы спасены, - думал Коля.

Мальчики встали во весь рост. Гена тоже осмелел, подобрал свою палку, держа ее обеими руками перед собой и готовый вступить в любой момент на свою защиту. Коля поднял нож и оперся на свое ружье. Они еще немного постояли, глядя на ручей, куда запрыгнул "крокодил". А он так больше и не появился.

Боясь поближе подойти к берегу ручья, ребята попятились назад. Убедившись, что опасность миновала, они, как по команде развернулись и что было сил побежали туда, откуда пришли.

На обратном пути Гена где-то потерял палку, свое орудие защиты. Быстро добежав до дома, запыхавшись, они присели на ступеньки крыльца, периодически поглядывая, то друг на друга, то в сторону ручья.

Поход к ручью был их первым самостоятельным и смелым поступком по преодолению страха. Да, конечно, они испугались, отступили. Но "крокодила" в ручей все-таки загнали. Это вдохновляло и воодушевляло на новые и новые поступки.

Соня застала ребят спокойно сидящими на ступеньках крыльца. Она принесла им вареной картошки, покормила. Дети молчали, опустив глаза.

-Что случилось? Какие-то вы сегодня странные, что-нибудь натворили? Или кто-то из вас заболел? Тихие такие.

-Ничего не случилось. Мы с Геной ходили к ручью. Там видели "крокодила". Он громко квакал. Мы его не очень-то испугались и прогнали, и тот прыгнул в ручей.

Значит мы сильнее его, и он нас боится,- оправдывался Коля, а Гена только покачивал головой, подтверждая правильность слов своего брата.

-Ха, ха, ха!- громко засмеялась Соня.

-Да какой же это крокодил? Это лягушка, она квакает и прыгает. Лягушки трусливы, едят они комаров, мошек и разных мелких насекомых. А крокодилы здесь не водятся, живут они в южных жарких странах,- объясняла Соня детям.

-Так вот, ребятки, больше вы к ручью не ходите. Там действительно опасно. Вы можете сорваться с берега и разбиться, можете утонуть. Вы поняли меня? Мама вас предупреждала!

На следующий день Соня рассказала Юле о походе ребят к ручью. Юля еще раз строго предупредила детей, чтобы больше никогда и близко не подходили они к обрывистым берегам ручья, что это опасно для жизни, особенно для жизни малышей. Что крутые высокие берега ручья, им же подмываемые, сами обваливаются и осыпаются.

Коля и Гена внимательно слушали поучения матери и утвердительно кивали головами. Но любопытство их не покидало. Им хотелось поближе посмотреть на лягушек, и как бежит ручей.

Прошло немного времени, и ребята снова отправились к ручью. На этот раз они были смелее. Шли той же дорогой. По пути они не встречали лягушек и не слышали их кваканья. Боясь обвала берега, к ручью близко не подходили. Зато смотрели, как течет ручей своей извилистой тропой, журча и обволакивая большие и маленькие камни, торопясь соединиться с большим

ручьём, а тот в свою очередь спешил слиться с водами реки Ижма.

БЕЗВОЗВРАТНЫЕ УТРАТЫ.

Это случилось в начале июля. Юлина корова, Зорька, часто без сопровождения хозяйки, самостоятельно возвращалась домой одна после выгула.

-Му-у, му-у!- подавала она голос, вытягивая шею и поднимая голову.

Юля встречала свою кормилицу, открывала ей дверь в хлев, гладила и приступала к дойке. А рано утром она провожала корову в набирающееся стадо. Пастух принимал Зорьку, дожидаясь опоздавших, и выводил всех на пастбище. Так происходило изо дня в день, и все обходилось благополучно.

Однажды Юля не услышала голоса Зорьки. Спустилась к Лукерье.

Корова Лукерьи находилась дома и была уже подоена. Юля забеспокоилась и пошла к пастуху Мише, молодому парню, лет двенадцати.

-Почему-то моей Зорьки нет, она домой не пришла. Где она? Утром вы ее приняли, а домой обратно она не вернулась.

-Зорька у вас послушная, хорошо паслась. Она всегда сама до дома ходила. Может, забрела куда, поищите.

Чтобы помочь маме к поискам коровы подключился Коля.

-Мам, я пойду с тобой, вдвоем легче будет Зорьку искать.

Выйдя во двор, мать и сын пошли в разные стороны. Коля пошел вверх, а Юля вдоль ручья. Не доходя до дома сваты Лукерьи, она заметила лежащую на боку Зорьку. Задние ноги коровы были засыпаны обвалившейся с берега землей с комками зеленого дерна, голова ее касалась края ручья. От испуга Юля чуть не потеряла сознание, но, набравшись сил, подбежала к Зорьке.

Корова была еще жива. Одним глазом она смотрела на хозяйку. Ее длинные ресницы прикрывали глаз, наполненный слезой. Зорька пыталась подать голос, но не могла, выходило только шипение. Юля погладила Зорьку. Зорька же ответила на любезность хозяйки несколькими взмахами левого уха.

-Коля, Коля, Зорька здесь, она упала в ручей. Пригласи людей на помощь, надо вытащить корову из ручья!- кричала Юля.

На крики и плач Юли прибежали люди из близлежащих домов. Лопатами они отбросили землю с Зорьки и полностью ее освободили. Люди попытались поднять корову, но этого было сделать невозможно. Всякое телодвижение приносило ей только боль.

Юля, присев, погладила Зорьку. Коля побежал за председателем колхоза. Председатель обошел вокруг коровы, потрогал ее вытянутые ноги, которые никак не реагировали на прикосновения.

-Все ясно, корова парализована, она пропадет. Предлагаю сдать ее в колхоз. Документы потом оформим. Юля, ты согласна со мной?

Юля кивнула головой, подтвердив этим согласие.

-Я понимаю, без коровы с маленькими детьми будет жить трудно. По возможности колхоз будет вам помогать. Семью вашу мы в беде не оставим.

-Деваться некуда, забирайте. Только уведите отсюда Колю. Не надо ему смотреть,- в слезах, сказала Юля.

Председатель организовал повозку. Зорьку стукнули обухом топора промеж рогов. Она дернулась от удара и успокоилась. Люди постепенно стали расходиться, а Юля с Лукерьей остались до отправки Зорьки на склад.

Юля ревела во весь голос. К ней прислонилась Лукерья, начала успокаивать ее, поглаживать по плечу.

Юле стало плохо, ноги подкашивались, она как-то обмякла.

-Отведите Юлю домой, ей здесь не надо больше находиться. Дальше мы сами справимся. До свиданья, Юля, на завтра освобождаю вас от работы, зайдите днем в правление,- отдавал последние указания председатель плачущей Юле.

Лукерья с Юлей спустились вниз по течению ручья, дошли до полого места, поднялись.

Сначала зашли и немного посидели у Лукерьи. Отдохнув, она проводила Юлю домой.

Юля не спала всю ночь. Обоих сыновей она уложила рядом с собой на кровати. Душа ее продолжала плакать, только слез больше не было.

Утром Юля пошла в правление колхоза, где ждал ее председатель.

-Хорошей дойной коровы на скотном дворе нет. Берите любого теленка, но содержать его не так-то

просто. И надо будет платить налог. Жить теперь всем тяжело, решайте сами.

-От теленка я пока отказываюсь. Когда наступят лучшие времена, улучшится наша колхозная жизнь, тогда и будем разговаривать.

На этом разговор с председателем был окончен. Юля не взяла ни расписки, ни какого-то другого документа о сдаче своей коровы в колхоз.

На следующий день в колхозе раздавали по два килограмма свежего мяса. Юля тоже получила свой пай. Это было мясо ее любимой Зорьки.

С этого времени молоком своей коровы Лукерья делилась с Юлей.

Об этом несчастье с коровой Юля незамедлительно сообщила в письме Ивану.

1.

В последнее время Никита Иванович все реже поднимался с постели. Ребятишки бегали по дому, шумели, смеялись. Никите Ивановичу этот шум и гам не нравился. Иногда он покрикивал на детей. Они успокаивались на некоторое время, но скоро все забывалось и продолжалось снова.

По привычке Коля с Геней пытались влезть деду на колени, чтобы покататься, как раньше, но он вежливо отказывал.

Мальчики понимали, что дедушка болен, и лишний раз тревожить его не нужно. Дети не обижались, и после очередного отказа спокойно уходили играть.

Все чаще Никита Иванович держался рукой за сердце.

- Хоть бы не выскочило,- думал он.

Фельдшер Мария Тимофеевна, в очередной раз слушала работу сердца Никиты Ивановича, качая головой и приговаривая:

-Ах, Никита Иванович, запустили вы свое сердечко. Полежали бы у нас в больнице, подлечились.

-Куда мне, старику. Вон сколько больной молодежи, детей. Я дома полежу. Жена делает какие-то отвары. Они мне помогают. В больницу не поеду. Мне хорошо дома.

-Я понимаю, что дома хорошо, но вам нужен покой, тишина, да и питание в больнице лучше.

-Спасибо вам за заботу. Видимо наступает время уходить на покой. Толку от меня никакого, только лишние хлопоты создаю и заботы. Старость - не радость, пробормотал он.

Выполнив полный осмотр, Мария Тимофеевна отозвала в сторону Лукерью и шепотом долго ей что-то объясняла. Та, в свою очередь, периодически кивала головой. Фельдшер снова подошла к Никите Ивановичу, взяла его левую руку и проверила пульс.

-Я с вами не прощаюсь, буду на следующей неделе. А вы пока подумайте над моим предложением.

Попрощавшись, она ушла.

В начале августа Никита Иванович почувствовал себя значительно лучше. Без особых усилий он поднялся с постели, походил по комнате, заглянул в окно. Вечером он поужинал вместе со всей семьей. Жена Никиты Ивановича радовалась такому поведению мужа, полагая, что тот идет на поправку.

Лукерья проснулась на рассвете в отличном настроении. Она оделась, умылась, подоила корову и

проводила ее в стадо. Она вернулась домой, приготовила завтрак и накрыла на стол.

-Гриша, разбуди папу, а то сегодня он что-то долго спит, на завтрак не торопится,- попросила сына Лукерья.

Гриша подбежал к кровати отца, взял за руку, а рука совсем холодная.

-Мама, мам, а у папы рука почему-то совсем холодная. Он не шевелится и, кажется, не дышит. Иди сюда и сама посмотри.

От этих слов из рук Лукерьи выпал ухват. Она примчалась к постели мужа и стала его будить.

Никита Иванович не подавал никаких признаков жизни.

Хоронили его в теплый солнечный день. Присутствовали только родные и близкие. Так как глава семейства был человеком верующим, пригласили попа.

Колю и Гену мать на похороны деда не взяла, и дети наблюдали за церемонией из окна своего дома.

Гроб находился на телеге. Впереди гроба шел какой-то пожилой рыжеволосый мужчина, он нес большой крест. Лукерья была одета во все черное. Она плакала, прикрывая лицо платком. Провожающие шли очень медленно. У всех был печальный и скорбный вид.

В деревне похоронные процессы происходили каждый день, да и не по одному разу. Народ убывал, вымирал прямо на глазах. Причиной этому была война, голод, нищета.

2.

Наступила весна 1944 года. Уже третий год шла война. Советская армия вела наступательные бои. Почти вся территория нашей страны была освобождена от фашистской нечести. Печальный конец для Гитлера и его команды был не за горами. Письма от Ивана Никитича стали приходить все чаще. Их содержание стало веселей, добрей. Юля отвечала тем же теплом и надеждами скорого окончания войны. Слава Богу, дети живы, а это главное.

По карточкам выдавали хлеб, сахар, соль, спички, мыло. Юля продолжала работать в колхозе, ее фотокарточка висела на доске почета. Она этим очень гордилась, и дети тоже гордились маминими успехами.

Зима свои позиции сдала полностью. Кругом зазеленело. Люди посадили свою картошку; на это дело колхоз выделял два дня, и за такой короткий срок народ успевал вспахать, вскопать и посадить. А те, кто не успевал, работали на своей земле ночами. Участок Юли обычно пахали плугом, и дети с удовольствием наблюдали, как лошадь тащит за собой плуг, переворачивая землю. Посадив картошку, все с нетерпением ждали урожая, на уборку которого колхоз отпускал тоже два дня. Убирая урожай, люди создавали запасы к следующей зиме. Вот так, изо дня в день, проходило время, в постоянных заботах и хлопотах.

Возвратился с войны сын брата Никиты Ивановича, Григорий. У него не было одной ноги. Вскоре Григорий принял магазин и стал заведующим, кладовщиком и грузчиком - он один совмещал все должности. В магазине было все: продукты, строительные материалы, различные инструменты, керосин и другие, нужные для деревенского жителя вещи. Магазина находился рядом с Сельпо. Обычно возле крыльца магазина толпились старушки с палочками, а вокруг них бегали ребяташки.

Народ в Сельпо получал свои продовольственные карточки, которые выдавали по спискам. Когда подходило время их получения, людей отпускали с работы.

Получив карточки, Юля решила отправить Колю одного в магазин за хлебом. Она отдала ему все карточки в надежде, что Гриша вырежет ножницами нужный талон, а остальные вернет ребенку. Как послушный мальчик, Коля занял очередь за старушкой, которую попытался запомнить, и подождал, пока очередь займёт за ним, так учила его мама.

-Кто последний?- спросила красивая девочка с косичками в белом платье.

-Я, я последний,- тихо ответил Коля.

-Я буду за вами,- ответила девочка.

Еще немного постояв, Коля надумал пройтись, хотя продавец, дядя Гриша, уже был в магазине. Подходили следующие люди, занимали очередь, и народ собирался все больше и больше. Коля периодически поглядывал за бабушкой и девочкой, не теряя их из виду. Солнце поднялось уже высоко, становилось жарко. За деревянным забором цвела картошка, ее ботва была густой и высокой. Прогуливаясь вдоль забора и шаркая по мелкой зеленой траве своими калошами, Коля рассматривал ее белые и сиреневые цветы-буτονчики. Наконец, открылась дверь магазина, на крыльце появился продавец и деловым тоном произнес:

-В магазин будете заходить по пять человек. Тот, кто заходит последним, закрывает за собой дверь.

Стоял Коля почти в хвосте очереди, народа перед ним было еще очень много, и он решил погулять по

тропинкам вдоль огородов. А когда вернулся, то его очередь подходила для захода в магазин.

Голова Коли была чуть выше края прилавка. Гриша улыбнулся ему и кивнул.

-Коля, давай карточки и деньги! Что заказывала мама?- спросил он, держа наготове ножницы, чтобы отрезать талон.

От неожиданности Коля вытянул руки к продавцу.

-Где твои карточки?- уже строго спросил Гриша.

Коля тут понял, что все продовольственные карточки, полученные мамой на месяц, и деньги утеряны, он их где-то выронил. У Коли затряслись руки, и он громко заревел.

-Ты где-то потерял карточки?- переспросил его Гриша.

-Я сейчас побегу и найду их. Я помню, где гулял,- сквозь слезы ответил Коля.

-Найди обязательно - карточки на целый месяц. Как найдешь, сразу же подойди ко мне.

Коля выскочил из магазина и пошел по своему следу. Он бродил туда и обратно несколько раз, но ничего, ни карточек, ни денег не нашёл.

Уже темнело. На небе появились тучи, солнце уходило за горизонт. На улице похолодало, усилился ветер, и начал накрапывать мелкий дождь. Коля потерял всякую надежду найти карточки и деньги.

Григорий закрыл свой магазин на замок и встал, облокотившись на поручни.

За всем этим наблюдал Коля, спрятавшись за забором в высокой ботве картошки.

-Коля, Коля!- кричал дядя Гриша с крыльца.

Коля не отзывался. Тогда Григорий постоял еще немного на крыльце, оглядываясь по сторонам, позвал еще несколько раз громко, спустился и поковылял домой, придерживая свою деревянную ногу.

Как только Гриша вернулся с работы, он тут же сообщил Юле и всем остальным о том, что произошло с Колей. Все вышли на улицу и разбрелись в разные стороны искать мальчика.

-Коля! Коля! Отзовись, Коля!- Юля, рыдая, громче всех остальных, звала своего сына.

-Коля, я не буду наказывать тебя, ты где?

Юля бродила среди огородов, цепляясь за жерди заборов и вглядываясь в ботву.

Гена шагал за мамой, иногда повторяя мамины слова и, так же, как она, озирался по сторонам, пытаясь увидеть в зелени своего старшего брата.

Коля, тем временем, лежал между грядками и наблюдал со стороны, как его все ищут. Земля была холодной. Он весь замерз и проголодался. С верхушек картофельной ботвы свисали маленькие зеленые "горошины". Коля сорвал несколько штук и засунул себе в рот. Плоды оказались горькими, во рту все зажгло, и он выплюнул эту гадость, после чего выцарапал, выкопал из земли одну картошку, вытер о штаны и съел, потом выкопал еще одну и тоже съел.

В этот вечер Колю так и не нашли. Юля осталась вместе с Геной ночевать у Григория. Она выходила еще несколько раз на крыльцо и звала. Ответа не было.

Тем временем, голодный холодный, Коля, украдкой, забрался на сеновал дома дяди Гриши и накрылся сеном. Холод пробирал до самых костей. Он спустился вниз.

В домах погасли огни, и только в Гришином доме продолжала гореть керосиновая лампа, у которой сидела Юля, держась обеими руками за голову. Коля стал наблюдать за мамой через окно. Ею начала мучить совесть. Он понял, что из-за него страдают все родные.

-Все, пора сдаваться. Чему быть, того не миновать. Пусть побьют, может даже убьют, я это заслужил. По моей вине вся наша семья останется голодной,- мысленно рассуждал он.

Коля медленно открыл дверь дома и также медленно вошел. Дверь сильно закричала. Юля соскочила с места, едва не опрокинув лампу.

-Живой! Живой! слава Богу!- кричала на радостях Юля.

Домочадцы, услышав крики, поднялись с постелей. Григорий, опираясь на костыль, с удивлением смотрел на мокрого и грязного Колю.

-Напугал же ты нас всех. Разве можно так поступать? Сядь, поешь, ты целый день ничего не ел,- как-то по-доброму сказал Гриша, указывая Коле на стул.

Коля вместе с мамой подошли к умывальнику.

-Помой лицо и руки, как следует, и садись за стол. Все уже давно остыло,- прошептала она.

На столе была картошка, хлеб и молоко.

Коля с виноватым видом подошел к умывальнику, хорошенько умылся и сел за стол.

-Ладно, завтра на дверях магазина напишу объявление о потере ваших продовольственных карточек. Может, кто найдет и вернет,- попытался обнадежить их Гриша.

По деревне прошел слух, что семья Филипповых осталась без продовольственных карточек. Председатель колхоза вызвал к себе Юлю и распорядился:

-Юля, с завтрашнего дня начнешь возить продукты для магазина из Краснобора. Ты будешь, грузчиком, извозчиком и уборщицей, будешь убирать магазин, а то Грише, сама знаешь, трудно, поняла?

-Хорошо. Спасибо за доверие. Я справлюсь.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИВАНА НИКИТИЧА.

Хотя осень только что вступила в свои права, все ярче проявляла она свой характер. Дни, а особенно ночи стали холодными. В воздухе постоянно пахло сыростью. Дождевые синие облака плыли, почти касаясь земли. Днем моросил дождь, а ночью даже случались заморозки. Картофельная ботва стала черной. Листья на деревьях пожелтели и местами опали.

Еще зимой Юля получила от мужа с фронта несколько посылок, в которых были ткани, шелк и ситец. Шелк она сдала в Сельпо, обменяв на муку, а ситец меняла с соседями. Ваня с фронта помогал своей семье.

Новая работа в качестве извозчика Юле нравилась. Лошадь дали послушную, правда, немного хроющую. У Юли был кнут, но бить кобылу она отказывалась, жалела. Когда на хлебопекарне что-нибудь оставалось, Юля угощала лошадь. Спокойным ровным шагом, два раза в день, Юля ездила в Краснобор за продуктами.

В один из погожих дней с помощью ребят убрали картошку. Урожай в этом году был хуже предыдущего, но Юлю это особенно не пугало, у нее была постоянная

работа рядом с хлебом, и она считала, что ей сильно повезло.

-Юля, продовольственная комиссия списала несколько ящиков промокшего, немного прогнившего печенья, и я решила поделиться с тобой,- предложила заведующая складом, откуда Юля забирала товар,- заведи эти три ящика, спрячь под сиденье и накрой плащом.

Они вдвоем уложили на телегу ящики и накрыли плащом, а сверху, поперек телеги, положили доску. Сначала она заехала домой выгрузить печенье, а потом повезла в магазин хлеб.

Юля поделилась печеньем с родными, и ее детям хватило его почти на всю зиму.

Наступила зима. Ездить на телеге Юле стало невозможно. Возле конюшни Юле наладили сани и поменяли лошадь на старого жеребца по кличке Сивый. Характер Сивого был норовист, если ему что-то не нравилось, он мог укусить за что попало. Конь не любил надевать хомут, да и все остальные виды запрягания. Однажды, по дороге в Щельяур, куда Юля иногда ездила по работе, Сивый встал посреди дороги и решил отдохнуть. То ли он заболел, то ли просто хотел проверить свою хозяйку, он просто стоял, как вкопанный. Уже темнело, а до деревни было еще очень далеко. Юля достала кнут, который никогда не использовала. Заметив кнут, Сивый несколько раз покачал головой. Юля вначале тихонько ударила его кнутом. Результата не было. Тогда она начала хлестать Сивого по бокам. Не выдержав обиды, конь со всей силы лягнул по саням задними ногами. Хорошо, что Юле не досталось. Только комки плотного снега ударили ей в грудь.

-Ну, милый, трогай, нас ждут, трогай, ну.

Конь стоял, опустив голову. Юля слезла с саней и положила кнут на прежнее место. Затем она подошла к хлебному ящику, который был прикреплен в центре саней, и отломала небольшой кусочек хлеба. Юле так хотелось откусить хоть маленький кусочек, но она не стала этого делать. Закрыв крышку, Юля подошла к Сивому и подала хлеб, который он с удовольствием принял. Он даже разрешил себя погладить, чего раньше за ним не наблюдалось. Юля села в сани, и Сивый сам пошел. С этих пор у Юли и Сивого завязалась дружба.

Наступила очередная весна. 28 марта 1945 года Ване исполнилось тридцать лет. После работы Юля зашла к почтальону, собрав кое-какие гостинцы. У Веры тоже было двое детей.

-Вера, у моего Вани день рожденья, тридцать лет, круглая дата. Вот, хочу поздравить. Давай, напишем ему письмо, ему будет приятно.

Без всяких возражений, Вера нашла лист бумаги, подточила карандаш, и они вместе стали придумывать текст.

Письмо получилось веселым и поздравительным.

-Юля, твои дети здесь, давай пошлем Ване размеры рук Коли и Гены, предложила Вера.

-А как это сделать?- заинтересованно спросила Юля.

-Очень просто! Мы обведем карандашом ладошки ребят и подпишем, чьи это руки. По размерам рук Ваня увидит, как его сыновья выросли,- говорила Вера, довольная собственной идеей.

-Коля, Гена, идите сюда! Мы папе на фронт пошлем ваши ладони, обведем и пошлем!- позвала Юля мальчиков.

Все четверо подбежали к столу. Коля протянул свою руку, немного растопырил пальцы, и Вера аккуратно обвела карандашом вокруг них. Потом и Гена положил свою ладошку. Подарок был готов. Вера подогрела самовар и все вместе они стали пить чай, довольные таким незаурядным событием.

-Сержант Филиппов, выйти из строя! Два шага вперед!- скомандовал командир взвода.

Он подошел к сержанту и протянул ему руку для рукопожатия.

-Поздравляю вас с днем Рожденья! спасибо за службу!

-Служу Советскому Союзу!- громко отрапортовал Ваня.

После ужина перед отбоем ефрейтор Шарков принес две бутылки шнапса, это немецкая водка, такая гадость, с нашей водкой не сравнить, и немецких шпрот, Шарков был мастак по сбору трофейной провизии. Солдаты попростому, без особенных церемоний отметили, тридцатилетие сержанта Филиппова.

Легли, как будто ничего и не происходило. А утром опять подъем, физзарядка, мойка, завтрак, подготовка к занятиям, построение. Солдат расслабляться не привык.

В сентябре 1944 года Юля получила от Вани сразу четыре письма. За боевые заслуги Иван Никитич Филиппов был награжден орденом "Красной звезды" и медалями: "За отвагу", "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945г.г."

В марте 1943 года он вступил в ряды КПСС. Это произошло после очередного боя. Замполит роты майор

Ивлев собрал коммунистов роты в блиндаже. Открытым голосованием избрали президиум, председателя собрания.

Председатель зачитал повестку дня партсобрания, которую утвердили поднятием рук. Председатель объявил:

-Единогласно. Продолжим собрание.

Первым пунктом был прием в члены КПСС. Председатель собрания предоставил слово секретарю первичной партийной организации полка капитану Осипову. Он зачитал текст заявления сержанта Филиппова И. Н. о вступлении его из кандидатов в члены КПСС, затем зачитал тексты рекомендаций, составленных командиром разведвзвода Плетневым и ефрейтором Шарковым, знавших сержанта Филиппова по совместной боевой службе более двух лет.

-Если нет вопросов, перейдем к прениям, -заявил председатель.

Иван Никитич волновался. Руки его дрожали. Он поставил автомат между колен и обеими руками в него вцепился.

-Имеет ли кто желание выступить?- спросил председатель.

По очереди выступили оба рекомендующие. Они отметили положительные черты бойца Филиппова, его решительность, находчивость, храбрость, умение командовать своим отделением, и оба просили принять Филиппова И. Н. из кандидатов в члены партии.

-Есть еще желающие выступить?

Все молчали.

-Тогда предоставляю слово сержанту Филиппову Ивану Никитичу.

-Я оправдаю ваше высокое доверие ко мне. Буду и дальше честно и добросовестно служить своей Родине. Враг будет повержен, я в этом абсолютно уверен и приложу к этому все силы, и, если понадобится, отдам жизнь за победу над врагом, за будущую счастливую жизнь моих детей и всего советского народа, - этими громкими фразами закончил свое выступление Иван и присел на свое место.

-Может кто-то еще желает выступить?- опять спросил председатель.

-Да, мы все знаем сержанта Филиппова только с положительной стороны. Он вполне достоин быть коммунистом,- сказал рядовой Сергеев.

-Поступило предложение принять сержанта Филиппова из кандидатов в члены КПСС. Кто за данное предложение, прошу поднять руки.

-Прошу опустить руки. Кто против? Кто воздержался? Единогласно. Сержант Филиппов Иван Никитич принят в ряды КПСС.

После окончания партсобрания солдаты и офицеры крепко пожимали руку своего боевого товарища.

Командир полка собрал в штаб командиров взводов. Значит, жди наступления. Вернувшись во взвод, командир Плетнев ознакомил командиров отделений с поставленной задачей, заключавшейся в оказании помощи танковому полку. Этот полк не мог прорвать первую оборону противника. Там были широкие, очень широкие противотанковые рвы, заполненные водой.

Помощь прибывшего полка оказалась своевременной. Позиции немцев были смяты. Немцы бросали орудия, автоматы, пулеметы, сдавались в плен.

-Так вам и надо!- сказал Шарков, наводя автомат на рыжего немца.

-Найн! Найн! Гитлер капут!- во весь голос орал перепуганный немец.

-Товарищ лейтенант, я даже не собирался его убивать, а он побелел, как лист бумаги, трясется весь, вон, брюки спереди мокрые, значит обмочился, может и не только...Фу, смотреть противно. Какие же они были храбрые в 1941 году, а сейчас в кого превратились?

-Найн! Найн! Никс шиссэн! Никс шиссэн!

-Да, не бойся ты, опусти руки! Шагай, вон, к своим!- сказал Шарков.

-Гут! Гут!

Немец медленно опустил руки и зашагал туда, где советский сержант под дулом автомата выстраивал сдавшихся в плен немецких солдат. Держа свои автоматы наготове, русские солдаты собирали в одну кучу брошенные немцами каски, вещмешки, противогазы, автоматы.

Бравый хвастливый немецкий дух был окончательно сломлен русским характером, упорством, терпением и мужеством.

Перебравшись за противотанковый ров, взвод расположился в немецком поселке, где не было ни души. Дома пустовали, и кроме домашних животных здесь вообще никого не было. Когда осмотр домов, подвалов, дворов, колодцев, чердаков был окончен, командир взвода, капитан Плетнев, доложил командиру полка, что

поселок свободен и в нем есть здания, пригодные для размещения штаба полка.

Утром 9 мая 1945 года спешно по боевой тревоге построили полк на центральной улице поселка. Выстроившись повзводно, все затихли. Солдаты уже знали, что идет подготовка к полной и безоговорочной капитуляции немецкой армии, но виду не подавали.

Встав перед строем, командир полка, не подавая никакой строевой команды, во весь голос заорал:

-Товарищи бойцы, офицеры, старшины, сержанты, солдаты, война окончена! Только что мне сообщили из штаба армии, подписан протокол о полной, безоговорочной капитуляции Германии! Долгожданная наша победа достигнута! Враг повержен! Ура, товарищи!

Командир полка крепко обнял стоящего рядом с ним замполита. Тут он вспомнил, что не распустил полк.

-Вольно! Разойтись!

Солдаты стали обниматься, целоваться, подкидывать друг друга, качать, стрелять в воздух. Кругом и везде слышалось одно только слово "Победа", одно единственное слово.

Так продолжалось до обеда. Пыл восторга немного утих, многие устали. Подошла полевая кухня, к обеду приложили положенные сто грамм спирта. Командир взвода Плетнев собрал своих солдат и строго-настрого предупредил:

-Капитуляция капитуляцией, победа победой, но остались еще фанаты, которые не сдались в плен и готовы воевать дальше! Будьте бдительны! Нужно усилить посты! Выпивайте в меру, не распускайтесь, мы пока находимся на чужой территории!

Во взводе было относительно спокойно. Напутствия командира взвода подействовали на поведение бойцов. Однако, без чрезвычайных происшествий не обошлось. Отмечая День Победы, молодые бойцы напились шнапса до чертиков и стали палить, стрелять куда попало. Один из них случайно попал в плечо своего товарища, пуля прошла на вылет. Раненого увезли в госпиталь, а стрелявшего - на гауптвахту. Великий праздник победы для этих двоих оказался печальным. Хорошо, что раненый солдат остался жив.

-Ничего, ребята хоть и молодые, но достаточно нанюхались пороха. А как это случилось, разберется военный трибунал, - размахивал рукой тоже прилично выпивший ефрейтор Шарков.

Прошло два дня после объявления победы, а солдаты уже успели расслабиться. Они пели, играли на баянах, кругом слышны были патефоны, продолжалась стрельба в воздух, а ночью стреляли из ракетниц. Но где-то далеко, в направлении Берлина, периодически слышны были выстрелы из тяжелых орудий.

Выход бойцов за пределы военной части был запрещен, так как они могли повстречать диверсантов, то есть немцев, переодетых в советскую форму одежды. Случались проникновения диверсантов в советские воинские части для подрывной деятельности. По этой причине была усилена караульная служба.

На основании Указа Президиума Верховного Совета Союза СССР от 25 сентября 1945 года началась массовая демобилизация солдат и офицеров из рядов Советской армии. На окраине немецкого поселка, на большой каменной площадке каждый день, начиная с сентября, происходили построения демобилизующихся воинов. За колоннами автомашин с демобилизованными следовали

груженные их фронтовыми трофеями машины, сопровождаемые военным патрулем.

Приказ об увольнении в запас сержант Филиппов Иван Никитич получил за три дня до демобилизации. Эту новость сообщил ему командир взвода Плетнев.

-Ваня, сегодня командир полка подписал приказ о твоем увольнении в запас. Твой выезд из части назначен на 5 сентября. Прошу не нарушать воинскую дисциплину. Готовься к отъезду. Я рад, что в сложных боевых ситуациях ты был рядом со мной. Спасибо тебе.

Командир быстро зашагал в штаб полка.

-Что нового нашептал тебе наш командир, больно ласково вы говорили. Может в наряд или это секрет?-спросил Ивана один из сослуживцев.

-Нет, не угадал. Братцы! Домой я еду, демобилизуют меня!

К этому важному событию Иван готовился заранее. Он собрал все необходимые для жизни в деревне немецкие трофеи, а их собралось не мало. В то время воину-победителю многое можно было вывозить с собой на Родину. Это не считалось грабежом, ведь немцы сами добровольно оставляли свое имущество. Но на вывоз некоторых предметов был наложен запрет. Категорически запрещено было вывозить из Германии драгоценности, предметы искусства, вещи, имеющие историческую ценность. За вывозом трофеев производился очень строгий контроль.

В мыслях своих Иван Никитич был уже дома. Он представлял себе картины долгожданной встречи с семьей. Перед отъездом он практически не спал. Вспоминал особенно тяжелые бои, захваты и вывозы пленных, потерю товарищей, болезни, отступления, а

потом наступления, теплые письма из дома. Он представлял, как будет дарить подарки, привезенные из побежденной Германии, какие слова радости услышит, как будут все радоваться его счастливому возвращению живым и здоровым.

Солдаты взвода обменялись домашними адресами. Поступила команда явки на сборный пункт. Иван Никитич получил новую форму одежды, шинель, новые яловые сапоги, новый вещмешок, сухой паек. Ваня попрощался с солдатами своего отделения. Всех демобилизованных построили в одну шеренгу. Старший сопровождающий, ответственный за колонну, объяснил, какая должна быть в дороге дисциплина.

-По машинам!

Несколько машин ЗИС-5 ждали отправляющихся с фронта. Все уселись в кузова автомашин на дощатые скамейки по несколько человека. Регулировщик взмахнул красным флажком. Водители нажали на газ. За демобилизованными тронулись и остальные машины, кузова которых были покрыты брезентом.

Иван Никитич Филиппов добрался до своего дома только в середине ноября. Пока оформлял в Бресте документы и груз, Ваня задержался. Брест был первым городом Советского Союза после пересечения границы, поэтому проверки было не избежать.

Солдаты, вернувшиеся после долгого отсутствия на Родину, падали на колени, целовали землю, мазали ею лицо. Здесь так свободно дышалось и все радовало.

Юля узнала о демобилизации Ивана из письма, которое он послал из Бреста.

-Мама, что-то случилось с папой? Он ранен? Ведь война закончилась, мы же победили фашистов? - спросил Коля.

-Папа наш живой, он домой едет,- утирая слезы, сообщила Юля своим мальчикам.

Весть о возвращении Ивана с войны быстро разнеслась по деревне. С этого времени Юля не выходила больше на работу, ежеминутно ожидая встречи с мужем после долгой разлуки. На замерзших оконных стеклах, покрытых толстым слоем инея, от горячего дыхания ребячьих ротиков образовались прозрачные кружочки, через которые можно было бы рассмотреть приход папы домой.

Больше всех повезло Геннадию. Он первым увидел в окно, что к их дому идут сразу две повозки. Впереди шел мужчина в серой солдатской шинели, в шапке со звездочкой. Одной рукой он держался за ремень вещмешка, закинутого на спину.

Гена чуть не свалился с табуретки.

-Едут! Едут! Папа шагает впереди! - во весь голос заорал он.

Все, кто были дома, выбежали на крыльцо. У Юли от радости подкосились ноги. Она шагнула с крыльца, споткнувшись, упала на снег и даже не заметила, как Ваня схватил обоих сыновей на руки и начал целовать. Увидев, что Юля лежит в снегу и не может подняться, Ваня опустил ребят, подбежал к жене и, как маленького ребенка, взял на руки. Они обнялись, Юля обхватила мужа за шею и впилась губами в его губы.

Собрались родственники, соседи. Все вещи, что были на повозке, занесли в дом. Быстро поставили самовар, собрали полный стол еды, да такой, которой в

деревне еще не видели. Ваня сохранил пару бутылок шнапса. Он решил угостить гостей немецкой водкой.

-Какую же гадость пьют эти немцы. Наша водка не чета этой. А говорят, что немцы - цивилизованный, культурный народ. Раз у них водка плохая, значит, их народ плохой, - сделал вывод, уже прилично захмелевший, бородатый, узкоглазый, с широкими бровями, старый сосед Ивана, Григорий Кузьмич.

Встречу Ивана Никитича отмечали несколько дней подряд. Приходили женщины, чьи мужья еще с фронта не вернулись.

-Ваня, пока ты воевал, не встречал ли где моего мужа или, может быть, слышал о нем? Ты вот домой вернулся, а моего все нет и нет? - одна за другой женщины спрашивали Ваню.

На все эти вопросы Иван отвечал спокойно. Он объяснял, что Советская армия большая, и линия фронта длинная.

-За время моей долгой службы, а это почти пять лет, много повстречал я земляков из Коми АССР, но именно из нашей деревни - никого. Прошу вас, не волнуйтесь, война окончена, демобилизация идет полным ходом, мужья ваши обязательно вернутся домой.

ИЖМА.

Зима подходила к концу. Ивану Никитичу Филиппову предложили работу в колхозе, в Щельяюре, но он отказался, его тянуло в районный центр или в город. В один из весенних дней 1946 года Ваня поехал в районный центр села Ижма и встретился там с первым секретарем райкома партии Истоминым, предложившим

ему работу в должности заведующего по заготовке зерна Ижемского района. Раньше, ещё до призыва в армию Иван Никитич занимался скупкой шкур домашних животных, драгоценностей, золота, поэтому он сразу дал согласие работать в этой должности.

-Спасибо за предложение, на следующей неделе приступлю к работе,- поблагодарил он Истомина.

Через три дня семья Филипповых переехала жить в Ижму, Иван Никитич снял две комнаты в доме Вокуевых, рядом с домом Истомина.

Старшему сыну Коле тогда исполнилось девять лет, а Геннадию - шесть. В деревне Вертеп Коля не ходил в школу, хотя по возрасту должен был уже посещать учебное заведение. Причинами тому была война и мать-противница учебы, кроме того у него не было ни одежды, ни обуви и школа находилась далеко от дома, при этом нужно было переходить через висячий мост, где когда-то чуть не погибла сестра её мужа Анна.

После переезда в Ижму Коля все-таки пошел в первый класс и умел уже считать и писать цифры до ста, знал все буквы русского и коми алфавитов, по слогам складывал слова, так как подготовка к учебе началась еще летом. Первая учительница, Вакуева Елена Ивановна, занималась с ним отдельно, и со временем Николай опередил в знаниях своих одноклассников. По этой причине он часто бездельничал на уроках и иногда прогуливал.

23 марта 1947 года в Ижме родился третий сын Ивана Никитича. Беременность Юли проходила тяжело. Все предполагали, что женщина носит двойню. Однако, родила она легко и без всяких последствий.

-Мама, почему он такой маленький и красненький, - спросил Коля.

-Ты был таким же точно, когда родился. Разница только в том, что ты родился у нас дома, в Вертепе, а твой брат в больнице,- объяснил Коле отец.

С появлением нового малыша забот у Юли прибавилось. Она учила старших детей заботиться о младшем, правильно пеленать и засовывать ему в рот марлевую соску собственного изготовления.

С появлением третьего ребенка рев в доме Филипповых не утихал.

-Что-то с ребенком не в порядке, его что-то беспокоит. Нужно пригласить врача,- рассуждали родители новорожденного.

На следующий день к ним домой пришла детский врач.

Ребенка распеленали. Врач его послушала и помяла ему животик.

-Как назвали мальчика?

-Да как-то пока окончательного решения не приняли. Имен красивых много. Вот думаем, - оправдывалась Юля.

-Какой у него стул?- опять задала вопрос доктор.

- Стул в основном жидкий, кажется, нормальный, - ответила Юля.

-С мальчиком все хорошо, легкие чистые, сердце в порядке, тело чистое. Может, что-то с вашим грудным молоком? Сцедите немного молочка в чашку.

Юля выполнила просьбу врача. Взяв в руки чашку, женщина-врач покрутила ее перед собой, заглядывая внутрь.

-Молоко хорошее. Странно. Вспомните, может, вы еще что-то даете вашему ребёнку?

-Нет, ничего. Хотели подкармливать козьим молоком, тут у соседей три козочки, но пока моего молока хватает, ребенок наедается.

Между тем ребенок снова расплакался. Коля нажевал черного хлеба с кусочком сахара, сплюнул все в приготовленный марлевый прямоугольник, закрутил узелок и подал маме.

-Что это?- удивленно спросила врач Юлю.

-Это соска. Мы ее даем малышу, когда он плачет.

-Соску такую вашему малышу давать нельзя. От нее у ребенка пучит животик. А вот насчет козьего молока не возражаю. Но только понемногу, и обязательно разбавляйте кипяченой водой.

Иван вернулся с работы поздно, и Юля рассказала ему о причине беспокойства их маленького ребенка.

-Надо сегодня же придумать имя нашему сыну. Уж больно долго не решаемся.

За ужином Иван Никитич предложил дать своему третьему сыну имя Виктор, что означает победитель. Имя это было совершенно уместным, ведь мальчик родился после победы над фашистской Германией.

Юля полностью согласилась с мужем.

Виктор рос плаксивым, по малейшему поводу - укусы комара, царапина, заноза, или еще чего-нибудь, постоянно ревел, и был очень прожорливым, ел много и

всегда просил добавки. Животик у Вити был большой и круглый, будто он проглотил футбольный мяч, который там и застрял.

Иван Никитич, пройдя пешком всю Европу, за свои тридцать лет видел разные моды одежды, вкусы и обычаи разных народов. Для себя из Германии он привез пару хромовых немецких сапог кожаную черную куртку (осеннюю), чуть ниже колен, кожаную кепку, видимо, модную на Западе. Одетая на голову, кепка эта, сбоку, напоминала приоткрытый утиный клюв.

1.

Заведующим по заготовке зерна Иван работал уже больше года. Затем его назначили заведующим оленеводческой фермой колхоза "Ижма". В оленеводческой ферме насчитывалось около пятидесяти тысяч оленей. Новую работу он принял с большой охотой. Оленеводство было для Вани делом незнакомым, но партия его назначила, значит, так тому и быть.

-Иван Никитич, вы боевой разведчик, хорошо знаете азимуты, неплохо ориентируетесь на местности. Вам и карты в руки. Заведующий фермой заболел, он стар и безнадежен. Принимайте оленеводческую ферму. Возглавить ее некому. А кандидатуры лучшей у нас нет. Райком партии вчера вечером утвердил вас на эту должность, - вставая с места, закончил свою речь Истомин.

Собрав основной коллектив оленеводов, председатель колхоза представил им нового заведующего фермой. Он охарактеризовал Ивана, как фронтовика, разведчика, командира, а также хорошего семьянина и отца троих сыновей.

-Раз бюро райкома партии рекомендует, значит, человек достойный. Плохого человека в тундру не пошлют. Мы все ему поможем, чтобы он скорее освоил наше нелегкое дело, - выступил с ответным словом пастух Канев.

Рано утром Иван отправился на пастбище, чтобы поближе познакомиться с оленеводами. В чуме, где они жили, его встретили вкусным супом из оленьего мяса и, естественно, с выпивкой. Оленеводы - народ заправский. Они поделились своими хорошими закусками, состоящими из строганины нельмы, муксуна, сига, оленины. Женщины чума были особенно вежливы и чересчур любопытны.

-В каких местах воевали? Много ли немцев уничтожили? Получали ли ранения, и куда? Какие боевые награды имеете? Встречали ли земляков? Были ли в Берлине? Каков состав семьи и возраст детей?

На эти и остальные вопросы Иван Никитич отвечал, ничего не скрывая. Разговор продолжался до позднего вечера. Выпили немало, но выглядели все почти трезвыми. Домой Ваню оленеводы привезли на оленьих упряжках. Они в дом занесли целую тушу оленя. Юля ждала Ивана с работы, а дети к тому времени уже легли спать.

-Откуда столько всего? Что мне со всем этим делать?- спросила она.

-Вари, жарь, режь строганину, угощай соседей, если хочешь, меняй на что-нибудь. Это наше мясо, нам его подарили. Оленеводы народ простой и нежадный. Вот она - новая работа.

Забой оленей и сдача мяса колхозу контролировал сам заведующий фермой, он же одновременно с этим занимался подготовкой выезда в тундру.

Иван подробно изучил карту, маршрут стада, места стоянок. Во все дела посвящал Ваню его помощник, Канев Василий Иванович, из Сизябска. В армию Василия Ивановича не брали, всю войну имел он бронь, хотя писал прошение об отправке его на фронт. Но военком отказал Каневу в просьбе.

-На войне солдат и без тебя достаточно. Ты здесь, в тылу, нужнее. И замены тебе пока нет, так что паси своих оленей.

В тундру Василий Канев ходил со своей семьей. В Сизябске у него остался двухэтажный дом и хозяйство, за которым теперь следила его мама и родной брат-инвалид с детства, глухонемой, очень обходительный, старательный и хозяйственный мужчина, вечный холостяк.

На первый раз в тундру Иван Никитич пошел один, то есть без семьи. Юля сидела дома, не работала и ухаживала за грудным ребенком.

Для Ивана Никитича первый выезд в тундру оказался удачным. Был хороший приплод и мало потерь оленей, так как их мало тревожили волки и браконьеры, да и гнус, мошкара и оводы. Морозы были слабее, чем в прошлый год. Работники оленеводческой фермы серьезными болезнями не болели, а если что и случалось, справлялись своими силами. Хотя эти показатели персонально от заведующего фермой не зависели, но успехи все равно приписывались руководителю. Правление колхоза осталось довольным оленеводческой деятельностью и по возвращению в Ижму отблагодарило всех за тяжелый труд денежными вознаграждениями.

Сдав основные отчетные данные после приезда из тундры, Иван Никитич договорился о недельном отдыхе дома с семьей.

В доме Ивана всю неделю стоял дым коромыслом. Юля только и успевала встречать одних и провожать других. Юле нравилась одинокая пожилая женщина, ее звали Пелагия. У нее не было ни кола, ни двора. Скиталась она от дома к дому, была честной, порядочной, прямой, с твердым волевым характером.

-Бедная. Мне ее жалко, давай примем ее к нам, хотя бы временно, - сказала Юля мужу.

-Да она у нас и без того чувствует себя хозяйкой. Но если ты настаиваешь, сегодня же вечером поговорим с ней об этом. Может она думает иначе, - успокоил жену Иван.

Пелагия, выслушав Ивана, резко опустила на колени.

-Спасибо вам, добрые люди, я за свою долгую и одинокую жизнь еще не слышала таких теплых слов. Мне от вас ничего не нужно. Всю оставшуюся жизнь я буду помогать вам во всем. Мне всегда хотелось иметь семью.

Женщина встала с колен, подошла к Ивану с Юлей и стала поочередно целовать им руки. Потом она посмотрела на красный угол, где должна была быть икона, видимо, хотела поблагодарить Бога. Но иконы в доме Ивана Никитича не было. Он же коммунист, а им такое в доме иметь запрещалось.

ТУНДРА.

После небольшого отдыха Иван Никитич приступил к работе, отпустив на отдых Канева. Настала пора

собираться в тундру. Как-то неожиданно, находясь в гостях у Вани, его помощник Василий Иванович предложил:

-Уже почти десять лет я выезжаю в тундру с семьей, даже последний сын, Егорка, родился в чуме. Теперь он самый крепкий и смысленый в нашей семье. Давай-ка и ты, Иван Никитич, забирай с собой семью. На воле ребята растут лучше и крепче. Ты говорил, что твой Коля болеет цингой, так мой старший тоже болел, а теперь болезни как не бывало.

-Можно попробовать, только вот Коля ходит в школу, он отстанет от учебы, - беспокоился Иван.

-Тут сложности никакой. Перед тундрой есть деревня Макариха, а в ней имеется начальная школа. Можно будет Колю оставить у нашей старой знакомой Антонины Ивановны для продолжения учебы. Она одна живет, вот и будет ей помощь. А Юлю оформим чумработницей, вакансии у нас есть, - почесывая затылок, говорил Василий.

-Хорошее предложение. Юля, ты как смотришь на предложение Василия Иванович?- спросил Иван жену.

-Почему бы и нет. Где голова, там и хвост. Я поеду с удовольствием,- ответила довольная Юля.

На следующий день Иван Никитич сходил в школу, переговорил с преподавателем и директором школы.

-Ура! Ура! Мы едем в тундру, - кричал радостный Коля после того, как отец сообщил ему новость.

Юля подготовилась к поездке основательно, предварительно посоветовавшись с женой Василия Ивановича о том, что надо брать с собой в чум.

Подошло время отъезда. Надо было решать что-то с жильем и питанием Пелагии. Иван снял квартиру в двухэтажном восьми квартирном доме, в центре села Ижма, чтобы оставить ее там хозяйкой на время их отсутствия, а насчет питания договорился с колхозом. Они с Юлей были полностью уверены в этой женщине.

К дому подошли две олени упряжки, по четыре оленя на каждые сани. На задние сани уложили вещи, а на передние уселась семья Филипповых. Каюр шлепнул хареем, и олени понеслись, бороздя снежные просторы. Обернувшись назад, Коля увидел, как все меньше и меньше становятся силуэты деревенских домов.

Олени уносили их в неизвестную даль, где нет ничего, кроме снега и нескольких чумов, из которых круглые сутки клубится тонкий дымок. Вдали показался густой сосновый лес. И чем быстрее неслись олени, тем больше и выше он становился.

Ехали долго, иногда останавливаясь по дороге. Надо было дать отдохнуть оленям, да и самим перекусить и сходить по нужде.

Ночью прибыли в чум. Впереди стояли несколько треугольников, которых еще издали заметил Коля. Почуввав незнакомцев, залаяли собаки. Услышав собачий лай, обитатели чумов выбежали на улицу встречать заведующего оленеводческой фермой. Семью Филипповых поселили в тот чум, где по приезду в тундру останавливается семья Каневых. Значит, эти две семьи скоро будут жить вместе.

Оленеводы были в курсе того, что старший сын Ивана Никитича болеет цингой, и на следующий же день приступили к лечению Коли. Старший пастух из стада оленей выбрал одного, накинул на него бечевку и притянул к себе. Олень упирался, брыкался, но пастух

прижал его рогами к земле и повалил на бок. Оленевод привычным движением руки достал из ножен нож и со знанием дела мигом перерезал оленю горло. Одна из чумработниц поднесла тазик, который пастух тут же приставил к тому месту, из которого текла кровь. От теплой крови из таза поднимался пар. Олень еще шевелил ногами, тело его иногда подергивалось в предсмертной судороге.

Коля видел всю эту картину и был в ужасе происходящего. Только что это животное еще бегало и сопротивлялось, а теперь...

-Для чего они убили оленя? Зачем? Неужели, чтобы съесть и выпить его кровь?- спрашивал сам себя Коля.

Неожиданно женщина, что была рядом с пастухом, подошла к мальчику и поднесла ему кружку. Это была оленья кровь. Коля в страхе разомкнул пальцы. Кружка упала, и на снегу образовалось кроваво-красное пятно. От увиденного его стошнило, он весь побледнел. Иван отвел сына в чум. У Коли поднялась температура. Его раздели, укрыли, напоили густым горячим чаем. Несколько дней Коля не выходил из чума. Ему было жалко убитого оленя.

-Коля, они пасутся, гуляют, и живут для еды. Ты ведь кушаешь суп из оленьего мяса. Это животное кормит нас. Тем более, что у тебя цинга, вылечить которую можно только кровью оленя, как оклемаешься, будешь пить кровь, - пытался объяснить Иван Никитич сыну.

-Я не буду пить кровь оленя, не буду, она теплая!

-Значит, ты хочешь умереть, так? Мне жаль, что не можешь перебороть сам себя. Ты видишь меня, я тоже болел цингой и пил кровь. Она теплая, густая, немного

сладковатая, но главное, что меня вылечили от цинги всего за две недели. Многие олениводы пьют кровь. Это, как витамины, - говорил Митрофан, старший сын Канева.

Коля чувствовал себя намного лучше, и лежать ему надоело. Он слышал, как резвятся на улице дети и очень хотел быстрее выйти на улицу. Надо было спросить разрешения у папы.

Как только Иван зашел в чум, Коля незамедлительно решил с ним поговорить.

-Папа, я уже здоров, можно мне погулять с ребятами?

-А кровь выпьешь?

Коля замолчал. Тогда Иван Никитич вышел и через какое-то время вернулся с кружкой в руках. Ребенок взял кружку, закрыл глаза и залпом выпил все без остатка.

-Молодец, вот это по-нашему.

Теперь, при каждом забое, Коля пил свежую кровь. Иногда к его десне прикладывали кусочек свежего мяса. Это было самой противной процедурой из всего лечебного процесса. Он иногда, пока никто не видит, выплевывал кусочки и скармливал собакам. Те, виляя хвостами, довольные, окружали Колю, в надежде, что он даст еще. О том, что Коля своим «лекарством» кормил собак, не узнал никто, даже его родной брат.

Митрофан окончил четыре класса школы, а в пятый идти наотрез отказался. Он хорошо знал пастушье дело и сразу научил Колю привязывать пастушьи узлы на бечевках, забрасывать аркан, ездить на оленях и управлять ими. Но все равно Митрофан считал, что из Коли оленивод не выйдет, и что ему нужно учиться.

Ребятишек в чуме начальства было много. Парнишки бегали вокруг него, вокруг саней, играли в снежки, ловили друг друга бечевкой. Еще дети пытались ходить на тяжелых лямпах, еле передвигая ноги. Под вечер, уже сильно уставшие, они быстро засыпали. В одной половине чума спала семья Филипповых, а в другой - Каневых.

Возле саней отцовой упряжки стояли лампы Ивана Никитича. Днище лыж было покрыто камысом. Это камысное покрытие не позволяло скользить лыжам назад и помогало легче подниматься по возвышенности. Коля с большим трудом извлек воткнутые лыжи из снега, одел их, но носок ремня лыж был слишком велик для носка бурки Коли. Делать было нечего. В чуме еще все спали, пастухи ушли, пора и ему в путь за пастухами.

Он надел лыжи, в руки взял какую-то палку и, отталкиваясь, пошел по следу пастухов. Чумы остались уже далеко позади и казались игрушечными. Весь мокрый, усталый, вынул он ноги из петель и уселся на лыжи передохнуть, но быстро замерз и решил вернуться назад, поставить на место лыжи и лечь в свою теплую постель. Как назло, потянула пурга, все кругом заволочло, и чумы исчезли из виду. Коля встал на одну лыжину, поскользнулся и провалился в снег выше пояса. Проявив усилие, Коле все-таки удалось развернуть лыжи в обратную сторону. Он вскарабкался на них, засунул ноги в петли (крепления) ремня и медленно зашагал домой, в чум.

Пока Коля шел, пурга занесла, запарошила лыжню. Усилился ветер и неприятно бил в лицо. Коля закрыл лицо рукавами малицы и шел по целине, не видя ничего перед собой.

-Я заблудился, здесь много волков,- в отчаянии думал он.

И вдруг перед ним появился небольшой шалаш. Он был похож на чум, только меньше размером.

-Вот это находка, наверное, оленеводы соорудили шалаш для себя, чтобы можно было отдыхать во время пурги. Раз началась пурга, значит, пастухи скоро придут сюда, и мы вместе вернемся домой. А пока я один здесь отдохну, - обнадеживал себя Коля.

Шалаш был выстроен из ветвей сосны. Вход в него находился почти у самой земли и был закрыт ветками. Коля снял лыжи и поставил их в снег. Расширив проход и убрав несколько веток, паренек решил протиснуться вовнутрь, но, как только он сделал шаг, на нем громко захлопнулся поставленный кем-то большой капкан. Коля страшно испугался и отшатнулся назад, к выходу, но подол малицы и часть рукава находились в крепко зажатых тисках капкана. Из малицы выйти ему тоже никак не получалось. В страхе и растерянности, весь в слезах, Коля продолжал лежать в полусогнутом состоянии.

-Ау! Ау! Помогите! - кричал он.

Его голос охрип, и сил кричать больше не было. Капкан так сильно захватил малицу, что ни через подол, ни через горло выйти Коле не удавалось. Постепенно иссякли Колины силы, и мальчик начал замерзать и засыпать. Но этого допустить он не мог.

-А как же родители, братья?- в эти минуты он думал только о них.

Вспоминалось лето, как они вместе с братиком Геней гуляли во дворе своего дома в Вертепе, и совсем-совсем не хотелось умирать.

Послышался знакомый ему лай собаки, но Коля решил, что это все сон.

-Гав, гав, гав!- продолжался лай нахального Пирата.

Эту кличку дали ему оленеводу за шустрость и наглость.

-Он здесь, похоже, что попал в капкан, и, кажется живой! - послышался голос Василия Ивановича.

-Надо же так, ведь сообразил, что лампы нужно ставить стоя. Я по ним и нашел мальчика, а так бы прошел мимо, - громко кричал Василий Иванович.

Иван Никитич шагал впереди и нес на руках своего старшего сына.

В чуме Колю раздели, натерли каким-то жиром, крепко закутали в одеяло и напоили горячим крепким чаем с травами. После своего похода он проспал целые сутки. У него ничего нигде не болело, только было стыдно за самовольный поступок, который мог бы закончиться для него очень печально.

-Ну, что, беглец? Моли Бога, что капкан, поставленный для песка, не перекусил тебе руки и ноги. Скажи спасибо Василию Ивановичу, если бы не он, не сидели бы мы сейчас с тобой, не разговаривали. Если еще раз выкинешь такое, я тебя выпорю и крепко накажу, - пригрозил Иван сыну.

-Я больше не буду, обещаю.

После этого случая Коля немного приутих, ушел в себя.

Коле надо было продолжать учебу, и через некоторое время отец решил отвезти его в Макариху, где находилась начальная школа.

Юля собрала сыну одежду, Коля сложил учебники. Иван привез мальчика в дом старушки Антонины Ивановны. Хозяйка дома приветливо встретила гостей и, не раздеваясь, отец с сыном сразу же отправились в школу.

В класс зашли, когда уже начался урок. Иван Никитич с учительницей, Ниной Васильевной вышли в коридор, а Коля остался в классе. Не выходя из-за парт, ребята внимательно его рассматривали.

Через некоторое время в класс вернулась учительница.

-Как тебя зовут? - спросила она.

-Филиппов Николай Иванович, я живу в Ижме, буду временно здесь учиться, жить буду у Антонины Ивановны, а на обратном пути в Ижму родители меня отсюда заберут, - Коля дал исчерпывающий ответ на поставленный вопрос.

-Хорошо. Меня зовут Нина Васильевна. Я ваша учительница. Ты будешь учиться в этом классе. Завтра приходи к девяти часам и возьми с собой учебники. А сегодня отдыхай, с ребятами познакомишься позже.

Отец с сыном вернулись в дом Антонины Ивановны. Они попили чай, папа дал Коле основные указания, как себя вести в школе и дома. Обняв сына и попрощавшись с хозяйкой, он ушел.

Утром следующего дня Антонина Ивановна подошла к спящему Коле и начала его будить.

-Сынок, поднимайся, помоешься в теплой воде, покушаешь, и бегом в школу. Нина Васильевна у нас строгая, не любит, когда опаздывают. Поторопись.

Дома пахло вареной картошкой. Коля поднялся, умылся, поел и отправился в школу. Ученики уже все были в сборе и ожидали учительницу. Нина Васильевна возле печки грела руки.

В классе, куда пришел Коля, было семь учеников, он восьмой, все мальчишки. Когда ребята уселись на свои места, осталось только две свободные парты.

-Коля, ты можешь сесть за одну парту с Леной или же за свободную парту, выбирай, - предложила учительница.

Недолго думая, Коля подошел к Лене и сел рядом. Мальчишки сразу поняли, что парень, в смысле Коля, не зазнайка.

Так он быстро познакомился со всеми мальчиками и у каждого побывал в гостях.

-Антонина Ивановна, я уже перебивал в гостях у всех своих одноклассников, а у меня еще никто из них не был. Можно я приглашу к нам гостей, если, конечно, вы не возражаете?

-Не возражаю. Приводи. Я все приготовлю, - очень быстро согласилась она.

На следующий день во время первого урока Коля начал активно трясти рукой, моля глазами учительницу обратить на него внимание.

-Что случилось, Коля? - спросила Нина Васильевна.

-Ничего, просто сегодня я приглашаю весь наш класс вместе с вами к нам домой, поесть, - застенчиво произнес Коля.

-Что за повод?

-Повод есть. Мой приезд в Макариху. Вы согласны?

-Конечно, согласны. Ты, сбегай, предупреди Антонину Ивановну, что мы придем к вам в три часа дня.

Коля сбежал, предупредил хозяйку и вернулся в класс, а после уроков помчался Антонине Ивановне приготовить обед.

Он начистил картошки, приготовил мясо для строганины, натаскал воды. Коля так был занят приготовлениями, что не заметил, как все подошли.

Стол был полон еды, с большой тарелкой строганины в центре. Гости ели, пили, разговаривали, и время пролетело незаметно.

Поблагодарив за угощения и теплый прием Антонину Ивановну и Колю, ребята вместе с учительницей ушли.

-Повезло нашим ребятам. В прошлом году Нина Васильевна приехала к нам по направлению Сыктывкарского пединститута. Красивая девушка, грамотная, трудолюбивая. Ты заметил, Николай, как она одевается модно? Только вот жаль, подходящих женихов здесь для нее нет. Всех хороших парней проклятая война забрала.

Антонина Ивановна вместе с мужем, Сергеем, были родом из села Усть-Кулом, сидели за одной партой. Учились оба в ленинградском пединституте и поженились в Ленинграде. После защиты дипломов они вернулись в Коми, в село Ижма. Но в Ижме работы не было, и их перенаправили в Макариху. Мужа Антонины Ивановны еще до войны забрали в армию, но вскоре, после начала Великой Отечественной войны, Сергей погиб, и Антонина Ивановна из школы перешла работать

в колхоз. Получив производственную травму, женщина с работы ушла и занималась только домашним хозяйством.

На краю деревни протекала речка Макариха. Местные ребята говорили, что в речке много рыбы, и летом они рыбачат удочками и мордами, а зимой короткими продольниками.

-Ребята, давайте на самом узком месте перегордим речку, она не глубокая. Забьем колья, между парными кольями заложим ивняк, чтобы рыба не проходила, а в центре оставим проем. В этот проем мы установим хорошую морду, запустим ее на дно речки, а сверху заткнем ветками или, лучше всего, сеткой. Когда рыба пойдет в морду, мы ее поднимем на лед, выберем рыбу и снова её опустим. Так у нас всегда будет свежая рыба, - предложил Коля.

-Вот здорово! Откуда ты знаешь, что так можно ловить? И сможем ли мы прорубить лед, заготовить колья, ветки - мы ведь никогда этого не делали? - внес сумятицу между ребятами Ленья.

-Мне помощник папы когда-то в чуме рассказывал. Мы же не бабы. Лед не толстый, колья навалом. Нам понадобятся острые топоры, пила, сачок или лопата. Завтра после уроков займёмся заготовкой материала. Это будет, как детская игра, родителям об этом говорить не будем.

-Вон, самое узкое и мелкое место, а ниже его небольшой пережат, - Игорь, старший из ребят, указал на выступающий от берега мыс.

Ребята расчистили лед, заготовили колья, вырубili ивняк, ветки берез. Они выполнили все подготовительные работы. На следующий день на речку мальчики принесли пшени, колоть лед, работали

топорами и прорубили лед до половины речки. На второй день дошли до другого берега. За два дня перекрыли речку и установили хорошую морду. Ребята радовались проделанной работе, но до конца уверены не были, что рыба будет в нее заходить. Над мордой оставили отверстие, чистую воду, чтобы видеть, как туда заплывает рыба.

С момента, как опустили морду, прошло около трех часов. Уже темнело, и ребята собирались расходиться по домам.

-Ура! Ура! Целый косяк рыбы вошли в морду. Я видел, они попались, не вру! - кричал, карауливший, лежавший на льду Игорь.

Все вместе вытащили морду, и там, действительно, бились несколько сегов, подъязков и окуней. Улов получился приличный.

Мальчики разделили рыбу между собой поровну.

-Может, поделимся с Ниной Васильевной? Она старается, учит нас, помогает нам, давайте? - предложил Коля.

-Ты прав, как это мы забыли про нашу учительницу! - поддержал Колю Игорь.

Мальчики отобрали несколько крупных сегов для учительницы.

-А кто ее понесет Нине Васильевне?- спросил Леня, я точно не понесу.

-Коля предложил, вот пусть он и несет!- ухмыльнулся Игорь.

Скрипнула вторая дверь комнаты, и донесся голос Нины Васильевны:

-Кто там?

-Это я, Филиппов. Мы с мальчиками хотим угостить вас рыбой, сами наловили.

Открылась дверь, и Коля увидел учительницу, в черной юбке и вязаном свитере с высоким горлом.

Увидев Колю с корзиной в руках, Нина Васильевна растерялась.

-Берите, берите, это подарок от нас, первый зимний улов!- настаивал Коля.

-Спасибо, но мне как-то неудобно, - засмушалась она.

Коля вручил рыбу Нине Васильевне, а сам вернулся к Антонине Ивановне. Он гордо вошел в дом, держа в руке связку с рыбой

В тот вечер в деревне ужинали свежей рыбой. Они вспоминали добрым словом находчивого мальчика. Никто раньше и догадаться не мог об этом промысле, а какой-то приезжий мальчишка смог организовать открытую зимнюю ловлю рыбы. На следующий день об этом простом творении ребят узнали все жильцы деревни. Многие спустились к реке, а домой возвращались уже со свежей рыбой.

Нина Васильевна, очень нравилась Коле, вернее он не по возрасту влюбился в нее. Какая же она была красивая, статная, модная, умная, но ему не по зубам. Приходилось любоваться ею только издали. Он старался лучше учить уроки, помогать ей во всем и даже пересел от Лёни за первую парту, чтоб быть к ней поближе.

Зима, наконец, заканчивалась. Солнце поднималось все выше и обогревало все сильнее. В воздухе появилась

свежесть и влажность. Зачирикали вездесущие воробьи. Неумолимо приближалась весна.

В школе проходил уже третий урок. Дверь класса приоткрыл сторож и рукой пригласил учительницу выйти из класса. Прошло некоторое время, Нина Васильевна вернулась в класс и сообщила:

-Ребята, на сегодня наши занятия окончены. За Колей Филипповым приехал его папа.

Коля немного оторопел от услышанной новости. За зиму, проведенную в Макарихе, он успел привыкнуть к ребятам и ему совсем не хотел уезжать. Окинув взглядом окружающих, Коля направился к двери, Иван Никитич ждал сына в коридоре, они обнялись. К ним подошла Нина Васильевна и пожала руку отцу Коли.

-Спасибо, Иван Никитич, за вашего сына. Хороший растет у вас помощник. Мы все его полюбили, и очень им довольны. Характеристику и необходимые бумаги я подготовила. Мальчик ваш смысленный, имеет желание к учебе, хороший хозяйственник может из него получиться. Спасибо вам.

Учительница положила руку на плечо Коли, и прикосновение это показалось ему каким-то тяжелым, горячим, оно будто обжигало, но в то же время казалось приятным.

Весь класс вместе с учительницей пришел к дому Антонины Ивановны проводить Колю. Проводы были недолгими. Вначале Коля попрощался с Антониной Ивановной, а уже после того, как попрощался с одноклассниками, он подошел к Нине Васильевне.

-Спасибо вам, Нина Васильевна за переданные мне знания, за ваше доброе отношение ко мне. Я вас очень люблю. До свиданья.

Коля резко повернулся и присел в сани.

В чуме были очень рады Колиному возвращению.

Вскоре продолжилось лечение Коли от цинги оленьей кровью, хотя в последнее время мальчик чувствовал себя абсолютно здоровым.

Наконец, бригады оленеводческой фермы колхоза возвратилась в Ижму на постоянное место дислокации для сдачи мяса, пополнения продовольствием, встречи со своими семьями, сдачи отчетов перед правлением колхоза и короткого отдыха.

Юля еще до возвращения домой начала упаковывать вещи. Из-за непривычных бытовых условий проживания в чуме, за детьми был установлен более жесткий контроль. По этой и ряду других причин на этот раз мальчиков решили оставить в Сизябском интернате, а сам Иван Никитич с Юлей и младшим сыном Виктором, решили еще раз выехать в тундру.

ИНТЕРНАТ.

-Что-то нам не везет. Родители наши меня брали с собой в тундру, а теперь сдают в какой-то интернат, бросают, точно волейбольный мяч. Может, мы с тобой родителям не нужны? Как ты думаешь, Ген?

-Я так не думаю. Скорее всего, у них нет другого выхода. Вот и решили нас оставить в интернате.

Дома постоянно ревущего Виктора слышно не было. Пелагия гремела ухватом возле печки. Оленья упряжка ждала во дворе, а рядом копошились Иван Никитич с Юлей. Когда они зашли домой, мальчики уже сидели за столом. Родители разделись, помыли руки и присоединились к ним. Как всегда, мама сушила концом

платочка свои мокрые глаза, покачивая головой, а Пелагия сидела у самовара.

-Коля, ты старший, не давай в обиду младшего брата, в интернате слушайтесь воспитателей, хорошо учитесь. Нужные вещи мы с матерью уже уложили, вам остается собрать лишь школьные принадлежности, - давал последние инструкции своим детям отец.

Витя играл в своем углу, улавливая оттопыренными ушами прощальный разговор братьев с родителями. Видимо, он не хотел им мешать, вот и катал свои костяшки с боку на бок.

-Пора нам в дорогу, одевайтесь. Мама с нами не поедет, она останется дома. С завтрашнего дня наши оленеводческие бригады тоже выезжают в тундру, так что мы держали вас с нами как можно дольше, - сказал отец.

Мама рыдала так, будто прощалась со своими детьми навсегда. Ребята держались друг за друга, молчали, не в пример маме, старались не плакать.

Олени пересекли реку Ижму и быстро оказались в Сизябске. Остановились возле длинного одноэтажного дома, расположенного вдоль берега реки. Отец зашел в здание и долго не выходил. Дверь, наконец, открылась, и первым показался Иван Никитич, а рядом с ним пожилая, небольшого роста женщина, с узеньким худеньким лицом. На голове ее было красиво завязан серый пуховой платок. Черные валенки женщины были большими, явно не по размеру, с подшитой подошвой. Она подошла к ребятам и взяла обоих за руки.

-Я ваша воспитательница, меня зовут Анна Павловна, - представилась она, подойдя к мальчикам и, взяв обоих за руки, повела в дом.

В интернате Анна Павловна усадила детей за стол. Иван Никитич присоединился к ним, как только занес с саней вещи. Еще раз он повторил сыновьям то, о чем предупреждал дома и сказал, что ему будет крайне неприятно, если они будут себя плохо вести в школе и в интернате. После этих слов он надел малицу, обнял своих мальчиков, попрощался с воспитательницей и ушел. Ребята смотрели в окно, как он уезжал. Потом Анна Павловна предложила братьям чай, расспрашивая при этом об их интересах, родителях, друзьях. После чая она показала мальчикам кровати, на которых они теперь будут спать. Кровати стояли рядом. Колина кровать находилась рядом с дверью, и если дверь открывалась, раздавался громкий, неприятный, скрипучий звук.

Воспитанников в интернате было двадцать три человека, все мальчики. Специальный интернат для девочек находился где-то на окраине Сизябска. С ребятами интерната Коля и Гена быстро подружились. Основной причиной дружбы явилось наличие у них большого количества вкусной еды: мяса, печенья, конфет. В интернате питание давали мало.

Чтобы попасть в школу, а средняя школа в Сизябске находилась на высокой горе, нужно было подняться на самый верх, и ребятам это стоило огромных усилий.

У Коли быстро разносились валенки. Выйдя из интерната и пройдя по улице несколько метров, ему приходилось останавливаться и вычищать набившийся в валенки через дырки в подошве снег. Коля садился у обочины дороги и вытряхивал мокрые комочки из валенок. После долгих мучений он просто укоротил их, сделав раза в два короче. Потом Коля задумал подшить валенки и направился в ближайший к интернату дом просить у соседки толстую иглу. Иглы нужного размера не оказалось, но хозяйка, добрая и приветливая

женщина, дала ему шило, суровую нитку, пек и показала, как правильно подшивать валенки. Сделав домашнее задание, Коля занялся подшивкой валенок. Весь вечер, почти до отбоя, он трудился, но смог подшить пятку только одного валенка. Короче говоря, Коле понадобилось пять вечеров, чтобы основательно подшить свои валенки. По окончании работы, он с благодарностью вернул весь инструмент соседке.

После занятий в школе зимние вечера в интернате тянулись очень медленно. Воспитательница, Анна Павловна, после проверки очередного домашнего задания, всегда заставляла переписывать тех ребят, чьи работы не отличались аккуратностью или грамотностью.

Из библиотеки Анна Павловна взяла книгу коми-писателя Василия Юхнина «Алая лента» и в свободное время, вечером после ужина, она обычно собирала ребят в спальне при керосиновой лампе и начинала читать этот роман, написанный на коми языке. Она рассказывала о жизни писателя и его становлении в литературе. После прочтения нескольких листов романа она начинала спрашивать ребят, кто что запомнил, и учила пересказывать текст.

В библиотеке ребята собирали материал о Стефане Пермском (14 век), епископе, распространителе христианства среди народов коми (зырян) и создателе местной коми письменности. У одной старушки, жившей на «большой» горе, нашли икону Стефана Пермского, на обратной стороне которой были вырезаны буквы на коми языке. Следовательно, зыряне приняли христианство в четырнадцатом веке.

Таким образом, Анна Павловна учила своих воспитанников работе с книгами в библиотеках. Ребята пытались подключить к чтению и работе с книгами

толстяка Андрея, но он заниматься этим не захотел. Он почти всегда что-то жевал, поэтому был толстый, и еле поднимался по лестнице, которая от тяжести груза скрипела. Чаще он находился со своей мамой, поваром, на кухне.

Однообразная жизнь в интернате, ограничение свободы, постоянная нехватка еды, в основном из-за поварихи и ее сыночка, сильно угнетали Колю.

Как-то раз после школы, еще до обеда, больной, с температурой, Коля без разрешения прилег на свою постель. Он уже задремал, как вдруг почувствовал на себе удар полотенцем. Это был Андрей. Коля вскочил, едва не сбив обидчика с ног.

-Ах ты, гад! Ты крадешь наши пайки, разъелся, а теперь уже и руки распускаешь, жандарм! - выкрикнул в гневе Коля.

Он схватил Андрея и, повалив на пол, потом уселся на него верхом и начал мутузить. Тут окликнула Колю Анна Павловна. Каким образом она узнала, что он был в это время в спальне, не известно, скорее всего, жандарм уже успел пожаловаться.

-Коля, ты будешь наказан за драку и оскорбление Андрея! Иди, становись в угол!

Коля покорно пошел в темный угол за дверью между кроватями. Андрей поднялся и, приостановившись возле дверей, показал ему свой кулак.

Ребята обедали. Колина тарелка с супом, каша, один кусочек хлеба и стакан чая оставались вплоть до самого ужина на столе.

После получасового пребывания в углу, Анна Павловна подошла к Коле.

-Коля, иди, пообедай. Твоя порция уже остыла, но ее можно разогреть.

-Я есть не хочу. Меня знобит, кажется. Я заболел. Если бы я хорошо себя чувствовал, то не лег бы на кровать посреди дня.

Воспитательница подошла к Коле и потрогала его лоб. Он был горячим.

-Да, у тебя жар! - воскликнула она и попросила повара, Веру Михайловну, принести градусник. Гена взял из рук поварахихи градусник и передал воспитательнице.

-Тридцать девять, Коля, срочно ложись в постель. Завтра в школу ты не пойдешь. Вера Михайловна, вызовите, пожалуйста, врача.

Анна Павловна сама расправила кровать, помогла Коле лечь, потом присела рядом.

Вскоре подошла фельдшер. Осмотрев Колю, она поставила ему диагноз «воспаление легких».

-Пусть принимает пока те лекарства, что я прописала. Как только освободится место, я заберу его в больницу, - сказала фельдшер.

Коля уснул и проснулся ближе к вечеру. Ребята предложили ему поесть, но от пищи он отказался.

-Кушать не хочу. Принеси мне лучше попить.

Гена принес горячий чай и, выпив его, Коля вернул пустой стакан брату.

Мальчишки решили оборудовать отдельное место для больного. К обеим стенкам возле окна они забили по гвоздю и занавесили простынями. Пока ребята перетаскивали кровать, Коля все-таки решил сходить в столовую.

Старушка из Сизябского дома «престарелых», знакомая Анны Павловны, узнав от нее о болезни Коли, передала икону, специальный отвар и мазь, научив воспитательницу всем этим пользоваться. Уже на другой день мальчику стало легче. И, когда за Колей приехали из больницы, чтобы забрать, мальчик наотрез отказался.

Через неделю Коля вернулся в школу. Он выполнял те же задания, что и все, потому что за время болезни ни капельки не отстал от школьной программы.

За хорошее поведение и учебу классный руководитель Коли, Нелли Анатольевна Логинова, предложила ему вступить в пионеры. Анна Павловна не возражала. Но была одна проблема, у Коли не было пионерского галстука, и денег купить галстук тоже не было. Анна Павловна, учитывая обстоятельства Коли, купила ему галстук на свои деньги и научила правильно его завязывать.

22 апреля, в день рождения Владимира Ильича Ленина, вождя народов СССР, в пионеры принимали несколько учеников. На шею Коли галстук повязала девочка, старшеклассница. Перед строем, принятых ребят в пионеры, старшая пионервожатая произнесла клятву, которую ребята за ней дружно повторили. Прозвучали последние слова клятвы:

-Будьте готовы!

-Всегда готовы! - хором ответили принятые в пионеры школьники.

Строй распустили. Пионеры разошлись, поглаживая свои красные галстуки.

После занятий, перед обедом в интернате по этому случаю организовали небольшое торжество. Повар

испекла рыбник, чего раньше в интернате не наблюдалось.

-Коля, можно подержать твой галстук, говорят, он шелковый, и пальцы скользят по нему? - спросил Петя, тоже из Ижмы.

-Бери, и дай другим подержать, трогать галстук только чистыми руками,- важно сказал Коля.

Мальчишки быстро начали вытирать руки, кто о что. Каждый подходил и пальчиком трогал красный скользкий шелк. В этот вечер Коля был на высоте. И только Андрей не подходил к Коле, наблюдая за происходящим со стороны. Видимо, ему было стыдно за свой глупый, необдуманный поступок. Если он толстый и большой, еще не значит, что смелый и сильный. На самом же деле он оказался трусом и слабаком.

-Андрей, что смотришь, ты ведь тоже хочешь подержать галстук? Давай, забудем обо всем, - как-то подружески предложил Коля.

Некоторое время Андрей раздумывал, как ему поступить.

В центре столовой Андрей и Коля ударили по рукам и больше никогда не ссорились. Теперь он ябедничал не старшим, а шептал в Колины уши, хотя сам Коля этого не любил, так как был совершенно подружному воспитан.

Весна брала свое. На улице грело яркое солнце, появились проталинки, лужи. В валенках ходить в школу уже было невозможно. Анна Павловна поехала в Ижму и нашла квартиру Ивана Никитича. Пелагия отправила с воспитательницей для Коли с Геной калоши, ботинки, вязаные теплые носки, рубашки, штаны, положила гостинцы. Вот радости было! Правда, мальчишки ждали,

что Пелагия привезет все это в интернат сама, но она так ни разу их не навестила, объясняя это тем, что в Сизябске боится потеряться.

На реке Ижме тронулся лед, Всем хотелось посмотреть, как плывут льдины и появляются заводи возле берегов реки. Анна Павловна выводила ребят на берег и рассказывала о коварстве заводи. Она обещала показать и ледоход. Лед шел, а воспитательница их все не выводила. Ребята попросили Колю, чтобы он поговорил с Анной Павловной о выполнении обещания по поводу смотра ледохода.

После обеда ребята все в ожидании смотрели на Колю, что он скажет.

-Анна Павловна, вот, наверное, весь лед уйдет в море, а мы так и не увидим, как проходит ледоход. Давайте вместе посмотрим, вместо прогулки, хорошо? - спросил Коля.

-Я думала об этом, но ждала, когда ветер утихнет, при ледоходе усиливается ветер. Хорошо, одевайтесь, пойдемте, посмотрим.

ДОМ ПРЕСТАРЕЛЫХ.

Река Ижма очистилась от льда. Появились серенькие, длиннохвостые вестники весны - трясогузки. Зажужжали насекомые, из земли выползали жучки, зашевелились трудяги – муравьи. Солнце делало свое благородное дело - пробуждало все живое.

Ребята закончили учёбу в школе. Они перешли в следующий класс. Коля с Геной ждали писем от родителей, но их все не было.

Анна Павловна постоянно придумывала разные мероприятия, игры. Братьям Филипповым она поручила шефство над пожилыми людьми, живущими на высокой горе Сизябска, в доме - интернате. Анна Павловна договорилась с руководством интерната и отвела туда Колю с Геней для того, чтобы они смогли осмотреться и познакомиться. Для ребят было в новинку ухаживать за стариками, кормить их, поить, убирать за ними, выполнять распоряжения администрации. В большом зале директор дома пенсионеров собрала своих ходячих пациентов, чтобы представить им ребят.

-Хочу вас познакомить, мои дорогие, с братьями Филипповыми. Старший - Николай, а младший-Геннадий. С ними вам будет веселей, они будут помогать, будут выполнять ваши пожелания и просьбы. Их родители, оленеводы, сейчас находятся в тундре. Я надеюсь, что вы примете их в свой коллектив. У кого-то, может, есть вопросы?

-Какие уж там вопросы. Видно, что братья хорошие, дружные. Хотелось бы только знать, откуда они родом?-спросила длинноволосая седая женщина с трясущейся головой и немного отвисшей нижней губой.

-Мы родились в Вертепе. Наш папа, «Золотой Вань», а у нашей мамы папу звали Семяшкин Андрей. Папа воевал с финнами и немцами. После его демобилизации мы переехали жить в Ижму. Сейчас он работает заведующим оленеводческой фермой колхоза «Ижма», а мама - рабочей чума. Пока, до приезда родителей, мы живем в интернате, - ответил Коля.

-Родителей этих ребят я знаю. Также знала и дедушек и бабушек. Я сама из Вертепа, там родилась, выросла, вышла замуж, вырастила двоих сыновей, но проклятая война забрала и детей и мужа, теперь, вот,

одна доживаю свою жизнь в доме престарелых,- сказала маленькая худенькая старушка с коротко стриженными волосами и тоненькими жилистыми руками.

-А я ведь папу вашего хорошо помню, он призывался в армию вместе с моим младшим сыном. Не ты ли тогда провожал отца, еще хотел подарить ему свое деревянное ружье, - продолжала та же худенькая бабулька.

-Наверное, Только вас я не помню, - сказал Коля.

-Теперь, ребята, отдохните, попейте чай, познакомьтесь с нянечками, воспитателями и жильцами нашего интерната, - сказала директор.

Ребята подошли к Анне Павловне, и она отвела их в столовую.

-Завтра вы уже самостоятельно, без меня, после завтрака придете сюда для оказания помощи старым и больным людям. Некоторые из них даже не поднимаются с постели. Дорогу в интернат вы знаете, так что не опаздывайте на ужин. А вечером расскажете остальным мальчикам, как провели первый день в доме престарелых, - сказала воспитательница и, попив чай, оставила ребят в столовой.

Тут к братьям подошла средних лет женщина, встала рядом и, немного постояв, заговорила с ними:

-Я, Зинаида Васильевна Кустова, воспитательница интерната. А вы, как я понимаю, братья Филипповы, Коля и Гена. Будем знакомы. С сегодняшнего дня вы будете моими помощниками. Ваша основная задача - находиться среди стариков и разговаривать с ними, чтоб им было веселей. У них нет ни родных, ни детей. Поэтому они очень нуждаются в общении, это понятно?

-Понятно, только мы-то тут при чем? - спросил Гена.

-Так я же объяснила, им очень скучно, вы как свежий воздух для них. У них были свои дети, внуки, а теперь нет никого, старики остались совершенно одни. И вы можете украсить их жизнь. Будете разговаривать с ними на разные темы, они любят поговорить, а вы узнаете много нового и интересного для себя.

Зинаида Васильевна водила ребят по комнатам и представляла их обитателям дома престарелых. После знакомства она разрешила мальчикам погулять и навестить тех, кто им больше всего понравился. Коля с Геней сразу решили пойти к худенькой бабушке из Вертепа. Говорили они долго, потом пригласили старушку на обед. Она поела сама и хотела покормить ребят, но ребята отказались и вышли на улицу.

У них текли слюни от запаха каши, которые доносились из столовой. Покормив всех и убрав со столов, повар вышла на крыльцо и пригласила ребят.

-Ребятки, ваша очередь обедать. Теперь вы у нас на довольствии, только на обед, пойдемте, не стесняйтесь.

Вкусно наевшись досыта, Коля с Геней отправились к лежачему бородатому старику, который тяжело дышал. На тумбочке возле его кровати стоял нетронутый обед. Старик внимательно изучал взглядом пришедших незнакомцев, долго смотрел на Колин красный галстук. Вдруг зашевелилась его борода и усы, послышался тихий дрожащий басистый звук.

-Ребята, это чьи же вы будете? Из какой деревни?

-Мы дети Филиппова Ивана Никитича из Вертепа, временно живем в интернате, папа с мамой в тундре, - коротко ответил Коля.

-Хорошо, присядьте на кровать. Я парализован, вот беда, встать не могу. Слава Богу, что речь не отнялась, жаловался дедушка.

-Давайте, мы вас покормим,- вызвался Гена.

-Нет, меня кормят, но сегодня нет аппетита.

Братья еще немного посидели у деда, пока тот не уснул. Тогда они тихонько поднялись и ушли в другую комнату, где две бабушки вязали чулки. Бабушки поздоровались, но с ребятами разговаривать не стали, так как были заняты своим делом.

День стоял светлый, солнечный. Ходячие жители спокойно прогуливались вокруг дома, разговаривая между собой, некоторые из них сидели на скамейках на краю спуска в ельник. Внизу, на большой площади, росли высокие ели, там было сыро, много кочек и сухой травы на кочках, а также поваленных на землю и обросших мхом деревьев, сучья которых не давали прохода к тому месту, где гнездились вороны. Снизу, от высоких елок, постоянно было слышно их карканье. Они стаями прилетали к интернату, а один нахальный ворон спокойно залетал в комнаты, мог свободно разгуливать по крыльцу, уступая дорогу проходящим мимо него людям. Свободно, без стеснения, прямо с руки он мог взять кусочек хлеба. Старушки говорили, что он любит воровать из комнат блестящие предметы. Его кличка была Нахал. Когда его звали по имени, он понимал и подходил к человеку. Остальные вороны боялись и только крутили головами, в то время как Нахал клевал кусочек хлеба или кашу прямо из тарелки.

Вернувшись к вечеру в интернат, ребята рассказали ребятам последние новости из дома интерната. А утром, когда приходили к одиноким пожилым людям, делились новостями о своей жизни в интернате.

Через неделю после того, как Коля с Геной познакомились с бородатым парализованным стариком, его не стало. На похороны старика мальчики не ходили. Им так и не удалось толком ничего о нем узнать, потому что он практически все время спал.

Лето пролетело так быстро, что братья Филипповы и не заметили, так как они были постоянно заняты, занимались полезным делом, в них нуждались пожилые люди и ждали встречи с ребятами. Было важно, что Коля и Гена были всегда сыты, даже иногда из излишков с разрешения повара они приносили еду в свой интернат.

За лето от родителей они получили целых два письма. Их содержание они вслух читали и в интернате, и в доме престарелых. Также Коля читал старикам вслух книгу «Алую ленту» и они очень внимательно его слушали.

Наступило время готовиться к началу учебного года. Анне Павловне правление колхоза для детей Ивана Никитича выделило деньги под расписку, на которые она купила мальчикам школьные принадлежности, осеннюю обувь, одежду. Ребята скучали по родителям и считали дни, когда наступит зима и родители их заберут домой.

Наступила долгожданная зима и всем интернатом стали готовиться к встрече Нового года. Мальчики смастерили самодельные игрушки, в основном, из старых обоев и школьных тетрадей с задачами и диктантами, принесли из леса однобокую елку.

-Давайте ее установим возле стены между окнами, там место свободное, а кружиться совсем не обязательно,- предложил Гена.

-Это не интересно, нужна другая елка,- возразил Андрей.

-А где мы другую елку возьмем, хорошо, что хоть такая есть?- удивленно спросил Коля.

- Попрошу у соседей ножовку. Топор у нас есть, хоть и тупой, но все же топор. Завтра этим займусь я,- объяснил Андрей.

-Что это с ним, кажется, он подобрел? Наверное, Андрей хочет наладить отношения между нами, хотя вы уже давно помирились? - спросил брата Гена.

Вечером следующего дня Андрей действительно принес елку высотой меньше одного метра. Это была верхушка большой ели, так как иголки ветвей были ломкими, старыми, покрытыми мхом.

-Вот, сам вырубил, сначала пилил пилой, а потом топором. Свалил огромную елку, срубил ее верхнюю часть и вот, принимайте! - с гордостью сказал он.

Андрей был весь в снегу, мокрый, лицо его было красным. Он бросил топор возле дверей, а елочку осторожно положил рядом с топором.

-Почему такая маленькая? - спросил Гена, ближе подойдя к елке.

-А зачем большая? Елку эту мы поставим на табуретку посреди столовой, украсим и будем веселиться, - со знанием дела ответил Андрей.

Возражать инициативе «жандарма» никто не стал, он ведь сам ее проявил, значит, желает мира и дружеских отношений с ребятами из интерната.

Так все и получилось. За два дня до праздника украсили обе елки. Анна Павловна разрешила веселиться до часа ночи. Ребята получили подарки от жильцов подшефного дома престарелых, где были конфеты,

печенье. Повар испекла большой пирог с клюквенной начинкой. Веселились все вместе.

ПОБЕГ.

-До приезда наших родителей осталось чуть больше двух месяцев. Тяжело без них, но мы ведь с тобой сильные, выдержим, - шепотом сказал Коля брату.

Гена страдал в душе не менее Коли, но открыто на эту тему не говорил.

В начале марта Андрей шепнул Коле на ушко, о том, что слышал, будто из тундры вернулись оленеводы. Коля целый день не находил себе места, постоянно прислушиваясь к разговорам взрослых, но так и не услышал на эту тему ни малейшего намека. Перед отбоем, не выдержав, он сообщил эту новость Гене. Прошло несколько дней, прежде чем Коля решился спросить об оленеводах у Анны Павловны.

-Анна Павловна, прошел слух, что в Ижму вернулись оленеводы, это правда?

-Мне об этом никто ничего не говорил. Такое событие, как возвращение оленеводов сельчане всегда встречают торжественно. Если у меня появится какая-нибудь информация, я тут же вам с братиком сразу сообщу. Ждать осталось недолго.

Ну, Андрей,- со злостью подумал про себя Коля, если соврал, получишь от меня.

Вечером под лестницей Коля прижал Андрея к стенке.

-Ты от кого слышал, что вернулись оленеводы? Признайся, ты нарочно соврал, чтобы нас подразнить?

-Клянусь, своими ушами слышал, как бабки в магазине разговаривали между собой, - дрожащим голосом ответил Андрей.

-Смотри, если соврал, пеняй на себя, спуску тебе не дам,- пригрозил Коля.

На следующее утро Коля отпрашился у Анны Павловны сразу же после уроков посетить жильцов дома престарелых. Воспитатель засомневалась в такой необходимости, но он мотивировал это тем, что в последнее время старушка из Вертепа себя очень плохо чувствовала.

-Если так, то старушку надо навестить. Только не задерживайся, а то тебе еще уроки делать, - согласилась Анна Павловна.

Но у Коли были совсем другие планы. Надо было окончательно убедиться в правдивости слов Андрея, хотя землячку ему тоже хотелось повидать.

Прибыв в дом-интернат, Коля зашел на кухню, его покормили. Разом он поинтересовался приездом оленеводов. Уборщица сообщила, что оленеводы уже где-то недалеко и со дня на день должны приехать. Тогда у Коли возникла в голове идея организовать побег из интерната.

У повара он попросил хлеба, картошки и еще чего-нибудь для того, чтобы помочь, выезжающему в деревню, одному его товарищу, туда, мол, дорога длинная, да и живут они бедно. Выслушав Колину просьбу, женщина поделилась, чем могла, завернув все это в узелок.

Коля спрятал узелок с продовольствием под одиноко стоящую возле своего интерната елку и засыпал снегом. Потом он зашел в интернат и наскоро сделал уроки. Коля

несколько раз за вечер выходил на улицу проверить свой узелок. С ним все было в порядке.

Перед отбоем Коля поделился планом побега с братом. Гена что-то долго размышлял, вода по сторонам глазами, видимо, оценивая предстоящие события.

-Ты знаешь, что до Ижмы далеко, попугчиков у нас нет, и точно не известно, там ли наши родители? А если они приехали, то скоро они нас и так заберут. Я боюсь бежать. Вдруг нас поймают, тогда нам достанется!- поделился со своими мыслями Геннадий.

-Конечно, мы точно не знаем, там ли наши родители, но у нас дома живет Пелагия. Покушать у нас есть. Вещи собрать недолго. Уйдем после завтрака. Если ты боишься, я пойду один, а ты меня прикроешь. Скажешь, что я пошел без спроса Анны Павловны в дом интернат,- ответил Коля.

-Я один здесь не останусь и обманывать никого не хочу. Мы побежим вместе, - решил, наконец, Гена.

Еще до отбоя братья собрали вещи. Потом они долго шептались, советовались между собой, аккуратно, не вызывая подозрений. В ночь перед побегом ребята почти не спали. В голове прикидывали ход своих действий. Утром они поднялись, заправили койки, помылись, позавтракали и пошли в школу. Как на грех, день побега выдался холодным. Коля с Генной специально тянули время в доме и из интерната вышли последними. Гена вышел на дорогу, которая вела на Мохчу, а Коля пошел к елке за провизией. Подойдя ближе, у Коли замерло сердце. Возле елки, свернувшись калачиком, лежали две собаки. Увидев мальчика, обе они вскочили, оскалились и зарычали. Коля понял, что с его узелком покончено, так как последствия приближения к этим злым собакам могут закончиться для него плачевно.

Делать было нечего, и Коля отправился на перекресток дороги, ведущей в Мохчу.

-Коля, а где твой узелок с едой? - спросил Гена, как только они встретились.

-Нашу еду съели собаки. Кроме хлеба и картошки, там лежали еще четыре котлетки, завернутые в бумагу. Видимо, по запаху котлет собаки нашли нашу еду. Узелок с продовольствием можно было занести в коридор, но я побоялся посторонних глаз. А елка была хорошим ориентиром,- оправдывался Коля.

-Давай вернемся в школу, будто никуда и не собирались уходить. Все равно на улице холодно и нет еды, - забеспокоился Геннадий.

-Правильно, все это верно. Но мы же пойдем по обочине дороги, может нас кто-нибудь подберет и довезет до Ижмы, а там уж не пропадем. Раз решили, отступить нельзя, - настаивал Коля.

Шли они долго и прилично замерзли. До Ижмы еще надо было шагать и шагать. Дул сильный ветер, приходилось разворачиваться и идти к ветру спиной. Теперь уже ребята пожалели, что сбежали из интерната.

В середине пути ребят догнала повозка, загруженная тюками до самого верха. Коля с Генной отошли на край обочины, и ямщик медленно проехал мимо, проводив мальчиков взглядом, удивляясь, видимо, их смелости идти в такой мороз пешком.

-Коль, а Коль, давай вернемся в интернат, до Ижмы еще далеко, мы замерзнем!

-Вон, видишь, там, на том берегу видна Ижма. Мы с тобой прошли уже половину пути. Давай бегом побежим и, за одно, согреемся. Осталось не так много, а как

перейдем реку Ижму, так там рукой подать, - уговаривал брата Коля.

Ребята побежали бегом. Они, конечно, согрелись, но очень устали, выдохлись и, немного постояв, пошли уже ровным шагом. Коля шел впереди, а Гена отставал и плелся сзади. Мальчики прошли поворот на Ижму и спустились к реке.

Там, на реке, на открытом месте, ветер дул еще сильней. Спустившись с берега на реку, братья остановились передохнуть.

От Ижмы на берег в сторону Сизябска рысью спускалась повозка с одним ямщиком. Сани были с приподнятыми бортами, с сиденьем в задней части для пассажиров, и впереди тоже имелось одно сиденье.

Ямщик резко остановил лошадь перед ребятами, оглядел их, вышел из саней и подошел ближе.

-Куда путь держите в такой мороз, откуда вы?-спросил он.

-Мы идем в Ижму, к родителям. Наш папа, заведующий оленеводческой фермой, Филиппов Иван Никитич. Мы слышали, что оленеводы уже вернулись из тундры, а нас почему-то из интерната домой не забирают.

-Оленеводы пока в Ижму не вернулись. Они будут через два-три дня. Так что, ребята, вы рано спешите домой. Садитесь в сани, я довезу вас до интерната. А как только ваши родители вернуться, так сразу и заберут вас оттуда домой.

Гене было трудно самому подняться в сани, ему помог ямщик. Коля поднялся без посторонней помощи и уселся на дно саней, на сено, задом к лошади.

Ямщик набросал на ноги ребят сена и прикрыл концом своего тулупа.

-Но, поехали! - дернул за вожжами, и лошадь понеслась рысью.

Хозяин повозки привез ребят в интернат и, как пленных, впереди себя, завел в помещение. Навстречу им вышла Анна Павловна. Глаза ее были расширены, а рот от удивления открыт.

-Как вы посмели?! Вы ведь могли замерзнуть!- воскликнула она дрожащим голосом.

Анна Павловна плакала, всхлипывая, прикрывала руками лицо. Ямщик подошел к ней и тихонько сказал:

-Главное, что ваши беглецы живы, но они сильно замерзли. Они смелые, прошли пешком до переправы через реку. Мальчишки были уверены, что их родители вернулись домой. Вы ребят сильно не наказывайте, они просто очень соскучились по своим родителям. Я этих ребят и их родителей хорошо знаю, - сказал Истомин, первый секретарь Ижемского райкома партии.

Анна Павловна вытерла слезы, подошла к ребятам, сняла с них малицы, валенки. Повар принесла таз с кипятком, воспитательница насыпала в него горчицы и заставила беглецов опустить туда ноги.

Потом мальчиков накормили, напоили горячим чаем и уложили в постели.

Что происходило в интернате дальше, ребята не слышали, они крепко спали. Только на следующий день Коля понял, какую глупость совершил, чуть не погубил и себя, и своего младшего брата.

Оказывается, когда ребята пришли из школы, то Анне Павловне передали, что братья Филипповы в школе

не появлялись. Тогда она сразу подняла тревогу по их поиску, догадавшись, что мальчики отправились в Ижму. Об этом доложили Истомину, и он тут же выехал в Сизябск, надеясь встретить беглецов.

На третий день после побега из интерната за своими детьми в Сизябск приехал Иван Никитич. Он не забыл и об остальных детях, привез им гостинцы. Сложив вещи, Коля и Гена попрощались с мальчиками, с Анной Павловной, с Андреем и его мамой. О своем побеге мальчики отцу ничего не сказали, он узнал об этом от Истомина, и за этот проступок ребята отделались только отцовским небольшим внушением. Они дали честное слово, что больше так делать никогда не будут.

Дома Колю с Геной с распростертыми объятьями встретила мама. Она целовала их и плакала, тут же, как по привычке, вытирая глаза и нос концом платка. Отец в дом заходить не стал, он сразу отправился в правление колхоза, вернулся поздно, не в духе, почти целую бутылку водки выпил один, Юля только молча подавала закуску. Ребята думали, что ссора между родителями происходит из-за них, поэтому старались в глаза им не попадаться.

Через два дня мальчики вернулись в свои прежние классы.

-Коля, а почему мама постоянно плачет, а папы до сих пор дома нет? - спросил как-то Гена, лежа в своей кровати, а капризный Витя лежал в маминой кровати.

-Ген, я ничего не понимаю, наверное, между ними произошла ссора, у них это часто бывало, потом мирились, - объяснял Коля младшему брату.

На следующее утро мальчики почему-то не увидели дома своего папу, но об этом не спросили ни у мамы, ни у

Пелагии, и когда пришли из школы, дома его тоже не было.

-С ним что-то случилось. Неужели он заболел?- промелькнуло в голове у Коли. Этого просто не может быть. Он сам нас привез из интерната, был весел, шутил, привез подарки. И все-таки с ним что-то случилось.

Целую неделю отец не появлялся дома. Мама и Пелагия на вопросы детей отвечали однообразно.

-Папа сильно занят на работе.

Прошла и вторая неделя без папы, и Юле пришлось открыть детям правду.

-Папа ваш, Иван Никитич Филиппов, уволился из колхоза, уехал к другой, молодой женщине, заведующей отделением колхоза села Мошьюга. Красивая, молодая, незамужняя женщина. Он бросил нас, ушел в другую семью. Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше. Значит там ему хорошо.

Дела у нас в оленеводческой ферме в этом году шли хуже некуда, много было падежа оленей, их трупы валялись прямо возле чумов, оленеводы замучались закапывать их трупы. Много было гнуса, оводов. Кроме того, большое количество оленей загрызли волки, которые не только поедали, но и просто перегрызали оленям горло, а трупы оставляли. Просто так загрызли целое стадо оленей. Ваш отец, видимо, этого не выдержал. Говорят, он сдал оленеводческую ферму Каневу, но я в правление еще не ходила.

-Вот это да! Значит, он предал нас, испугался трудностей! Трус! А еще воевал, бил фашистов. Мы и без него не пропадем, вон, сколько неполных семей в Ижме живет, - со злостью сказал Коля.

Коля ходил взад-вперед по комнате, как хозяин дома, размышляя, что же делать дальше, как дальше жить и содержать семью.

Слухи слухами, а Коля собрался в правление колхоза, к председателю. На скамейке возле приемной председателя колхоза сидел Канев Василий Иванович.

-Коля, ты чего здесь делаешь? - спросил он.

-Я пришел узнать, где мой папа, что с ним случилось и где он находится?

-Иван Никитич сдает дела оленеводческой фермы. Он занят забоем и сдачей оленьего мяса. Недавно меня назначили на должность твоего отца, вот, я его здесь и жду, он должен скоро подъехать, - как-то не совсем уверенно сказал Василий Иванович.

-Он домой ночевать не приходит, - начал объяснять Коля, -мама все время плачет.

-Папа твой жив и здоров, только он теперь живет в другом месте, далеко от вас, в Мошьюге, у Варвары, заведующей отделением колхоза. Муж ее погиб на фронте в первые дни войны, в Бресте. Детей у нее нет. А разве ты всего этого не знал?

-С тех пор, как он привез нас из интерната, я его больше и не видел, - оправдывался Коля.

-Если хочешь повидать отца, посиди и подожди вместе со мной, - предложил Канев.

-Я пришел узнать, что с ним, но теперь понятно. Он больше нам не нужен. Мы справимся и без него, не пропадем, - со злостью и искрой в глазах ответил Коля.

Он встал с места, попрощался и вышел на улицу, ему стало душно. Ему было стыдно за коварный поступок отца, Коля считал измену и предательство

самым плохим действием человека, и от родного отца он этого не ожидал. Ведь он, Николай, любил его, гордился им, брал пример, а вон что получилось, в трудное для семьи время отец бросил их, ушел к другой, одинокой женщине.

-Видимо, ему было стыдно глядеть в глаза односельчан, вот он и сбежал в Мошьюгу. Да, больше он нам не нужен. Если он вернется, я его выгоню, а то и сам уйду куда-нибудь, - размышлял про себя Коля.

ИЗМЕНА.

Прошло не так много времени, как в доме Филипповых все успокоилось, пошло своим чередом. Мама больше не плакала, по-видимому, она свыклась с уходом отца. Что поделаешь, так бывает, хоть и не очень часто. В деревнях и селах мужчин не хватало, вот женщины и старались привлечь к себе их внимание.

-Значит, Ваня не слишком любил свою семью, раз ушел к другой женщине. Слава Богу, что Коля с Геной уже подросли, и от них будет какая-то помощь семье. А в колхозе для меня работа найдется, - думала Юлия.

В конце марта ребята пришли со школы домой и увидели, что дверь в квартиру приоткрыта, раньше такого никогда не было. Они переступили порог и обнаружили лежащую на полу в луже крови маму. Гена заорал, как резаный. Коля подошел поближе, обошел вокруг нее, аккуратно, чтобы не наступить на кровь. Мама лежала на боку. Дрожащими руками Коля подергал ее за плечи и перевернул на спину. Голова мамы вся истекала кровью, лица было не узнать. Коля растерялся. По комнате были разбросаны стулья, скамейка валялась на боку, а на столе лежала отцова шапка-ушанка. Это Колю навело на

мысль, что в доме был отец, он устроил драку и, наверное, убил маму, так как она не шевелилась и не дышала. Гена так и застыл возле порога, он уже не кричал, а только наблюдал за действиями старшего брата.

В доме, где жили Филипповы, ни у кого не было телефона. Ближайший телефон находился в библиотеке, где Коля часто брал книги.

Бросив портфель, Коля выскочил из квартиры и понесся в библиотеку. За ним рванул и Гена, но Коля его остановил:

-Ты со мной не ходи, зайди к соседям, там, наверное, Пелагия с Виктором, побудь с ними, а я вызову скорую помощь и милицию, может, мама еще жива. Пусть его арестуют и посадят в тюрьму! - со злостью и обидой сказал он.

Коля ворвался в библиотеку.

-Вызовите, пожалуйста, скорую помощь и милицию! Мама лежит на полу вся в крови. Она не дышит, наверное, умерла! Дома был папа, я видел его шапку, он ее забыл на столе.

Библиотекарь трясущимися руками набрала номер сначала скорой помощи, затем милиции и объяснила ситуацию.

В дом, где лежала Юля, библиотекарь с Колей прибежали первыми. Затем подъехала милиция и скорая. Собрались соседи, зеваки, все ахали, охали, народу собрался полный дом.

-Так, товарищи, прошу вас освободить помещение и не мешать работать врачам и следствию, - сказал один из приехавших милиционеров, выпроваживая всех за дверь.

Медработники осматривали Юлю.

-Может, нужна моя помощь? - спросил Коля.

-Нет, нам посторонняя помощь не нужна. Дети и родственники, далеко не уходите, подождите у соседей. Нам понадобятся ваши показания.

Люди не расходились, толпились возле крыльца и за забором, рассуждая, каждый по-своему, о случившемся. Коля зашел к соседям, где на скамейке, крашенной в светло-коричневый цвет, сидела Пелагия, а рядом, прижавшись к ней, сидели Витя и Гена. Коля подошел к ним и уселся рядом с Витей, там было больше места. Хозяйка квартиры предложила чаю, но они все отказались.

В соседскую квартиру зашла врач, и все сидящие встали со скамейки, ожидая новостей.

-Я так поняла, вы дети Филипповой Юлии? Мама ваша жива, но пока она в коме. Мы сейчас увезем ее в больницу, и, если с ней все будет в порядке, мы приведем ее в сознание, вы сможете потом маму вашу навестить.

После этих слов женщина вышла. Ребята с Пелагией последовали за ней. Они успели увидеть, как маму выносят из их квартиры на носилках. Она лежала без чувств. Глядя на нее, мальчики громко заревели.

-Ребятки, зайдемте домой, там уже чисто, комната проветрена. Врач сказала, что Юля в коме, значит, она жива, успокойтесь, пошли, - пригласила детей Пелагея.

В квартире Филипповых все было убрано и расставлено по своим местам. На столе стоял вскипевший самовар, но от чая мальчики отказались.

-С кем не бывает? Иван Никитич просто запутался. Когда они начали скандалить, и ваш папа стал бить маму, она почему-то даже не сопротивлялась. Я схватила Витю

и сбежала к соседке. Я испугалась, струсил. Если б не ушла, может, всего этого не случилось бы.

День тянулся медленно, слезы сами накатывались на глаза. Было поздно. Мамина кровать оставалась пустой. Коля с Геней лежали молча, каждый думал о своем. Утром проснулись рано. Выполнив все домашние дела, пошли в школу. Там все уже знали о случившемся. Начались расспросы, но по взглядам было заметно, что все они сочувствуют братьям Филипповым и сожалеют.

На перемене между вторым и третьим уроком классная руководительница, Клавдия Ивановна, подошла к Коле с Геней:

-Мальчики, мама ваша пришла в себя, после уроков вместе пойдем ее навестить, я договорилась.

После уроков Клавдия Ивановна повела ребят к их маме в больницу. В больнице было тихо и светло, каждому выдали по белому халату. От предстоящей встречи с мамой у мальчиков подкашивались ноги, не хватало сил дойти до двери палаты. Дверь в палату открыла медсестра, вслед за ней вошла Клавдия Ивановна, потом Гена и последним в палату вошел Коля. Мама лежала с перебинтованной головой, оставались только отверстия для глаз, рта и носа. Одна рука была в гипсе. В палате стояло шесть коек, и Коля сразу маму не узнал. Она первой заметила вошедших в палату детей, подала голос, заплакала и приподняла одну руку. Ребята подошли поближе и опустили на колени перед ее кроватью. Они тихо плакали, не обращая ни на кого внимания. Подошла лечащий врач Юлии. Глядя на Клавдию Ивановну, начала объяснять.

-У Юлии Андреевны тяжелое сотрясение головного мозга, трещины черепа, перелом правой плечевой кости, сломаны оба бедра, множество ссадин, гематом, ушибов.

В коме она находилась около десяти часов. Так избить мог только очень жестокий и злой человек, видимо, он хотел убить, но у него не получилось.

Конечно, эти подробности можно было изложить где-нибудь наедине, но врач, видимо, хотела донести до всех, в том числе и до Юли, важность сложившейся ситуации. Также, врач попросила детей не приходить в больницу еще некоторое время, не тревожить ее.

Юлия Андреевна находилась в больнице больше месяца. В колхозе семье выдали продукты, ею заработанные деньги, и часть Ивана Никитича. Всем продовольствием и деньгами ведала Пелагия.

На следующий день в дом Филипповых пришли милиционеры, допросили сначала Пелагию, потом Колю, и составили протокол. Гену допрашивать не стали.

Как-то вечером Василий Иванович Канев подъехал на своей оленьей упряжке к дому Ивана Никитича. Взвалив половину оленьей туши себе на плечи, он занес ее в дом. Юля находилась тогда в больнице. Канев положил мясо на пустой стол, а потом посмотрел на рядом сидящих трех мальчиков, не отводящих взгляда от оленьего мяса. Хотя раньше ребята видели и не по одной оленьей туше, сейчас они уже стали об этом забывать. Василий Иванович подошел поближе и присел перед мальчишками на корточки.

-Ребята, мама ваша скоро поправится и вернется домой. Коля, папу вашего вызывали в милицию, его допросили, но ваша мама не стала давать против него показания, наверное, пожалела. Отца вызывали на бюро райкома партии, объявили ему строгий выговор без занесения в учетную карточку и уволили с должности заведующего оленеводческой фермой, отпустили, короче говоря, на все четыре стороны. Видимо, Ивану было

стыдно смотреть в глаза своих детей и избитой до полусмерти жены. Он сразу же уехал в Мошьюгу, к своей Варьке. Коля, тебя в Ижме все знают, будут какие трудности, сразу обращайся прямо к председателю колхоза, он всем вам поможет. Мы скоро выезжаем в тундру, вся надежда на тебя. Учебу не бросай, помогай маме, а остальное приложится.

Василий Иванович ушел. Пелагия подошла к столу, где лежало мясо и, увидев горящие глаза ребят, сказала:

-Ну, что ребятки, наверное, хотите строганинки, где папин острый нож?

Коля начал искать нож, перевернул все, но его не нашел.

-Наверное, он забрал нож с собой, жадина, - со злостью и ненавистью к родному отцу сказал он.

Взяв длинный тонкий кухонный нож, каким режут хлеб, быстренько наточил прямо о днище тарелки, присел на табуретку, перевернул ту же тарелку, на которой точил нож, и с большим усердием принялся нарезать тонкие стружки мерзлого оленьего мяса. Мокая стружки мяса в соль, ребята наелись от души, отбили, как говорится, охоту.

Наступил день выписки Юлии из больницы.

-Вот будет мама дома, мы все будем ухаживать за ней, и она совсем поправится. Я найду какую-нибудь работу, сейчас многие школьники работают, чем я хуже, буду приносить деньги домой, содержать нашу семью. Этому изменнику, предателю, отцу, пусть будет стыдно. Больше ему в нашей семье нет места. Мы забудем о нем, будто его никогда и не было, - рассуждал Коля.

Пелагия собрала Юлины вещи и, по окончании уроков, вместе с Колей, Геней и Клавдией Ивановной, отправилась встречать Юлю.

-Юлия Андреевна, вы сами дойдете или вас надо подвезти? - спросила врач, поддерживая ее за плечо.

-Сама дойду, я уже нормально себя чувствую, спасибо огромное, - поблагодарила Юля.

-Не за что, это наша работа. Самая большая награда для нас, это ваше выздоровление.

Поддерживая Юлю за левую руку, Клавдия Ивановна довела ее прямо до дома. Ребята с вещами медленно шагали сзади.

Юля расположилась на своей постели. Ребята её окружили вниманием и заботой. Дома она быстро пошла на поправку. Вскоре с нее сняли повязки, а немного позднее гипс. Только Юля стеснялась своей головы, так как она была совершенно лысой, ее обрили перед операцией. За месяц волосы хоть немного и отросли, но Юля старалась не снимать платок и редко выходила на улицу или к соседям.

-Коля, надо сходить в сельсовет и попросить небольшой земельный надел во временное пользование. Посадите картошку, вам так легче будет жить, - подсказала Коле Клавдия Ивановна.

-Но у нас нет семенной картошки, - возразил ей Коля.

-У меня есть немного, я с вами поделюсь, - ответила она.

Клавдия Ивановна с Колей пошли в сельсовет и объяснили председателю, что и как. На карте района председатель указал участок, где была свободная земля,

который пустовал уже несколько лет. Его хозяева уехали в Печору, оставив на участке еще и сарайчик для хранения инструментов.

Коля с друзьями вскопали огород, это был большой дерн, посадили картошку, за лето Коля два раза ее окучил. Участок огородили, закрыли крышу сарая, сделали скамейки. Мама была довольна работой сына. Вместо прогулки, иногда, всей семьей ходили на огород. Это радовало их и придавало уверенности, что без отца они не пропадут.

На колхозные подачки жить пятерым неработающим стало тяжеловато. Коля помогал соседям по хозяйству и за это домой приносил продовольствие. Он принимал любую еду, обычно, где работал, там его и кормили.

Осенью убрали картошку. Урожай, на удивление, оказался хорошим, восемь мешков. Из собранного урожая сразу выбрали семенную картошку, остальную определили на еду. Соседи разрешили хранить картошку в своем погребе, так как Коля помогал им в его ремонте.

Юля обратилась с просьбой к председателю колхоза о предоставлении для нее какой-нибудь работы. Но председатель только развел руками. Коля помогал колоть дрова истопнику пекарни, за это ему выдавали целую буханку хлеба, кроме того, помогали Коле и другими продуктами. Вскоре одна из пекарей вышла замуж и выехала всей семьей на Украину. На ее место, помощником пекаря, взяли Юлю. До пекарни ходить было далековато, поэтому Филипповы нашли рядом с пекарней наемное жилье и переехали жить туда.

Жизнь семьи постепенно налаживалась. Юля выздоровела, поправилась в теле, стала еще красивей, чем прежде. От Ивана Никитича вестей никаких не поступало, будто его и не было. Дети смирились,

успокоились. Но при малейшем напоминании было понятно, что Юля скучает по мужу. Коля вообще не любил эти темы и сразу разговор уводил в сторону.

Прошло больше двух лет, как Иван ушел в другую семью. Там родилось уже двое детей, два мальчика. Работы толковой в Мошьюге не было. Они содержались за счет дворового хозяйства.

Как-то зимой, придя из школы, Коля застал у себя дома родного отца, сидящего за столом в обнимку с мамой. Они выпили уже полбутылки, были веселы, стол ломился от еды.

-Коля, принимай отца обратно. Черт меня попутал, каюсь, наказывайте меня, как хотите, я приму все, только простите и примите меня обратно в семью,- просил Иван Никитич своего старшего сына.

-Ты хитростью уговорил маму, вон, сидите, пьете, помирились! Я тебя не могу простить за твою измену, предательство, подлость! Ты избил ее так, что она еле выжила! Благодаря врачам, ее спасли. А теперь, когда самому стало плохо, вернулся! Мы в тебе не нуждаемся, иди обратно к своей Варьке и обнимай ее, а мою маму не трогай! Уходи, таким, как ты, нет прощенья! Уходи, или уйду я!- кричал в ярости Коля.

-Да, как ты смеешь так говорить со мной, своим отцом, сопляк! Я воевал, защищал вас! Мама твоя меня простила, а ты еще мал, чтобы судить!- отвечал разгневанный отец.

-Я видеть тебя не могу. Уходи из нашей семьи, живи там, где жил! Ты и там хочешь оставить детей сиротами? Возвращайся в Мошьюгу, там дети маленькие, это не честно по отношению к ним и к нам! А мы уже обходимся без тебя и, как видишь, не плохо!- кричал он.

-Коля, сынок, ты не сердись на папу, он очень хочет к нам вернуться, ему там плохо. Я его за все простила и согласна жить с ним дальше, - пыталась убедить Юля своего старшего сына.

-Хорошо, раз так, живите сами, без меня, а я уйду! Простить его за измену, за побои, за новую семью, за маленьких брошенных детей, он бросил их, как и нас, я не могу! - ответил Коля.

Коля с силой оттолкнул дверь и вышел. Послышался плач мамы. Отец голоса не подавал. Медленными шагами Коля отдалялся от дома, никто его не окликнул, не остановил. От злости у него шумело в голове, а сердце колотилось так, что готово было выскочить в любую секунду. Николай еще больше возненавидел отца, блудника, изменника.

Он не заметил, как дошел до середины села. Коля не знал, к кому пойти. У всех были семьи, и притеснять никого не хотелось. Идти в Вертеп или в Щельяюр очень далеко, да и примут ли его там? Он подумал, что может заночевать в школе, если конечно его впустит сторож, но подойдя ближе, Коля увидел, что входная дверь школы закрыта на большой висячий замок. Тогда он решил податься к Клавдии Ивановне, она как раз жила недалеко от школы. Муж у нее погиб на фронте и она одна воспитывала двоих сыновей. Женщиной Клавдия Ивановна была доброй, нежной, человечной, всегда, чем могла, помогала людям.

Коля поднялся на крыльцо дома Клавдии Ивановны, в сомнении немного постоял, потом взял в руки прибитое к двери железное кольцо и постучал им по двери. Никто не ответил.

-Стоит ли тревожить людей, может, они совсем не хотят его видеть? - подумал Коля и, все-таки, постучал еще раз.

Дверь заскрипела, послышались приближающиеся шаги.

-Кто там? - послышался голос Клавдии Ивановны.

-Это я, Филиппов Николай, мне нужно с вами посоветоваться,- ответил Коля.

Скрипнул железный засов, на пороге появилась Клавдия Ивановна.

-Коля. Что случилось, почему ты один? Заходи, заходи, не стесняйся!

Коля зашел в дом, огляделся. Клавдия Ивановна помогла ему снять пальто и пригласила к столу. К нему сразу подсели ее сыновья, сели рядом, молча изучая его.

-Ребята, вы же знаете Колю Филиппова? Раз Коля пришел к нам, значит, нуждается в нашей помощи. Вот, он поест, и все нам расскажет.

Клавдия Ивановна накормила Колю картошкой в мундирах, напоила чаем.

-Так, что же все-таки произошло? - переспросила она.

-Когда я пришел из школы, то застал у нас дома отца. Он просил прощения и хотел вернуться. Но я не хочу жить с ним под одной крышей, поэтому ушел из дома, больше к ним не вернусь. Мама простила его, а я не могу. Может, уеду в Щельяюр или в Вертеп, но с отцом жить не буду.

-Ладно, утро вечера мудренее, давайте отдыхать,- выслушав Колю, сказала Клавдия Ивановна.

Утром все четверо отправились в школу. По пути в школу, немного приотстав от своих мальчиков, Клавдия Ивановна стала объяснять Коле.

-Коля, пойми, родителей не выбирают. Папа твой воевал, был ранен, к тому же он коммунист. Я его не оправдываю, он поступил плохо. Ты меня прости, Коля, но многие люди ошибаются. Ошибся и твой отец. Даже твоя мама, которая перенесла его предательство и побои, простила его, а ты не простил. Раз он к вам вернулся, значит, больше любит вас. Женщина, к которой Иван Никитич уходил, оказалась не той. Коля, надо обязательно помириться с папой, обязательно. Вам будет легче жить, тем более, что тебе надо учиться.

-Спасибо вам за приют, за понимание, но пока я перебороть себя не могу. Может, он пришел к нам просто так, выпить, закусить, а потом снова вернется к своей молодой Варьке, в Мошьюгу. У меня уверенности в нем нет. Спасибо вам большое за совет. И, когда мама была больна, вы единственная, кто помогла нам в трудную минуту, была рядом с нами, у вас золотое сердце.

Дошли до школы. Гена ждал своего брата возле раздевалки.

-Коля, ты круто обошелся вчера с отцом. После твоего ухода он плакал и клялся, что больше не вернется в Мошьюгу. Он сказал, что у Варьки плохой характер и сама она плохая. Про своих сыновей ничего не говорил. Он становился перед мамой на колени, просил прощенья, потом они обнимались и целовались. Спали вместе. Мы хотели остановить тебя, но отец запретил тебя догонять. Коля, подумай, вернись домой, нам всем без тебя очень плохо.

После уроков Клавдия Ивановна подошла к Коле и тихонько сказала:

-Коля, тебе сегодня обязательно нужно вернуться домой, а то твои родители могут подумать, что я настраиваю тебя против них. Я еще останусь виноватой, вернись!

Коля просто молчал, опустив голову вниз. Слова классной руководительницы были точны и правдивы.

Гена, уже одетый, увидев старшего брата, схватил его за руку.

-Коля, пошли домой, довольно того, что ты из-за отца не спал дома. А вдруг с тобой что-нибудь случится плохое. Пойдем, тебе будут все рады. Родители просили тебе передать, что они ждут тебя. Ну, пойдем.

-Гена, ты пойми, как просто у него получается! Он запросто ушел от нас, завел новую семью, а теперь он пришел, убедил маму, как ни в чем не бывало. Его извинения, это просто игра слов, я ему не верю, и жить под одной крышей с таким подлым человеком я не смогу.

После этих слов Коля одернул руку и направился к выходу. Гена в недоумении остался стоять один.

Николай шел и думал, где бы переночевать. Клавдию Ивановну больше тревожить не хотелось.

Тут Коля вспомнил о чердаке пекарни. Чердак был теплым, к тому же, когда-то он видел там матрацы.

Побродив еще не много по центральной улице и не встретив никого из знакомых, Коля направился к чердаку. Убедившись, что пекари заняты своим делом, Коля поправил лестницу и влез, свободно открыв узкую дверь. Постель он устроил себе возле дымовой трубы, там было теплее. Затем, через лаз, ведущий в коридор пекарни, Коля спустился вниз, проник в кладовую, где хранилась выпечка, отломил часть буханки хлеба и, спрятав хлеб под пальто, вернулся обратно. Хотелось

пить, но Коля решил потерпеть до утра. Его сильно клонило в сон. Прикрывшись матрасом, он уснул.

Утром проснулся рано, весь замерз, так как матрац, которым он укрывался, сполз. Коля прижался к трубе. Из коридора доносились голоса пекарей, истопника, знакомые голоса. Согревшись, голодный, он спустился с чердака и направился в школу. Школа была уже открыта. Печник топил печи и, заметив Колю, удивленно спросил:

-Милок, ты что-то рано в школу пришел, наверное, уроки не сделал? Иди в свой класс, до начала занятий время еще есть.

Коля быстро разделся и побежал в свой класс.

В середине второго урока Колю вызвали в учительскую. Вместе с директором школы там находились Юлия Андреевна и Иван Никитич.

-Коля, ты зачем убежал из дома? На занятия ходишь, а дома не бываешь. Ты плохо выглядишь. На сегодня от занятий я тебя освобождаю, иди домой,- твердо сказала директор.

Мама подошла к сыну и вытерла концом пухового платка его лицо. Отец с места не сдвинулся.

Коля вернулся в класс, сообщил, что его отпустили, надел пальто и, не оглядываясь на родителей, быстро зашагал домой.

Пелагия специально для Коли приготовила еду, которую он съел всю, без остатка, очень проголодался. Отец с матерью наблюдали, как их старший сын с жадностью уплетает обед. Поев, Коля встал из-за стола, подошел к отцу и посмотрел ему прямо в лицо.

-Я готов принять любое наказание, но честных людей за правду не наказывают. Ты, папа, очень плохо с

нами поступил. Мама тебя простила, но я пока тебя простить не могу, на это нужно время.

Оба стояли молча и смотрели друг на друга. Пелагия, стоя у печки, вытирала свои потные руки о низ передника. Мама шагнула вперед и обняла сына, по ее лицу катились крупные хрустальные слезы.

Отец, опустив голову, присел на край ближнего стула. Ему на слова сына ответа не нашлось. Он, видимо, продолжал сомневаться, правильно ли он поступил, вернувшись к прежней семье. Иван Никитич никак не ожидал такой прямоты и смелости от своего старшего сына. Он думал получить отпор от жены, ведь ее он обидел втройне и вину свою чувствовал перед ней больше, чем перед остальными членами своей семьи.

Колю отец не наказал, но и сблизиться с ним не стал, понимая свою вину. Отношения между ними оставались напряженными, будто они не знакомы. За обеденным столом отводили глаза, чтобы их взгляды не встречались, и вообще старались избегать друг друга. Эта вражда, мучительное молчание угнетало окружающих.

-Коля, ну, прости же ты отца, ты же видишь, как он мучается! Мне кажется, он боится тебя. Он же просил у тебя прощения, а ты ему в категоричной форме отказал. Терпение у отца лопнет, и он снова уйдет ко второй семье. Мне, честно говоря, этого очень не хочется. Ты ведь сам видишь, как он старается, унижая себя, угождает всем. С его появлением нам стало легче жить, и тебе тоже, все хозяйственные заботы он взвалил на свои плечи. К тому же, он вернулся в колхоз, опять занимается оленеводческими делами, с работы всегда приходит вовремя, с собой вечно что-нибудь приносит. Он любит маму, и она его тоже. Только ты ходишь букой и портишь всем настроение. Мама пытается с тобой поговорить, но

ты разговоры переводишь на другую тему. Давай, уже, прекращай дуться. Пожалуйста, помирись, - закончил разговор Гена, кладя руку на колено брата.

Слова брата были очень убедительны. Он говорил все так, как оно есть на самом деле. Коля сам иногда задумывался о примирении с отцом, но его гордость всегда одерживала победу. Он хотел, чтобы отец окончательно понял и оценил свой мерзкий поступок. После этого разговора с братом Коля сделал для себя кое-какие выводы. Ведь теперь все зависело только от него.

Вечером после работы отец вернулся домой с гостинцами для ребят. Не зная, как сделать первый шаг к примирению, Коле пришел в голову самый простой способ - дать ему дневник на проверку и подпись. В дневнике у Коли оценки были неплохие, правда, были записи о нарушениях дисциплины.

Коля подошел и положил перед отцом дневник.

-Папа, классный руководитель сказала, чтобы ты посмотрел мой дневник и поставил свою подпись. Я раньше показывал его маме, она ставила крестик, а это не очень красиво,- сказал Коля, виновато опустив голову.

-Да, я давно не смотрел твой дневник. Отметки хорошие, а это что за записи? Какие еще нарушения во время перемены?- спросил он строго, по-отцовски.

-На перемене мы играли в догонялки, и я случайно наткнулся на учительницу. Меня завели в учительскую, поругали, Клавдия Ивановна сделала запись в дневнике. С тех пор в коридоре школы мы больше не бегаем,- объяснил Коля отцу.

С этого момента отношения между сыном и отцом стали более или менее налаживаться.

В доме стало все, как и прежде, только частые пьянства отца Коле сильно не нравились. Их дом нередко посещали какие-то люди, они с отцом пили водку, а потом горланили песни, из-за чего Коле приходилось выполнять домашние задания в школе, сразу после уроков.

АНЯ.

В этот год в Ижме случилась большая беда. В самые сильные морозы загорелась двухэтажная деревянная школа, где на втором этаже учился Коля. Вечером сторож решил подтопить печки и оставил их без присмотра. Он пошёл домой и школу закрыл на замок.

Пожар начался с первого этажа. Всем селом вместе с пожарниками спасали школу, кто чем, и как мог, тушили пожар. Но спасти школу от пожара не удалось. Она полностью сгорела. Школьников распределили по учреждениям деревни. Коля с классом занимался в читальном зале библиотеки, занимались в две смены. Сторожа признали виновным в пожаре. Был суд. После суда истопника куда-то увезли и, говорят, в Ижму он больше не возвращался.

Наконец, закончилась холодная зима. Река Ижма разбухла, лед поднялся, потемнел. Как-то необычно тепло и ярко грело солнце. На улицах появились лужи, деревянные мостки расчищались от снега и льда. Появились темные проталины на возвышенностях и солнечных сторонах. Ожидалась большая вода. Раньше обычного времени прилетели перелетные птицы. Некоторые ушлые хозяева к своим домам, с нижней части Ижмы, перевезли лодки.

Первые подвижки льда реки Ижмы произошли ночью в районе села Ижма до Сизябска. Днем лед начинал трещать, будто стреляют из пулеметов и пушек. На более высоких берегах стояли люди, из них большинство школьники, и с удивлением и радостью смотрели на ледоход. Лед шипел, касаясь берега. Лыдины то лезли друг на друга, то снова сползали, образуя пространства чистой воды, куда садились рано прилетевшие утки. Вода бурлила, злилась, была темной и страшной, поднималась на берега так, что было опасно близко подходить.

Отбыв свой первый срок наказания, как говорят «от звонка до звонка», младшая сестра Ивана Никитича, Анна Никитична Филиппова, освободилась из тюрьмы, приехала в Ижму и нашла семью своего брата. Ребята Аню очень любили и радовались ее появлению. Но смотрела за хозяйством и за ребятами их няня Пелагия. Аня в доме оказалась лишней. Иван Никитич был доволен возвращению сестры, а женщины большой привязанностью к ней не проявляли. После тюрьмы на работу ее нигде не принимали. Она не знала, куда себя деть. Аня решила добровольно уйти из жизни, но не знала, как это сделать.

Аня обула черные дырявые валенки и пошла на берег. Подобрала длинную палку, она запрыгнула на большую лыдину, надеясь таким образом покончить со своей жизнью.

Аня спокойно стояла на лыдине, упершись о длинный шест, а лыдина, тем временем проплывала мимо домов села Ижма.

-Смотрите, смотрите, вон, на лыдине девушка стоит! Ребята, ее надо спасать! - крикнул кто-то со двора.

Самый храбрый из ребят перепрыгнул через забор, придерживая багор, спустился вниз по течению реки и, подойдя ближе, попытался дотянуться своим багром до льдины.

Аня, увидев, что ее бегут спасать, заколебалась.

-Отталкивайся от льдин! Сильней! Прижимайся к берегу! Мой багор не достает! Отталкивайся! - кричал он Ане.

Но льдина уносила Аню мимо мальчика с багром. Парень по берегу забежал вперед, встал на стоящую льдину в ожидании, когда льдина Ани поравняется с ним. Аня решила сойти на берег и подошла к самому краю льдины. Парень протянул ей багор, но промазал.

-Подойди еще ближе! Хватайся обеими руками за багор!

К этому времени к храбрецу успел подбежать другой парень и тоже во все горло закричал:

-Когда льдина будет отплывать, ложись на живот! Мы тебя вытащим!

Он подбежал к товарищу, и они вместе стали держать багор.

Аня бросила свою палку, крепко ухватилась за холодный конец крючка багра. Течение уносило льдину все дальше. Она сделала пару шагов и упала на живот, крепко держась обеими руками за багор.

-Держись крепче, не расслабляй руки!

-Подтягивай багор к себе! Быстрее, а то вторая льдина на подходе!

Оба парня изо всех сил тянули багор к берегу.

-Ну, вот, ты спасена! Давай руку! Как тебя угораздило попасть на льдину? Как тебя звать?

-Меня зовут Аней Филипповой, на льдину я попала случайно. Спасибо вам, ребята!- дрожащим от холода голосом произнесла она.

-Благодари Бога, что тебя унесло не так далеко от берега, а то приплыла бы в море, на корм хищным рыбам.

Слух о спасении какой-то девушки прошелся по всему селу. В доме Филипповых тоже судачили об этом. Но никто даже не предполагал, что девушкой этой была их Аня.

Аня прожила в доме брата чуть больше месяца, не теряя надежды найти работу. Она ходила в сельсовет, сельпо, колхоз, но, взглянув в документы, ее нигде не принимали на работу.

В один из вечеров Аня, не спрашивая разрешения Юли, надела ее большой шелковый платок с кисточками. Она прогуливалась вдоль берега реки Ижмы, размышляя о своей жизни и решив, наконец, присела на скамейку возле небольшого дома. Аня решила уехать в город. Она поведала брату о своих планах поменять место жительства. Иван Никитич возражать не стал.

-Где мой шелковый платок? Он лежал в сундуке, а сейчас его там нет! Ты украла и продала мой платок!- глядя на Аню, кричала Юля на весь дом.

-Я вчера вечером надевала ваш платок, сидела в нем на скамейке возле реки. Наверное, я оставила его там, сейчас сбегая и принесу.

Аня сорвалась с места и понеслась на берег.

Платка на скамейке не оказалось. Аня забежала в дом, перед которым находилась скамейка, узнать, не

видел ли кто платок, шелковый с кистями, но получила отрицательный ответ. Она долго ходила по селу, пытаясь увидеть на голове какой-нибудь женщины Юлин платок, который был действительно красив и бросок.

Вернулась Аня домой с опухшими глазами от слез.

-Ты - воровка, ты продала мой лучший платок! Я тебя накажу!

На следующий день Юля пошла в милицию и заявила о пропаже дорогого шелкового платка, указав, что этот платок украла и продала сестра мужа, которая недавно вернулась из тюрьмы.

В тот же день Аню забрали в милицию. За кражу платка ей дали срок пять лет тюремного заключения. Так, ни за что, Аня снова стала жертвой случайности, второй раз судьба сыграла с ней злую шутку.

Ребята очень любили свою тетю Аню, жалели ее, но помочь ничем не могли.

РЫБАЛКА.

Наступил конец учебного года. Лето выдалось теплым и солнечным. Коля с братом часто ходили на рыбалку, и каждый раз приносили на уху. Иногда они с ребятами играли в лапту, гоняли в футбол, играли в разные игры. Отец не возражал занятиям старших сыновей. Иван Никитич приучил их соблюдать дисциплину. Ребята слушались отца и выполняли его указания безоговорочно.

В конце июля перед уходом на работу Иван Никитич положил свои ручные часы на край стола. Коля с Геней носились вокруг стола. Коля нечаянно задел часы отца, которые упали на пол. Стекло часов дало трещину, но

оно не выпало. Старший сын Ивана Никитича поднял часы и приложил к уху, они тикали.

-Значит, они идут,- с облегчением подумал он.

Отец увидел, что его сын уронил часы. Он широкими шагами подошел к Коле, взял его за ухо и приподнял так, что ноги перестали касаться пола.

Папа быстро снял свой армейский ремень, поставил Колю на колени, голову его зажал между своих сапог и начал бить ремнем по холке. Коля удары переносил молча, ни разу не пикнул. Когда отец закончил избивать сына, он резко ногой отпихнул его в сторону, схватил со стола часы и послушал их ход.

-А теперь, марш из дома! Чтоб я больше тебя здесь не видел!- грозно сказал отец.

Выходя из дома, Иван Никитич указательным пальцем пригрозил старшему сыну.

После ухода отца дома все заревели. Громче всех орал Гена, будто не Колю, а его самого широким ремнем хлестал отец.

Коля схватился за свое больное ухо и подумал:

-Хорошо, что папа не снял с меня штаны, а то было бы больней. Вот, наконец, отец со мной и рассчитался за то, что я был против возвращения его обратно в нашу семью.

-Сначала он избил тебя, теперь принялся за меня. Напрасно мы приняли его назад. Он себя еще покажет,- глядя на маму, выразился Коля.

Николай задрал рубашку и повернулся ко всем спиной. Все ахнули; спина была сине-красной, местами сочилась кровь.

-Как ты терпел такую боль?- спросил Гена брата.

-Я терпел от злости к нему. Сам виноват, что простил его за измену.

Мама с Пелагией нашли какие-то мази и обработали кровоподтеки и синяки, перевязали чистой светлой полосковой ткани спину Коли.

Теперь нужно было решить, куда спрятать Колю. Размышляли вслух.

-Я знаю куда. Устроим ему место на чердаке нашего дома, возле печной трубы. Там есть доски, оленьи шкуры, матрасы. Пусть поживет пока на чердаке, а там дальше время покажет. Может, еще сами выгоним отца из нашей семьи. А вообще Коле надо в больницу, с такими ранами не шутят. В больнице будут кормить, постель чистая, а мы будем его навещать,- предложил Гена свой вариант.

-Ни в какую больницу я не пойду. Буду жить на чердаке нашего дома, только, чур, ни слова отцу, где я нахожусь, а поесть для меня вы найдете,- заупрямился Коля.

Братья на чердаке соорудили кровать, из оленьих шкур устроили полог, принесли подушку, одеяло, книги. Возле слухового окна чердака было светло, можно читать и даже заниматься каким-то полезным делом.

Вначале спина не сильно болела, но потом заболела так, что не согнуться, не разогнуться, приходилось терпеть. Первое время Коля спал только на животе, ныли раны, постоянно хотелось пить, видимо, была температура. С чердака целых четыре дня Коля не спускался, Гена приносил еду и пить. Пелагия специально чаще топила печь, чтобы Коля ночью не замерз. Лестница, ведущая на чердак, не была прибита к

стене и легко перемещалась. Решили, когда Коля на чердаке, лестницу убирать и чердак держать закрытым.

За это время отец ни разу не обмолвился и не спросил о старшем сыне, его будто не интересовало, что с ним и где он находится. Домой Иван Никитич приходил всегда выпивший и приводил друзей.

Когда раны затянулись, синяки сошли, Коля решил уйти из дома.

-Мама, я хочу поехать в Вертеп, к дяде Илье. Буду помогать им по хозяйству. У них есть корова, попою парного молока. Доеду до Щельяюра, а может, и до самого Вертепа. Там у нас много родственников, не пропаду. Погощу и к школе вернусь.

-Ладно,- согласилась мама.

Юля собрала для своего старшего сына еду и попить, дала ему три рубля.

Коля вышел из дома, оставив плачущими маму, братьев и Пелагию, и направился пешком в Щельяюр в надежде, что кто-нибудь подвезет. Главным его оружием был складной перочинный ножик, который придавал ему силы и решимости. Шел Коля долго, устал и присел на развалившуюся вдоль дороги сухую сосну, перекусил, запил, вырезал сухую, средней толщины, палку, для опоры, так как спина еще давала знать о себя, и для защиты от хищников, по лесу было идти страшновато, вот он и вооружился.

Солнце уходило на закат, появились тучи. По возможности Коля срезал дорогу, хоть немного сокращая себе путь. На пути встречались ручьи, через которые были проложены бревенчатые мосты. Иногда Коля садился на эти мосты, свесив ноги, оглядываясь на пройденный путь.

Вдруг сзади послышался скрип плохо смазанных колес телеги. Коля остановился у края дороги. Когда телега поравнялась с ним, извозчик резко подтянул вожжи себе и громко крикнул:

-Тпру-у-у!

Лошадь встала.

-Куда держишь путь в одиночестве, молодой человек?- спросил извозчик.

-Хочу навестить родственников в Вертепе и Щельяюре, давно у них не бывал. А в Ижму они приезжают редко.

-Чей же ты, такой смелый, сын, коль вышел на такой длинный путь, и притом пешком?- допытывал Колю пожилой человек с глубокими морщинами на лбу, впалыми серыми глазами, белыми, как бумага, широкими бровями, как-то, неприлично, маленьким ртом с тонкими губами.

-Я Николай Филиппов, старший сын Ивана Никитича Филиппов из Вертепа. Прозвище папы было Золотой Вань, он работал заведующим оленеводческой фермой колхоза «Ижма». Пешком пошел в надежде, что кто-нибудь подвезет,- намекнул Коля.

-Хитер малый, сразу же напросился на телегу, тут уже не откажешь. Садись, места тебе хватит. Я хорошо знаю твоих родителей, твоего дядю Илью и твоего дедушку Никиту, царство ему небесное! Я везу груз в Вертеп, родом тоже оттуда. Вот и доедешь до места, значит, тебе, Николай, повезло.

-Но! - дернул вожжи извозчик, и лошадь тронулась с места.

Ехали молча, редко задавая друг другу кое-какие вопросы. Иногда Коля соскакивал с телеги, шел за телегой пешком, опираясь на палку, разминая ноги. Он угощал хозяина повозки своей провизией, а тот его своей. По пути из ручья напоили лошадь, и до самой деревни она шагала ровным, мирным шагом. Дед не принуждал лошадь к бегу. В Вертеп приехали уже затемно. Извозчик подъехал прямо к конюшне, распряг лошадь и передал ее конюху.

-А тебе, милый, прямо через поле. Эта тропинка приведет тебя к дяде Илье, - объяснил извозчик Коле.

В доме Ильи Никитича было темно, все уже спали. Коля постучал в дверь и в коридоре послышались шаги. Дверь открыл Илья, проводил племянника в комнату и зажег керосиновую лампу, затем поставил перед ним кружку молока и положил кусок хлеба. Без долгих разговоров легли спать. Коле постелили на полу.

В первый день Коля знакомился с ребятами. Они вместе ходили к речке, играли в лапту, городки, и, как-то быстро прошел день. Во второй день пошли на реку Ижму рыбачить. Быстро собрали червей, соорудили удочки, и через остров пошли рыбачить. Клевало не важно. На четверых поймали несколько окуней, ершей, подъязков. День стоял жаркий и солнечный.

-Ребята, вон там пологий песчаный берег, пойдете туда и там покупаемся, - предложил Коля.

Пошли. Впереди возле крутого невысокого берега шел Коля. Глядя на бурлящую темно-коричневую воду, периодически нагибаясь и отклоняясь от веток ивняка, он заметил средней длины, около одного метра, березку, плывущую по течению. Вдруг эта березка зашевелилась, то всплывая, то скрываясь под водой. Коля понял, что березка, вовсе не березка, а большого размера рыба,

скорее всего раненая. Коля подозвал ребят и показал на воду рукой.

-Стоп! Ребята, в этой мутной воде возле берега плыла вот такая рыбина! - сказал Коля, раскинув руки. Она лежала животом кверху, наверное, раненая.

Ребята смотрели на место, куда указывал Коля, но никакой рыбины они там не увидели.

-Я видел эту рыбу! Правда, честное пионерское! Клянусь! - пытался он убедить ребят.

Мальчишки, нагнувшись, тихо, гуськом зашагали вниз по течению реки.

-Вон она, вон, эта большая рыбина, - закричал один из мальчиков, показывая рукой.

-Не ори так сильно, пугаешь рыбу,- одернул его Коля.

Вначале ничего не было видно, только белая полоска, брюшко большой рыбы.

-Так, все снимаем штаны и заходим в воду, окружаем рыбину и медленно к ней приближаемся. По моей команде все бросаемся на рыбу и выкидываем ее на берег, - инструктировал ребят Коля.

На цыпочках ребята залезли в воду и медленно приблизились к рыбине. Это была большая семга. От радости у всех сперло дыхание. Удача была рядом.

-Ребята, все навалились на нее, толкаем ее на берег,- дал команду Коля.

Вместо того, чтобы этой семге убежать вглубь реки, она почему-то перепутала направление и сама, с большой скоростью поплыла к берегу.

Набросившись на рыбину, ребята вытащили ее на берег и оттащили подальше, на песок. Найдя на берегу палку, они оглушили рыбу ударами по голове.

Восторгу их не было предела.

Нести такую большую скользкую семгу было невозможно. По земле тащить тоже неудобно, да и о камни испортится ее внешний вид. Семгу положили вдоль доки, наломали тонкого, гибкого ивняка. Этим ивняком закрепили рыбу к доске. Чтоб доска не сгибалась, ивняком закрепили доску с сёмгой к жерди, чтоб нести её на плечах, получилось удачно. Рыбу на доске несли по очереди. Проходя мимо домов деревни, убавляли шаг и хвастались своей удачной добычей. Рыбу принесли в дом Ильи Никитича.

-Как вам удалось поймать такую большую семгу? Это самая вкусная рыба. Плавает она по фарватеру рек и любит тихие глубокие места для отдыха. Давайте, рассказывайте, как поймали, - удивленно спросил Илья.

Ребята, перебивая друг друга, во всех подробностях рассказали, как было дело.

-А знаете, какая это семга? Это самец. В народе самца называют лохом. После того, как самка семги откладывает икру, самец своим муксом покрывает икринки, охраняя тем самым свое потомство. После появления маленьких рыбешек, мальков семги, у самца на нижней челюсти начинает расти острый длинный зуб. Лох перестает есть, худеет и постепенно начинает убивать сам себя. Этим острым зубом он разбивает себе верхнюю челюсть и, обессилев, погибает. Вам повезло, что рыба была еще живой. Обычно лохи попадают в глубокие речные ямы, оседают на дне и гниют, - рассказывал Илья Никитич.

ПЕЧОРА.

На следующий день во время завтрака в дом пришла посыльная из правления колхоза. В это время только начали завтракать, все сидели за столом.

-Здесь остановился старший сын Ивана Никитича Филиппова, Николай, из Ижмы?

-Да, вот он, а что случилось?- спросил Илья.

-Нам позвонили и сообщили, что Ивана Никитича пригласили на постоянную работу в Печору. Они уже собрали вещи и срочно ждут возвращения сына. У нас сегодня идет машина в Ижму, председатель просила, чтоб Николай собрался и на машине приехал в Ижму.

-Ну, надо так надо, жаль, что мало побыл. Мы соберем тебе гостинцы, кусок твоей семги и еще кое-что. Спасибо, что навестил, - сказал Илья, глядя на Колю.

Коля попил молока с хлебом, в школьную сумку сложили еду, и он вместе с ребятами отправился в правление колхоза. В кабине машины сидел шофер. Из конторы вышла в цветастом платье женщина, в черных блестящих туфельках и села в кабину рядом с шофером.

-Мальчик, поднимайся в кузов. Там есть скамейка,- сказала женщина.

Коля попрощался с ребятами, поднялся в кузов, и машина тронулась с места.

День был хороший, хоть и появлялись небольшие облака, но дождя не было. Сидеть на скамейке было плохо, трясло. В кузове груза не было, кроме запасного колеса. От встречного ветра у Коли замерзла спина.

Коля перетащил запасное колесо ближе к кабине, сел на него и довольно удобно доехал до Ижмы.

Возле дома Филипповых стояла машина. Соседи помогали выносить вещи из квартиры, а отец укладывал их в кузов.

-Ах, беглец, наконец-то появился, хорошо, что успел, а то ждть бы долго мы тебя не стали, - сквозь зубы сказал Иван Никитич.

Коля положил сумку на ступеньку возле дверей машины, а сам зашел домой, чтобы помочь выносить вещи. Дома встретили его братья, они обнялись. Мама поцеловала сына, как всегда, плача, и утираясь кончиком платка свои глаза.

Между делом Коля забежал на чердак. Его «кровать» и столик были на месте. Еще раз, взглянув на них, он спустился вниз, не переставляя лестницу, скрываться больше не было необходимости.

Пелагею оставили в Ижме, у соседей. Она молча вытирала свои слёзы белой тряпочкой.

До Щельяюра ехали на машине. В Щельяюре вещи перегрузили на большой, белый пароход «Советская республика».

В Печоре семью Филипповых встретила машина. Прибывшие рабочие из поселка «Макаронная фабрика» загрузили вещи и семью повезли за семь километров от города. Они разместились в квартира барачного типа, отштукатуренной с двух сторон и окрашенной зеленой краской снаружи. В бараке было два подъезда, на две квартиры. Обе квартиры имели две комнаты и кухню. Ранее на месте поселка располагалась зона, где содержали заключенных. В то время еще не везде были убраны заборы из досок с колючей проволокой. Между

поселком и городом было раскорчевано большое поле с развороченными корнями деревьев. Это поле предназначалось для взлётно-посадочной полосы строящегося Печорского аэропорта. Рядом проходила железная дорога Москва-Воркута. Поселок был построен на небольшой возвышенности, а далее болота. Ближе к реке, рядом с будущим аэродромом располагалось кладбище, где хоронили умерших заключенных и гражданских лиц.

Ивану Никитичу Филиппову предстояло в этом поселке построить макаронную фабрику. От зоны заключенных оставался один небольшой двухэтажный дом, видимо, предназначенный для складских помещений, все остальные строения - бараки.

Для начала нужно было обеспечить нормальным жильем рабочих, приглашенных специалистов по производству макаронных изделий и механизаторов, приобрести и установить необходимое оборудование. Иван Никитич в городском комитете партии требовал знающего и образованного главного инженера, технолога, так как образование его самого ограничивалось всего тремя классами сельской приходской школы. В горкоме партии ему ответили, что таких кадров в городе Печоре пока нет, но, как появятся, обещали помочь. В министерстве пищевой промышленности Коми АССР, в городе Сыктывкаре, Ивану Никитичу ответили так же, как и в горкоме партии, только обещали.

-Иван Никитич, ты фронтовик, разведчик, прояви свою инициативу, находчивость. С оборудованием мы вам поможем, есть котлы в Кировской области, в ближайшее время выкупим, привезем, установим. Штатное расписание кадров у тебя есть, финансирование открыто, главный бухгалтер у тебя тоже имеется, кстати,

она живет с тобой в одном доме. Я знаю ее по Сыктывкару, она хороший работник и финансист. Так что, приступай к работе без промедления, - закончил свою речь министр пищевой промышленности и пожал Филиппову И.Н. руку.

В тот же день Иван Никитич вернулся в поселок. На следующий день он собрал рабочих, назначил ответственных лиц, с которыми обозначил самое необходимое для начала работы.

Для начала решили установить телефонную связь с городом, подключить радио, также приступили к ремонту домов.

Вскоре поступило оборудование, прибыли специалисты монтажники. К зиме нужно было закончить основные работы.

Ребят школьного и дошкольного возраста в макаронной фабрике было не так много.

Братья Филипповы обошли поселок вдоль и поперек, побывали на кладбище, побегали по строящейся взлетно-посадочной полосе аэропорта Печоры.

УЧЁБА.

Подходило время учебы. Так как в обеих школах города не было свободных мест, детей Филипповых определили в дальнюю школу, барачного типа, расположенную возле реки Печоры. В холодное время года школа обогревалась печным отоплением.

Иван Никитич сходил РОНО, где его обнадежили, сообщив о том, что новая школа уже строится, а эта, старая, пойдет под снос. Дети макаронной фабрики будут ходить в новую пятую школу.

Ребятам к школе купили все принадлежности. Обеим сыновьям отец купил портфели, пеналы, тетради, чернила, ручки, карандаши.

Первого сентября все школьники, мальчики и девочки, собрались возле конторы фабрики в надежде на то, что их подвезут до школы.

-Ребята, на сегодняшний день у нас нет ни лошади, ни телеги, ни машины. Я хотел бы вас всех подвезти к школе, но не на чем. Давайте, организованно, все вместе, пойдем пешком, - заявил директор фабрики.

Иван Никитич Филиппов сам проводил ребят до школы, зашел к директору, дождался первого звонка. К своим сыновьям он не подходил, наблюдая за ними со стороны. Братья все это время держались друг друга, разговаривали. Они тоже иногда поглядывали на отца, с хитринкой, мимолетом.

Вскоре из Сыктывкара поступило сообщение о том, что есть новая грузовая машина для макаронной фабрики, и ее нужно получить. Иван Никитич договорился насчет шофера с директором Печорского пассажирского АТП, потому что в его коллективе такого водителя не было.

Директор Печорского АТП посоветовал Филиппову И.Н. принять на работу Канева Альберта Федоровича водителем на макаронной фабрике, проработавшего в АТП пять лет. Альберт Федорович был родом из Мохчи, фронтовик, семьянин, в Печоре проживал на частной квартире.

-Раз надо, значит надо, все равно мой старый автобус на ремонте, - сказал Альберт Федорович. Сегодня получу командировочные и поеду в столицу республики.

Попрошавшись с директором АТП и поблагодарив его за помощь, следом за Каневым вышел из кабинета Иван Никитич.

Получив командировочные, мужчины вместе отправились к Альберту Федоровичу домой.

Альберт Федорович представил жене Ивана Никитича, подчеркнув его должность. За чашкой чая Иван Никитич предложил ему работу на макаронной фабрике в качестве водителя, дав ему время на раздумье.

Иван Никитич вытащил из кармана пиджака бумажник и, отсчитав деньги, передал их Каневу А.Ф.

- На эти деньги в Сыктывкаре вы приобретёте бензин и смазочные материалы, - сказал Филиппов И.Н.

-Если будут какие-то сложности, обращай сразу к министру пищевой промышленности Коми АССР, скажи ему, что обращаешься от моего имени. Он тебе поможет.

Через неделю Альберт Федорович пригнал новую машину и поставил около входа в контору.

После приезда в посёлок Канев зашел в кабинет Филиппова. Передал ему ключи и документы на машину.

-Машина новая, удачная, двигатель работает нормально. И еще, я тут посоветовался с женой и решил перейти на постоянную работу шофёром в вашу контору. Оклад водителя, конечно, меньше, чем в АТП, но можно попробовать,- заявил Канев.

-Здесь мы вам выделим квартиру, найдется работа и вашей жене, правда детям далековато будет ходить в школу, но ведь теперь есть автотранспорт.

Пока позволяла погода, на макаронной фабрике оперативно подготовили фундаменты для котлов,

бойлеров, механизмов для сушильного оборудования. Министерство пищевой промышленности оказывало вновь строящемуся предприятию помощь, обеспечивая строительными материалами, специалистами по строительству и монтажу оборудования, а рабочую силу выделила местная власть.

До наступления морозов была пущена в эксплуатацию котельная. За короткий промежуток времени построили баню, тарный цех, склад готовой продукции, открыли парикмахерскую, магазин. Так, очень быстро, поселок «макаронка» получил основные жизненно важные объекты для нормального проживания.

Водитель, Альберт Федорович, с семьей переехал жить в поселок. Иногда, по утрам, он возил детей в школу, но это случалось не так часто. В большинстве случаев машина была занята на хозяйственных работах.

Первой продукцией, освоенной макаронной фабрикой, были фирменный квас и брага. Для реализации товаров фабрики открыли специальный магазин на высоком берегу Печоры, недалеко от спуска на пристань, и торговую точку в центре города. Для перевозки груза получили вторую грузовую машину.

Зима вступала в свои права, покрывая землю морозами. Выпал снег. Река Печора покрылась шугой, которая медленно шла вниз по реке. Улетели перелетные птицы. Совхозных коров и лошадей завели в хлева.

Перейдя на зимнюю форму одежды, школьники ежедневно преодолевали пешим детским ходом семикилометровое расстояние, от макаронной фабрики до школы и обратно. Ребята сильно уставали, но занятия в школе не пропускали, учились хорошо, на трудности не жаловались.

В горисполкоме и РОНО Иван Никитич Филиппов неоднократно поднимал вопрос о перевозке детей городским автотранспортом, но ему постоянно отказывали, ссылаясь на то, что в поселке слишком мало детей-школьников. В министерстве же пищевой промышленности, куда Иван Никитич тоже обращался, его и слушать не хотели, ссылаясь на районных властей.

Родители школьников купили своим детям лыжи и лыжные палки, обеспечив, таким образом, посещение школьных занятий. Со стороны РОНО и горисполкома поступали предложения о размещении школьников "макаронки" в школе-интернате, где бы они могли учиться и питаться, а по выходным дням навещать родителей. Но школьники без взаимной договоренности, все, как один, наотрез отказались от этих услуг. Дети хотели жить со своими родителями. Так, эпопея со школой-интернатом была закрыта.

Как всегда, после обильного снегопада или пурги, первым прокладывал лыжню Коля, следом за ним шел Гена, а дальше остальные. Замыкала цепочку старшеклассница, дочь главного бухгалтера, Галя, рыжая, тоненькая, конопатая, с изогнутыми вверх рыжими ресничками и большими голубыми глазами. В школе она была единственной солнечной, летающей по коридору, девочкой. Занималась Галя в секции бокса и гимнастики, на снарядах, поэтому перед парнями могла постоять за себя и ребят макаронной фабрики.

Малыши в моменты школьного марша на лыжах часто останавливались: то почистить прилипший к лыжам и валенкам снег, то они просто уставали, то кому-то в этот момент обязательно сходить по нужде. По причине задержек приходилось раньше вставать и раньше выходить из дома. Они собирались возле барака,

что стоял при выходе из поселка. Когда все были в сборе, лыжная команда выдвигалась в путь.

Юлия Андреевна каждое утро поднималась первой, ставила на электроплиту чайник, будила мальчишек, а сама снова ложилась отдыхать. В то время она носила в себе уже четвертого ребенка и по причине беременности не работала.

Зимой вокруг поселка появилось множество куропаток. Они часто садились рядом с домами. Коля изготовил силки для их ловли и начал охотиться. Рано утром, когда все еще спали, Коля уходил на лыжах туда, где кормились куропатки, и ставил силки. Перед уходом в школу он бежал и подбирал попавших в силки куропаток, их иногда собиралось до двадцати штук за одно утро. Коля заносил добычу домой и оставлял в коридоре на тумбочке. Юлия чистила их, готовила супы, куропаток раздавала соседям.

По пути в школу, уже в черте города, ребята заходили в столовую погреться и попить чай. На столах был нарезанный кусочками хлеб, соль, перец, горчица. С разрешения работников столовой, дети брали по кусочку хлеба, посыпали солью и, подкрепившись, шли дальше в школу.

20 февраля 1950 года Юлию Андреевну увезли в родильное отделение больницы речников. В тот же день вечером она родила четвертого мальчика.

Через неделю ее выписали. В больнице ей выдали комплект пеленок для младенца, хотя Юлия уже заранее готовила пеленочки, распашонки, носочки, рассчитывая на девочку. Иван Никитич привез из города детскую кроватку-качалку. Но зыбка, которая когда-то была в Вертепе, казалась Юле намного удобнее, нежели эта новая кроватка, так как прямо рядом с зыбкой можно

было кормить ребенка, а в качалке бортики были очень высокие, и, поэтому, каждый раз приходилось брать ребенка на руки.

Имя новорожденному дали Никита, в честь Никиты Ивановича Филиппова, отца Ивана Никитича.

ПЛОТ.

Солнце светило так ярко, что резало глаза. Снег начинал таять, и в школу ходить становилось все тяжелей. Школьники с "макаронки" были предоставлены самим себе. Никто за ними не смотрел и не контролировал. Взрослые не вникали в их трудности и сложности посещения занятий. Если раньше директор макаронной фабрики Иван Никитич Филиппов, как-то проявлял заботу, изыскивал какие-то возможности по доставке детей в школу, то в последнее время они его интересовали перестали. В связи с увеличением производства, дополнительными заботами и хлопотами дети-школьники выпали из его поля зрения.

Заканчивался учебный год. Обильная снегом зима дарила весне большое количество паводковой воды. Земля была еще мерзлой, не брала в себя воду, а держала на поверхности. Воде было некуда деться, и она заполняла собой болота, низины, дороги, подвалы. В низинной части поселка затопило дома. Жильцы этих домов поднимали вещи на чердаки.

Ребятам, зато, было весело. Коля с Генной и Толиком Макаровым соорудили из бревен плот, а чтобы бревна не расходились, поперек их сложили старые доски и закрепили гвоздями. Гвозди были ржавые, доски гнилые, а бревна от разобранных старых лагерных барачных бараков. Над строительством плота ребята трудились целых три дня.

Без согласования с Колей и Геной, Толик решил опробовать ход плота. Вооружившись короткой палкой, он отплыл недалеко от берега. Палка его сломалась, и бревна начали расходиться. Толик растерялся и прыгнул в ледяную воду. Хорошо, что там было не так глубоко и кругом росли кустарники, березы, кочки. Плот он не бросил. Весь замерзший, Толик причалил его к берегу и пошел домой. На другой день он заболел, и его увезли в больницу с воспалением легких. Жили они вдвоем с мамой, отец погиб на фронте.

Имея горький опыт, братья Филипповы нашли веревку, проволоку, хорошие доски, и намертво укрепили плот. Они подготовили длинные жерди, из досок вытесали весла и, взяв с собой еды, решили пуститься в плавание по затопленному водой болоту. Инициатором этой идеи был Гена, Коля согласился с этим.

Братья загрузили на плот две круглые чарки вместо табуреток, отвязали его и поплыли. Удивлению и радости не было предела. Вот, они, братья, сами соорудили плот и плывут. Хорошо, что на болоте нет течения, как на реке. Коля с Геной остановили плот, чтобы перекусить. Они уже немного устали и решили вернуться к берегу. Мальчишки посмотрели по сторонам, а берега не видно кругом кусты, лес и вода. Под яркими лучами солнца, огибая толстые березы, сосны, кустарники и кочки, они заплыли куда-то далеко, что не стало видно поселка. Только где-то, в стороне, был слышен стук колес проходящих паровозов. Вначале оба растерялись, но потом договорились плыть на стук колес.

-Коля, давай гребь быстрее, здесь глубоко, шест не достает до земли болота.

-Ничего, болото не очень большое, так что слишком далеко заплывать мы не могли. Вот только у меня начинают мерзнуть ноги. Я замочил их во время посадки на плот.

-Коль, Коль, там, на кочке, кажется, сидят зайцы!

-Не вижу, где?

-Да, вон, смотри, видишь, они шевелят ушами?

Коля все-таки разглядел трех зайцев, толкающихся между собой.

Услышав голоса, зайцы забеспокоились, сложили уши и прижались к земле.

Ребята почти вплотную подвели плот к кочке. Зайцы в страхе начали прыгать друг на друга, но в воду, почему-то, никто из них прыгнуть не захотел.

-Коля, они все равно здесь погибнут. На плот мы их не заташим. Давай лучше оглушим их жердями.

-Давай.

Ребята подвели плот совсем близко к кочке и взяли в руки жерди, но первым никто ударить по спокойно сидящим зайцам не осмеливался. Тогда Гена, осмелев, размахнулся и ударил жердью по зайцам. Коля тоже развернул свою жердину и ударил. Они били по ним несколько раз, и на кочке все стихло. Гена отвернулся, а Коля собрал мертвых зайцев и разложил их на середине плота.

Где гребли, где толкались жердями, но как-то совсем быстро доплыли до берега. Ребята прижали к земле плот. В промежутке между бревнами Коля со всей силой заглубил жердь в землю. А с другой стороны привязал плот к небольшой елке.

На этот раз, сооруженный ими плот, выдержал все испытания.

Барак, где жили Макаровы, находился близко от дома Филипповых. По дороге мальчики решили занести маме Толика одного зайца.

Елена Ивановна сидела у окна и вышивала. Увидев друзей своего сына, она подошла к двери.

-Вам чего надо? - спросила она.

-Нет, ничего нам не надо. Мы с братом сегодня поймали трех зайцев и решили поделиться с вами. Толику нужно хорошо есть, тогда он быстрее поправится, - сказал Коля.

Коля быстро выбежал на улицу и занес в дом большого зайца.

-Что мне с ним делать, я не умею разделять зайца? - смутилась мама Толика.

-Занесите дяде Мише. Он бывший охотник, поможет вам, - сказал Коля.

Дома братья разделись и прошли в комнату, зайцев оставили в прихожей. Родители сидели за столом. Из-под стола Иван Никитич выставил два портфеля, которые Коля с Геной впопыхах забыли убрать.

-Где вы были целый день? - строго спросил их отец.

-В школе идет повторение, а эту тему мы хорошо знаем. Мы построили плот и решили немного поплавать. Получилось так, что мы поймали трех зайцев. Одного отдали маме Толика, а двух других принесли домой. Вон, в коридоре лежат, - оправдывался Коля перед отцом.

Коля мигом сбегал, притащил зайцев и положил их у печки.

-А если бы с вами что-нибудь случилось. Мы бы даже не знали, где вас искать. Хоть у меня сегодня и хорошее настроение, но наказание вы заслужили. Марш, по углам, оба, на десять минут! - прикрикнул Иван Никитич.

После того, как мальчики отстояли по углам комнаты свое время, мама пригласила Колю с Геной за стол. Она подала им покушать и тоже прочитала мораль насчет плавания на плоту.

Перед школой, рано утром, братья отправились проведать свой плот, но на месте были только весла, а плот исчез. В недоумении мальчики прошлись вдоль берега, залитого водой. Плота нигде не нашли. После занятий они решили походить вдоль железнодорожного полотна, но и этот поход не дал результатов. Куда подевался их труд, ребята так и не узнали. Оставалось лишь догадываться, что Иван Никитич дал указание своим рабочим разобрать плот и сжечь в котельной. Но спросить об этом отца они не посмели.

Через неделю из больницы выписали Толика. Он предложил построить второй плот, но братья Филипповы не захотели, потому что вода пошла на убыль.

Пришло время каникул. Теперь ребята часто наблюдали за тем, как строится взлетно-посадочная полоса Печорского аэропорта.

-Коля, нам в городе дают квартиру, ты рад? - спросил как-то у Коли отец.

-Конечно, рад, в школу будет ходить близко. Я очень хочу жить в городе.

-Тогда давай завтра съездим и посмотрим эту квартиру, - предложил Иван Никитич.

На следующий день Коля с отцом поехали в город. Их новая квартира находилась в кирпичном трехэтажном доме, в третьем подъезде. Комнат было тоже три. Квартира была пустая, с высокими потолками и большими окнами, она казалась очень большой.

-Сынок, ты только пока маме ничего не говори, что мы с тобой были в новой квартире. Это пока секрет.

-Понял. Ничего не скажу.

После просмотра новой благоустроенной квартиры прошло больше месяца, а отец почему-то молчал о переезде в город. Эту квартиру получила семья фронтовика Терентьева, в которой было шестеро детей. Сам Терентьев работал шофёром в макаронной фабрике. Тогда Коля понял, что отец уступил предназначенную ему благоустроенную трехкомнатную квартиру человеку, который больше в ней нуждался.

ПРОИЗВОДСТВО.

Чтобы расширить производство и увеличить объем и ассортимент макаронных изделий, Иван Никитич Филиппов несколько раз ездил в министерство пищевой промышленности республики. Он добивался ускорения поставки второго котла, дополнительного оборудования и строительства двух двухэтажных домов для рабочих предприятия, так как существующие бараки стали непригодны для проживания людей, они гнили и уже начинали сыпаться.

Он добился приезда в посёлок работников министерства пищевой промышленности республики и представителей городских властей для определения состояния жилого фонда фабрики. Осмотрев все дома на предмет их дальнейшей эксплуатации, комиссия

составила заключение, что бараки на девяносто процентов непригодны и подлежат списанию с баланса предприятия. Комиссия предложила министерству пищевой промышленности выделить средства на строительство двух двухэтажных дома в кирпичном исполнении. Акт проверки подписали все члены комиссии. Инициативу по проверке жилого фонда проявил Иван Никитич, чем был крайне возмущён сам министр пищевой промышленности республики.

-Иван Никитич, у тебя большие сложности с выпуском готовой продукции, еле-еле выполняешь план, а требуешь автобус, бойлер, генераторы, котел. У тебя появились большие запросы. Теперь еще требуешь строительство двухэтажных домов, не много ли ты хочешь? - сетовал министр.

-Василий Иванович, вы же сами видели, в каком состоянии поселок, все начинали с нуля, везде разруха, я прошу у вас только самое необходимое.

Наступила школьная пора. Ребятам купили новые формы и новые школьные принадлежности. За лето ребята успели подзагореть и набраться сил. Они накупались в озере, где вода не очень чистая, но теплая, наловились рыбы, особенно на щучьем озере. Щуку ловили жерлицами на линька. Щука хватает живого линька и попадает на крючок. Жерлица (рогатка) крутится, распуская накрученную на нее жилку, а жилка привязана к дереву. Таким образом, щука гуляет по озеру с крючком в животе на длинной свободной леске. Если жерлица висит и шевелится, значит, линь жива и ждет своего хищника. А если жерлица распущена - щука клюнула и рыба твоя.

Первого сентября Иван Никитич заказал автобус из Печорского пассажирского АТП. Первыми в автобус сели

трое мальчиков первоклассников. Такое количество первоклассников в один год было целым событием для маленькой макаронной фабрики.

Как-то раз, делая домашнее задание, Коля услышал разговор родителей.

-Ваня, я, наверное, снова попалась, меня часто тошнит и появились прихоти к соленой еде, у меня давно не было «месячных», я не знаю, что делать?

-Делать ничего не надо. Надо рожать. Ты только слишком не напрягайся, не носи тяжести и не расстраивайся. У нас еще нет девочки. Пока девочку не родишь, будешь рожать, хоть десять мальчиков. Девочка нужна, она будет тебе помощницей на старости лет.

Узнав тайну родителей, Коля долго присматривался к маминому животу.

-Живот как живот, - думал Коля, ничего особенного.

Об этом секрете он ничего не говорил брату, боялся, что тот проговорится, хотя Гена всегда держал данное им слово. Но в начале зимы мамин живот стал заметен. Все открыто начали говорить, что семья Филипповых скоро пополнится еще одним человеком.

8 декабря 1951 года Юля родила девочку.

Из больницы через неделю их выписали. По такому случаю Иван Никитич спросил по телефону у директора пассажирского АТП, с которым был в хороших отношениях и попросил служебную легковую машину, чтоб перевезти в посёлок жену с дочкой.

-Ваня, через пять минут автомашина будет возле больницы. С водителем я посылаю тулуп, укутай их потеплей. Еще раз поздравляю тебя с рождением твоей дочурки!

Сначала в дверях вестибюля больницы появилась Юля, а за ней врач и медсестра с ребёнком в руках. Она передала малышку Ивану Никитичу, а врач отдала Юле пакет с детскими принадлежностями. Отблагодарив медработников, они, счастливые и довольные, вышли на улицу и сели в машину.

-Ваня. У тебя есть сестра Настя, у меня тоже есть сестра и тоже Настя. Давай и дочку нашу так назовем, Настенькой.

-Я думал об этом. Значит, мы думали одинаково.

Прошедшая зима была теплей, чем нынешняя. Макаронная фабрика получила вторую котельную, уже бывшую в употреблении. Котел поступил в неполном комплекте, некоторые детали отсутствовали. Иван Никитич сообщил министру пищевой промышленности республики о неполной комплектации котла и попросил доукомплектовать недостающие детали. Министр заявил, что с этим вопросом лучше обратиться в милицию или попробовать найти их своими силами, например, договориться с руководством РЭБ Печерского речного пароходства, там, вроде, имелись такие же котлы.

Кроме того, уже от прибывшего котла были украдены ряд важных дефицитных деталей. Об их пропаже создали специальную комиссию с участием ОБХСС, которая заключила, что оборудование котла сохранялось не надлежащим образом. Виновным в этом вопросе признали директора макаронной фабрики Ивана Никитича Филиппова, не смотря на то, что в момент проверки котел еще не был передан на баланс макаронной фабрике, то есть не был составлен акт приема-передачи.

Иван Никитич тяжело переживал обвинение. Он уже смог приобрести некоторые детали котла из частных рук,

но по тем временам это считалось противозаконным. Иван съездил к министру пищевой промышленности и попросил, чтоб он, без большой волокиты, помог пустить котел в эксплуатацию.

Министр разобрался и понял, что директор макаронной фабрики не виновен в пропаже деталей, желает ускорить процесс установки котла. Он предложил Ивану Никитичу Филиппову другую должность в городе Сыктывкаре, но он от этой должности отказался. Ему не хотелось вывозить свою семью из Печоры в другое место жительства.

ЗЕМЛЯНКА.

От предложенной благоустроенной трехкомнатной квартиры в городе Печоре директор макаронной фабрики Филиппов Иван Никитич отказался в надежде на то, что ему выделят квартиру в городе немного позже. В эту квартиру поселился водитель его предприятия Терентьев.

Иван Никитич уволился с этой работы и решил свою семью перевести в город. Он повторно обратился в горисполком с просьбой о выделении ему благоустроенной квартиры, но там ему заявили, что в настоящее время свободного жилья для его семьи нет. Пустовала только одна двухкомнатная квартира в землянке, которая подлежала сносу. Тогда семья Филипповых, не задумываясь, решила перейти на временное проживание в землянку. Землянка была расположена на высоком песчаном берегу реки Печоры, рядом с зданием управления треста «Печорлесосплав».

Перед тем, как переехать из посёлка в город, Коля с отцом неоднократно навдывались в землянку: то доски пола подтянуть, то ступеньки заменить в коридоре, то

двери поменять, отремонтировать подоконники. В общем, работы в полуразрушенной землянке было много.

В последний день перед отъездом в город, когда уже были упакованы вещи, Коля с Геней решили попрощаться с местами, где они не без трудностей, но так весело и интересно проводили время. К их бараку подъехала грузовая машина. Пока загружали вещи, мальчики разговаривали в кругу своих друзей.

-Коля, ты будешь теперь ходить в другую школу, и мы не сможем часто встречаться, но дружить мы все равно будем, как раньше, - оптимистично заявил Толик.

Юля с двумя маленькими детьми села в кабину. Иван Никитич помог подняться в кузов Коле и Гене и поднялся сам. Двое рабочих уже находились в кузове. Глава семьи стукнул рукой по кабине, и машина медленно тронулась с места.

Жители макаронной фабрики завидовали в душе, что Филипповы переезжают в город, но они и понятия не имели, что жить этой семье придется в ветхой землянке.

-Город есть город. Жить в городе все-таки лучше, чем в макаронной фабрике, - думали жители посёлка.

Чтобы не задерживать машину и рабочих, вещи заносили в землянку и складывали их в угол. Последней в квартиру зашла Юля с маленькой дочкой в руках.

-Коля, зачем мы переехали жить в этот сырой, старый, развалившийся подвал? - спросил Гена.

-Так решил папа. Это наше временное жилье, а потом нам дадут благоустроенную квартиру. И вообще, все мечтают, чтоб из "макаронки" перебраться в город, да к тому же здесь школа близко, - настраивал Коля своего брата на положительный лад.

Жилье в землянке состояло из двух комнат, одна почему-то выше другой, пахло сыростью, было темно, местами обвалилась штукатурка. Под штукатуркой находились дранки, то есть тонко нарезанные полоски сосны, шириной до двух сантиметров и длиной до одного метра. Они были прибиты к доскам внутри комнаты под углом друг к другу на расстоянии пяти-шести сантиметров, образуя ромбики.

Пол землянки находился почти на двухметровой глубине ниже уровня земли. Окна были двойные, оконные рамы выглядели, как решетки, и выступали над землей всего на восемь-десять сантиметров. Кровля землянки была из досок, покрыты сырым мхом, полы из досок, которые прибиты на гнилые поперечные лаги, и заметными между досками щелями разной ширины. Одна сторона землянки была засыпана до самой крыши песком. Рядом стоял сарай из горбыля с двумя дверьми, на две семьи.

Иван Никитич, рассчитавшись с водителем и грузчиками, зашел домой и увидел, что члены его семьи сидят в ожидании хозяина.

-Отдохнули немножко? Теперь давайте расставлять по местам вещи, - распорядился он.

Кровать-качалку поставили рядом с родительской койкой. Ту комнату, что повыше, решили сделать детской, и туда занесли две кровати. В центре зала установили длинный стол. Коля сбегал за дровами и затопил печь. Потом он спустился к реке за водой. Спускаться было гораздо легче, чем подниматься с тяжелыми ведрами по высокой, крутой, песчаной горе. Поставили самовар, заварили чай. Вещей было не так уж много, поэтому порядок навели быстро.

Первыми, с кем познакомилась семья Филипповых, были Калинины. Муж Калининой Анны Ивановны погиб на фронте. Старший сын ее, Калинин Леонид Андреевич, после окончания института работал в тресте "Промстрой" "Главкомгазнефтьестроя" и жил с семьей в городе Ухте. Дочка Сима, актриса, с семьей жила в Сыктывкаре, дочка Валя, бухгалтер, проживала с семьей в Печоре. Вместе с Анной Ивановной в бараке проживал сын Володя и младшая дочь Люся.

Ребята подружились с Калининым Володей, на два года моложе Коли, не по возрасту голос его был басистым, рос симпатичным мальчиком. В семье он считал себя хозяином, и все хозяйство: дрова, воду, огород, взвалил он на свои плечи. У Володи были "золотые" руки; он сам, по своему проекту, построил лодку.

Дети Ивана Никитича начали ходить в школу №1, где уже учились дети Калининой А.И.

Отец купил для Коли небольшую одноместную лодку. Оба мальчика, рано утром, если позволяла погода, брали удочки с мушками для ловли хариуса и наперегонки спускались по песчаному берегу к своим лодкам. Ребята быстро их отвязывали от привязи, крепили к корме лодки свои удочки и плыли вверх по течению реки к перекату. Они знали, где нужно ловить рыбу, и до начала занятий в школе успевали её почистить.

Володя Калинин и его сестра Люся учились хорошо, а вот подвижный мальчик Коля был не в особом почете у преподавателей. Он носился по коридору, придумывал различные игры среди ребят, часто участвовал в драках, иногда со старшеклассниками.

Как-то в школе организовали изостудию. Коля записался в этот кружок и часто оставался после занятий. Он рисовал карандашом и акварелью. На доске среди лучших рисунков кружка почти целый месяц висел портрет писателя Антона Павловича Чехова, нарисованный Колей, с аннотацией преподавателем кружка.

На игровой площадке перед сосновым парком Коля любил играть с ребятами в городки. Для этого они заготовили бабки и палки. В свободное от домашних работ время, мальчики играли в лапту.

Зимой землянку заносило снегом до самой крыши. Каждый день приходилось чистить входную дверь, так как она находилась ниже уровня земли.

-Коля, давай сделаем лестницу и соорудим лаз через крышу. Вдруг пурга совсем занесет нашу землянку?-предложил Володя.

-И правда. Это будет наш запасной выход. Мы хоть тогда в школу опаздывать не будем, - согласился Коля.

Иногда с крутой, высокой горы ребята катались на лыжах. Они не боясь ни трамплинов, которых сооружали сами, ни крутых спусков. Особенным любителем такого вида развлечений был Коля, в то время как Вова с Геней рисковать не хотели, предпочитая более пологие спуски.

Во дворе всегда стояла гора снега, и мальчишки до синяков боролись за захват высоты, кто дольше продержится на самой вершине. Чаше других и дольше держался Коля, а Вову это злило, и он иногда пускал в ход кулаки, хотя от Коли он получал сполна.

Сосед из рядом находившегося барака, Микушев, занимался шорным делом, шил сапоги, подшивал валенки, ботинки. Он часто заходил к Филипповым в

гости. Микушев бесплатно ремонтировал обувь детей Ивана Никитича. Жена Микушева ругала мужа за то, что он оставлял много мусора после своих работ.

Частенько заходили соседки из ближних барачков и частных домов со своими заказами на выделку шкур, камыса, пошивки пим и шапок. Юля неплохо владела этим мастерством, в чуме женщины оленеводов научили ее выделывать шкуры, шить меховые изделия, и это ей пригодилось, так как зарплата Ивана Никитича на новой работе была сравнительно небольшой.

Все приходящие к Юле женщины нередко любовались маленькой красивой девочкой Настей. Они брали ее на руки, носили по комнате, качали. Девочка всегда была спокойной, а тут начала капризничать, постоянно плакать, ее явно что-то беспокоило.

-Юля, твою Настеньку сглазили, надо снять с неё порчу, - предложила соседка, жена шорника Микушева.

На следующий день пригласили врача. Врач осмотрела девочку, послушала, выписала лекарства. Филипповы полностью соблюдали указания врача, но девочка чахла на глазах.

-Коля, сходи, пригласи к нам Микушеву, на нее одна надежда, - попросила Юля.

Николай пошел к соседям и передал просьбу мамы.

-Я предлагала снять порчу с Насти, но твои родители отказались, вот и терпите, - не очень вежливо ответила Микушева.

-Мама не виновата. Просто она рассказала отцу, а он ведь коммунист и в чудеса не верит. Вот и запретил шаманить над дочерью.

-Хорошо. Беги домой и передай матери, чтоб пришла ко мне. Мы с ней тут приготовим кое-что. Но об этом только никому ни слова, тем более отцу.

Коля передал слова Микушевой маме. Она оставила Колю присматривать за сестренкой, а сама побежала к соседке. Коля носил малышку на руках, а та продолжала плакать. Он умел уговаривать малышей и имел в этом деле огромный опыт, но сестричку, видимо что-то сильно беспокоило, и на все его усилия Настенька не реагировала.

Через некоторое время вернулась мама с Микушевой. Соседка принесла с собой посеребренную чашку, сняла платок. Она вымыла свое лицо водой из этой чашки, затем подошла к кровати Насти, раскутала ее, несколько раз перекрестила, что-то шепча себе под нос, и помыла лицо Настеньки. Та скоро успокоилась, но от прикосновений снова заревела. Микушева, сидя рядом, покачала кровать, и Настя успокоилась. Потом Микушева подошла к краю кровати. Набрал полный рот воды, со всей силой брызнула ребенку в лицо и на одеяло. Эту процедуру она повторила три раза.

-А теперь пусть еще немного поплачет, выгонит нечистую силу. Завтра в одиннадцать часов я подойду к вам, только чтоб у вас дома никого не было, кроме тебя, смотри, - предупредила Микушева Юлю.

С этого момента Настя долго спала, не просыпалась. На следующий день, как условились, Микушева пришла снова.

-И как твоя дочка? - сразу спросила она.

-Не знаю. Она со вчерашнего дня все спит, - ответила Юля.

-Давай-ка, разбуди девочку. Мы сделаем еще одну процедуру.

Юля убрала с коляски тюль, медленно распеленала дочку, потрогала ее за ручки, за ножки, потрогала за щечки. Ни на какие тревоги Настенька не реагировала. И, только Юля захотела взять девочку на руки, Микушева ее остановила.

-Юля, ты пока на руки ее не бери, раскрой, распеленай дочку. Пусть тельце немного отдохнет, подсохнет, тогда она и сама проснется. Потом покормишь ее, после примемся за дело. А пока давай-ка попьем чай, я принесла с собой шаньги.

В это время детей Юля отправила к соседям, муж находился на работе.

Пока женщины пили чай, Настенька закричала, подала голос. Тело дочки Юля прикрыла, и, немного подождав, заменила пеленки, покормила.

После еды Настеньку потянуло в сон, но Юля уснуть ей не дала. Она положила дочку на кровать. Микушева снова приступила к лечению.

Эта процедура проходила так же, как и первая. На этот раз принесенной водой она помыла голову, лицо, руки, ноги и тело Настеньки. Настя сопротивлялась, сильно плакала, но Микушева даже ее не успокаивала, делая свое дело. Юля стояла с противоположной стороны кровати и глядела на ловкую работу знахарки. Когда процедура была окончена, Микушева легонько протерла девочку и трижды перекрестила. Потом сама перекрестилась, тихонько шепча молитву себе под нос. Набрав из той же чашки в рот воды, она трижды sprysнула Настю с головы до ног. Девочка орала до посинения.

-Теперь влагу с нее не смывай, заверни в эту же пеленку, хорошенько покорми и сама тоже ложись, отдохни. Не бойся, с твоей девочкой все будет в порядке. Только больше никому чужому в руки ее не давай. Это хорошо, что ты еще во время обратилась ко мне.

Допив свой чай, Микушева оделась и ушла. Деньги, приготовленные Юлей за лечение, она не взяла.

-Ты не дури, Юля, денег мне не надо, я делаю это от чистого сердца, для ребенка, для тебя,- ласково сказала она.

После того Настенька спала спокойно, не отказывалась ни от грудного молока, ни от бутылочки с молоком.

ПЕШНЯ.

Когда река замерзла, покрылась ледяным панцирем, и проход по ней стал свободным и безопасным, Коля прорубил во льду лунки и установил продольники, как вешки бакенщиков, определяющих фарватер для прохода речного транспорта. В этих продольниках всего пять-семь крючков, начиненных червяками и разными другими приманками. Продольники Коля проверял два-три раза в неделю. Проверки производил, в основном, после школы, так как на это уходило много времени. Всю зиму свою семью Коля обеспечивал свежей рыбой, а иногда мама меняла ее на другие продукты.

Как-то раз вырубил он лед вокруг буя и не удержал в руках пешню. Ручка пешни, покрывшаяся тонким слоем льда, выскользнула из рук и ушла под лед. К тому времени Коля успел проверить всего три продольника. В мешке было два средних налима, на полтора килограмма.

Что делать? Коля расстроился. Делать нечего, он вернулся домой.

-Папа, у меня случилась авария, я утопил пешню, успел проверить только три продольника, попались два налима, не знаю, что делать дальше.

-Зевака. На конце пешни надо было сделать утолщение и привязать веревку.

-Папа, я это понял лишь тогда, когда пешня выскользнула из рук. Ты не закажешь где-нибудь вторую пешню, может в пассажирском АТП, там есть кузнец, а директор предприятия - твой друг, он исполнит твою просьбу.

-Попробую, может он и поможет, хотя мы уже не друзья, а просто знакомые.

Через два дня отец принес домой новую пешню. А новую ручку для нее Коля смастерил так, чтобы она больше не смогла выскользнуть из его рук.

ПИРАТ.

В начале марта неожиданно-негаданно к Филипповым приехали оленеводы на двух упряжках и привезли с собой пять оленьих туш.

Однажды Коля пришел со школы, увидел во дворе оленьи упряжки и удивился - на этих санях с особой отметиной когда-то в тундру ездил его отец. Значит, не все друзья забыли отца. Кроме мяса оленеводы привезли отцу в подарок невод с мелкой и крупной ячеей. Невод помещался в один мешок, так как в целях экономии места

в санях, они срезали поплавки и грузила, а положить в сани их забыли.

-Здравствуйте, с приездом в Печору,- поздоровался Коля с своими старыми знакомыми оленеводами, которые сидели за солом, держа в руках стаканы, наполненные водкой.

На столе стояла строганина из оленины, рыбы, и много другой всякой разной вкуснятины. Как взрослого, Колю пригласили за стол. Стесняясь, Коля присел на край скамьи. Дети Ивана Никитича не приучены были сидеть с взрослыми и слушать их разговоры. Когда взрослые сидели и выпивали, место детей было в другой комнате, или еще где-нибудь.

-Как учеба? Чем занимаешься? Хорошо ли в городе?- спросил Канев.

Коля кратенько ответил на вопросы Василия Ивановича и быстренько слинял в свою комнату, где молча сидели его братья и кушали мясо, которое мама поджарила на плите. Когда в детскую вошел Коля, ребята тут же с ним поделились. Среди братьев Коли не было жадных. Они всегда делились всем, что у них было, и никогда не спорили, кому больше, а кому меньше досталось.

Оленеводы в доме Ивана Никитича жили два дня. Мужчины в сарае повесили туши оленьего мяса, подняли их высоко, чтобы не достали крысы и мыши. Сверху прикрыли мешковиной, а снизу концы закрепили веревками.

Они приехали в Печору за покупками и одновременно решили навестить старого товарища. За время их пребывания в гостях у Ивана Никитича было выпито больше ящика водки. Видимо, строганина влияет

на алкоголь - они всегда были трезвыми, веселыми, пели разные песни. И даже когда олениводы уехали обратно в Ижму, загул отца все еще продолжался.

-Коля, сходи в сарай и нарежь строганины, а то на столе уже ничего нет. Режь тоньше, колечками, как ты умеешь, - просил Колю отец.

Взяв отцовский острый нож, Коля открыл сарай, нарезал полую тарелку строганины, закрыл на висячий замок дверь сарая, бросил кусочек мяса своей собаке Пальме. Рядом с сараем Филипповых находился сарай Калининых, в дальнем конце которого стояла собачья будка их собаки Пирата.

Увидев, что Коля кормит Пальму мясом, Пират начал рычать, прыгать, рваться с цепи так, что задрожала собачья будка. Пока Коля угощал свою собаку, Пират сорвался с цепи и напал сначала на Пальму, а потом на Колю. Он схватил Колю за ногу, укусил лицо и, видимо, хотел вцепиться в шею, но Коля отвернулся, к тому же на шее был накручен теплый шарф, поэтому она была только зажата.

Острые зубы Пирата впились ему в правую щеку. Пальма напала на Пирата, кусала и дёргала его. Коля защищался от Пирата, как мог, и, только когда передние лапы Пальмы оказались на плечах у Коли, мальчик вонзил отцовский нож Пирату прямо в живот.

Тот медленно опустил лапы, как-то неловко отскочил в сторону. Но между Колей и Пиратом оказалась Пальма, она вступила в драку с Пиратом. Обе собаки получили ранения от зубов друг друга. Пират быстро терял силы. Он медленно начал отползать к своей будке. Пальма к нему больше не подходила.

Шатаясь, чуть ли не теряя сознание, весь в крови, но крепко держа в одной руке окровавленный нож, в другой тарелку со строганиной, Коля зашел в комнату и поставил тарелку на стол.

-Коля, что случилось, ты весь в крови? - закричала мама.

-Возле сарая на меня напал Пират и покусал, но я защищался, и, кажется, я зарезал его папиным ножом. Если бы он повалил меня на снег, то загрыз бы до смерти.

Колю быстренько раздели, обработали раны, вызвали скорую помощь. У Коли поднялась температура. Скорая помощь быстро прибыла. Врачи обработали раны, сделали укол и выписали лекарства. Температура держалась три дня. Коле не разрешали вставать с постели. Братья от него почти не отходили, преданно глядя в глаза, и гордясь его поведением.

Пока Коля болел, папа вел себя прилично, не приводил гостей и не устраивал в доме веселья.

-Как так получилось, что ты зарезал моего Пирата?-спросил Вова Колю.

-Ты, пожалуйста, не обижайся, этой чистая самозащита. Значит, Пират был плохо привязан, раз напал на меня. Если бы он свалил меня с ног, мы бы сейчас здесь с тобой не разговаривали. Собака твоя - убийца! Пират хотел схватить меня за шею, но мой толстый шарф меня спас. Если бы не Пальма, неизвестно, чем бы все это кончилось. Посмотри, как он покусал Пальму. Твой Пират, наверное, бешеный. Вова, собаку надо правильно воспитывать, учить, а не держать на цепи.

-Мама сначала обвиняла тебя в убийстве собаки, но потом разобралась и поняла, что ты поступил правильно,- оправдывался Вова.

-От зубов Пирата на моей правой щеке остался глубокий шрам и, наверное, он останется на всю жизнь.

-Все пройдет, все заживет до свадьбы, - сказал Вова.

Про храбрость Коли прошелся слух в новой школе. На уроки Коля появлялся в повязке. Всем любопытным мальчикам и девочкам было интересно узнать подробности его схватки с собакой, а после снятия повязок этот случай быстро, сам собой, забылся.

Весна постепенно входила в свои права. Снег таял. На земле появились тёмные проталины. Берега реки Печоры потемнели, лед разбухал, по берегам появились темно-синие заводи. Занятия в школе подходили к концу. Солнце и тепло манили ребят на улицу.

Однажды Иван Никитич подозвал к себе Колю и начал разговор, внимательно поглядывая на старшего сына.

-Сынок, нам надо готовить невод, теперь летом будем рыбачить неводом, который привезли оленеводы без грузил и поплавков. Для невода нужно готовить новые поплавки и груза. Поплавки готовятся из сухих досок толщиной десять миллиметров, длиной сто десять сантиметров, хорошо и чисто обработаны. Они должны иметь грушеобразный внешний вид. На узком конце поплавок должно быть отверстие для крепления с верхней частью веревки (титевы) невода. Для груза в нижней части титева невода надо собирать полукруглые удлиненные камни весом приблизительно сто пятьдесят граммов. Эти камни должны быть обвернуты в березовую

кору, чтобы посредством коры закрепить груза за нижнюю тетиву невода. Таким образом, поплавки и груза привязываются к неводу на одинаковом расстоянии друг от друга. Надо будет купить веревки, отрегулировать невод и только тогда можно будет рыбачить. Да, еще будет нужна большая лодка. Вот такая большая задача поставлена перед нами с тобой.

Нужно уже сейчас начинать подготовку. Через свои старые связи я попробую найти готовые поплавки и груза, тогда бы мы значительно ускорим пуск невода в эксплуатацию и станем настоящими рыбаками. Жить на берегу и не иметь рыбы как-то негоже, - объяснял сыну Иван Никитич.

ЛЕДОХОД.

На реке Печоре тронулся лед. На улице стало холодно. От реки слышался шум, треск, шипение. Посмотреть на красоту ледохода на берег реки вышли люди, и стар, и млад. Ледоход уносил с собой зимний холод из душ людей и дарил надежду на новую, лучшую жизнь. Течение реки вместе со льдом уносило бревна, лодки, разный хлам, оставленный на берегах выше по течению реки.

Дождавшись, когда река вместе со льдом понесет бревна, Коля со старшими ребятами спустились к реке и баграми стали затаскивать на берег эти тяжелые, мокрые бревна, а после ухода льда ребята эти бревна пилили на чурки и поднимали их к сараю возле землянки.

Как-то Вовке Калинину попалось большое, толстое бревно. Коля его не стал цеплять, (в это время Коля ловил бревна выше по течению реки, и это толстое бревно пропустил), полагая, что у него не хватит сил это бревно

удержать и подтянуть к берегу, а Калинин обрадовался, что Николай просто упустил такое хорошее бревно. Володя изо всей силы зацепился крючком багра за это бревно, а оно уперлось в торец льдины. Володя попытался выдернуть, высвободить свой багор, но он будто был вбит в дерево. Хотя Вова упирался ногами, держась за багор, его тащило по краю берега вниз. Коля заметил, что Володя в беде и подбежал к нему на помощь. Вове было жалко багра, и он не выпускал его из рук, но ведь он сам себе создал опасность, рискуя упасть в ледяную воду.

-Давай, Вова, отрывай багор от бревна или выпускай его из рук, черт с ним! Я его специально не стал цеплять, потому что оно слишком толстое, думал, и ты его тоже пропустишь. Давай, поворачивай, дергай, подай багор вперед. Попробуем вместе. Раз, еще раз.

Но бревно вместе с багром продолжало тащить их вниз по течению реки. Впереди стояла большая глыба льда, задвинутая на берег другими льдинами. Река дотащила ребят до этой огромной высокой ледяной глыбы, и они оба уперлись в нее ногами. Багор медленно уходил из рук ребят и, наконец, выскользнул из рук и поплыл вместе с бревном. Вова хотел поймать свой багор, побежал за ним вдоль берега, но тот уже был далеко.

Володя подошел к Коле, подсел рядом на эту большую глыбу и со всей силы стукнул по ней кулаком, сжав свои пухлые губы.

-Вова, у меня дома есть второй острый багор, только нет ручки. Пойдем, срубим тонкую сосну и будет у тебя новый багор. А сейчас пока возьми мой багор, только снова не упусти, лови средние бревна. Я уже на сегодня

выловил достаточно, - сказал Коля, передавая в руки Володи свой инструмент.

Прошел ледоход, прилетели утки. Река постепенно мелела, вода становилась светлее, берег постепенно начал расширяться. Наступило время готовить лодку к пуску на воду. Лодки просмолили варом. Между делом Коля собрал камни для грузил невода. А досок для поплавков не было.

-Папа, камней для груза невода в основном собрал. Нет доски и коры березы. Ты обещал поискать у своих знакомых. Скоро уже настанет время рыбалки, а у нас невод не готов, да и лодки для невода нет. Это дело как-то надо ускорить.

На следующий день Коля с Вовой пошли в лес в сторону водонапорной башни, вырубил по три тонкие сосны для жердей, дома возле сарая очистили их от коры и вертикально поставили их на просушку.

Вскоре Иван Никитич привез целый мешок поплавков и грузов для невода. Купили несколько десятков метров веревки специально для береговых сторон невода, отец купил лодку, давно не находившуюся в эксплуатации, которая требовала большой работы. Подготовкой лодки занялись Коля с Вовой, а сбором невода Иван Никитич. Наконец, невод вынесли на песок, еще раз измерили расстояние между грузами и поплавками. На следующий день, вечером, на отремонтированной лодке на вёслах переплыли на противоположный от города пологий песчаный берег. Определили место тони (тоня-это участок реки и берега, где по течению плывет невод). Береговым оставили Вову Калинина, как более коренастого и крепкого парня. За весла сел Коля, Гена с середины лодки сбрасывал поплавки, привязанные к верхней части титевы невода,

Иван Никитич медленно опускал груза с веревкой нижней части невода. В реку полукругом забросили невод. Причалив пустую лодку к берегу, Володя с Колей и Иван Никитич с Геней начали медленно выбирать на берег веревку, а затем невод за веревки с поплавками и грузами.

Первая сплавка оказалась удачной. Поймали около трех ведер разной рыбы: сига, подъязков, окуней, щук. Вторая тоже была не хуже первой. С этого момента семья Филипповых постоянно занималась ловлей рыбы неводом.

В первое время после подъема на гору улова с большими трудностями поднимали мокрый невод для его сушки возле землянки, так как боялись его утери. Но вскоре рыбалка стала приносить доход. На деньги, вырученные от продажи рыбы, купили самый маломощный лодочный мотор для большой лодки ЛМ-1. Мощность мотора всего полтора лошадиных сил, вес шесть килограмм. Этим мотором свободно поднимались и спускались по реке, ЛМ-1 заменил весла, тем самым, облегчив ручной труд рыбаков.

РАБОТА.

Занятия в школе закончились. Все ребята перешли в следующий класс. За землянками, ниже по течению реки, находился производственный участок путейцев, обслуживающих фарватер реки Печора от затона пристани РЭБа до железнодорожного моста через реку Печору. Этот участок обслуживала семья бакенщика Канева. Им двоим было тяжело устанавливать, каждый день зажигать и тушить фонари на бакенах. Тогда у них не было для большой лодки лодочного мотора, все операции выполнялись на мускульной силе, то есть

работали веслами. Им дали дополнительную штатную единицу, помощника бакенщика.

-Иван Никитич, разреши твоему старшему сыну на летних каникулах поработать у нас в качестве помощника бакенщика, нам выделили такую должность на период навигации. Коля бы подошел на эту должность, а то мы с женой запарились. Мои сыновья работать с нами не желают, им бы только игры да погулять.

-Я не возражаю, но надо спросить согласие Коли, он скоро подойдет, тогда с ним обо всем и поговорите.

Вскоре появился Коля с полной сумкой продуктов. Отец сидел за столом и разговаривал с Каневым.

-Коля, подойди сюда, садись за стол. Тут наш сосед пришел по твою душу. Проще говоря, он хочет пригласить тебя поработать на время летних каникул его помощником. Я дал добро, теперь слово за тобой. За лето накопишь денежек и купишь для себя какую-нибудь вещь, - сказал Иван Никитич.

-Работа у нас однообразная; грести, помогать зажигать фонари на бакенах, перемещать бакены при убыли или прибавлении воды в реке. Если бакены снесет плотами, на их место устанавливаем новые. Лодку против течения поднимаем на бечевках, как бурлаки на Волге. Начало работы с восходом солнца, фонари зажигаются только на ночь. Заработная плата, как несовершеннолетнему, сорок восемь рублей. Мои ребята работать с нами не хотят, а для семьи деньги эти были бы не лишними,- объяснял суть предстоящей работы Канев.

-А трудовую книжку на мое имя выпишут?- забеспокоился Коля.

-Я думаю, что тебе дадут справку о работе и зарплате, - ответил Канев.

-Работы я не боюсь, только вот смогу ли помочь вам?

-Сможешь, сможешь, хотя наша лодка для бакенов большая и тяжелая, но грести веслами вы будете вдвоем с моей женой, а то ей одной очень тяжело. Так что давай, соглашайся. Сегодня же пойдем с тобой в нашу контору и официально оформим тебя на работу.

Посмотрев на папу, маму, братьев, которые навострили свои уши на интересный деловой разговор, долго не думая Коля согласился.

Канев с Колей отправились в отдел кадров конторы путейцев.

-Вот, привел себе помощника, как вы нам советовали. Коля Филиппов, мой сосед. Мальчик он старательный, хозяйственный, трудолюбивый, так что с работой справится.

-Мальчик, ты писать заявления умеешь?- спросила работница отдела кадров.

-Никогда не писал, но, если вы мне продиктуете, то я напишу,- уверенно ответил Коля.

-Держи форму заявления, чернила, бумагу, заполняй,- сказала кадровик, кладя лист бумаги на стол.

Канев сидел рядом с Колей и наблюдал, как старательно он пишет. После того, как заявление было готово, Коля передал его женщине, а кадровик отнесла его начальнику завизировать.

-Николай Иванович, с завтрашнего дня вы приняты на работу в качестве помощника бакенщика. Товарищ Канев Петр Васильевич, бакенщик, старший по должности, на месте вам все покажет и расскажет,- сказала кадровик.

Коля с Каневым посмотрели бакены и фонари, затем спустились на берег. Спуск к реке у них был пологим, и обустроен лестницей с перилами. В лодке лежали весла, толстые, длинные, тяжелые. Подержав в руках одно весло, Коля тут же вернул его на место.

-Да, тяжело мне придется справляться с этими веслами, не миновать больших кровавых мозолей,- думал он.

Почти всю ночь Коля не спал, время от времени поглядывая на настенные часы и наблюдая, как опускается их висячая гири на мелкой цепочке. Наконец, наступило четыре утра. Коля медленно встал с постели, тихонько умылся, чтобы не разбудить братишек, собрался, попил воды из горлышка чайника, в карман положил пару кусочков хлеба, обул короткие резиновые сапоги, нашел пару рукавиц, набросил на себя пиджак, кепку и отправился к Каневым. Пальма шагала за ним. Дверь дома Каневых была еще заперта. Коля сел на толстую круглую чурку и стал ждать. Он заметил, что шторка окна открылась, значит проснулись. Время тянулось. Коля поделился с Пальмой половиной куска хлеба, вторую половину съел сам. Открылась дверь и появился Канев с веревкой на плече. Увидев Колю, он улыбнулся. За Каневым, с котомкой в руке, вышла его жена. Взмахом руки Канев показал Коле, куда нужно идти, и все трое направились к лестнице, ведущей к реке. Замыкала людскую цепочку Пальма.

-Коля, на корме лодки накопилась вода, пока мы тут собираемся, ты вычерпай воду, - распорядился Петр Васильевич.

Коля взял старое ржавое ведро и быстро вычерпал воду. Взявшись за окулючины, большую лодку спустили на воду. Коля с Еленой Васильевной сели за весла, Петр

Васильевич сел на корму, и, опираясь багром о берег реки, начал отталкивать лодку от берега. Ее развернули и погребли вверх по течению к бакену. Плыть вниз по реке было легче, и грести тоже легче. Таким образом, погасили свет на всех бакенах. Затем пристали на левый берег, бросили якорь, чтобы лодку не унесло, и поднялись на зеленый лужок. Елена Васильевна бросила платок на траву, разложила еду и пригласила мужа позавтракать. У Коли оставался один кусочек хлеба. Он сел на нос лодки, упершись спиной на фуфайку, и стал его жевать медленно, кусая малюсенькими кусочками, показывая тем самым, что у него много еды.

-Коля, чего ты там сидишь, иди к нам,- позвала Колю Елена Васильевна.

-Спасибо, я уже наелся, - вежливо отказался Коля.

-Было бы предложено, от еды отказываться не следует, - вмешался Канев.

Закончив с едой и немного побродив по берегу, Канев оттолкнул лодку, сел в корму, взял маленькое весло, опустил его в воду и стал править. Веревка натянулась, и лодка пошла вверх по течению реки. Елена Васильевна, придерживая верёвку, показала Коле, как нужно тащить лодку, обходя ямы, большие камни, коряги, и где переходить маленькие ручьи. Потом она передала Коле веревку, и так, заменяя друг друга, они дотащили лодку до переправы. Тогда они оба взяли за весла, переправились на правый высокий берег, подняли лодку с воды, бросили якорь и поднялись по лестнице. На этом закончилась первая половина рабочего дня Коли. Утро было солнечным, безветренным, безоблачным, и настроение тоже было отличным.

Вечером Петр Васильевич зашел к Филипповым. Коля в это время нянчился с Настей, хотя забота о

маленькой сестричке возлагалась на Гену, а Коля нес полную ответственность за хозяйственную часть, продовольствие, дрова, воду.

-Коля, нам пора работать, нужно зажигать бакены,- поторапливал его Канев.

-Юля, сегодня ваш сын завтракал сухим пайком. Ему с вечера надо готовить завтрак. Мы рано утром не успеваем и завтракаем только в Кожве, когда нет дождя, на свежем воздухе, когда дождь или ветер, в заброшенной балке. Позаботьтесь о его здоровье, он еще этого не понимает, молодой,- советовал Канев.

Коля быстро собрался, и они пошли зажигать бакены.

Так прошел первый рабочий день Коли. Уставший, загорелый, он рано лег спать. Ни часов со звонком, ни будильника в доме не было. Коля прислушивался к первому крику соседских петухов вместо будильника.

Второй рабочий день начался с опоздания. Дойдя до Каневых, Коля увидел их уже копошащимися возле лодки. С котомкой еды, он бегом спустился к ним, быстро выкачал из лодки воду и пошла монотонная работа. Когда вернулись домой, все ладони Коли были в крови.

-Петя, посмотри на ладони Николая! Давай не будем завтра брать его с собой, а то парень совсем руки испортит, - жалела Колю Елена Васильевна, обращаясь к мужу.

-Я сам виноват, что допустил мозоли, не отстраняйте меня от работы. Это ерунда, у меня и не такие мозоли бывали,- хорохорился тот.

-Ладно, пока к веслам не прикасайся, сами справимся,- говорил Канев. Мы тоже виноваты, не дали

тебе ватных рукавиц. Если бы дали, такого бы не случилось. Руки подлечи дома, а я вечером забегу к вам. Там решим, как поступать дальше с тобой.

Дома Коля показал маме свои руки. Юлия тут же послала Гену за Микушевой. Соседка принесла мазь и обмотала Колины руки, которые не давали ему покоя, постоянно ныли, жгли, болели.

Соседка обрабатывала руки Николая. В это время к Филипповым пришёл Канев.

-Ну, герой, показывай свои руки,- повелительно сказал он.

Коля вытянул перед Каневым обе перевязанные руки.

-Два дня тебе даю, чтобы подлечиться. У нас выходных нет. В любую погоду мы должны быть на реке, должны освещать фарватер, - указывая путь речному транспорту.

Эти два дня Коля ходил-бродил по берегу взад-вперед, поглядывая на бакены, на реку, чувствуя ответственность за нормальную работу фарватера и нормальный ход речного транспорта. Он встречал и провожал чету Каневых, помогал вытаскивать на берег лодку. Прошли эти два мучительных дня. К врачам Коля не обращался, так как знахарка Микушева была рядом.

На третий день Коля пришел к Каневым раньше начала работы. На этот раз он самовольно, без разрешения знахарки снял повязки с обеих рук.

-Здравствуй, Коля, а ну, покажи мне свои руки, покажи, покажи, - потребовал Петр Васильевич.

Коля показал руки.

-Хитришь, не пройдет! Лена, перевяжи-ка ему руки, вон его бинты торчат из-за поленницы!

Елена Васильевна быстро и проворно перевязала Коле руки, и они все спустились на берег. Каневы сели за весла, а Колю посадили рулевым.

В конце месяца Канев отправил Колю отнести табель работы в контору. По пути он заглянул в табель и увидел, что его нерабочие дни отмечены рабочими.

Работа шла своим ходом. В дождь, в ветер, в любую погоду они были на реке, рискуя быть опрокинутыми в воду, или, случайно соскользнув, упасть за борт. По причине лишнего груза на лодке спасательные круги оставляли дома, но иногда, редко, в плохую, дождливую погоду, все-таки их возили с собой в лодке.

-Николай, завтра у тебя первая в твоей жизни получка. На что потратишь свои деньги или их передашь маме? - спросил Петр Васильевич у Коли.

-В первую очередь куплю часы с будильником, потом отцу куплю бутылку водки, маме платок, братьям шоколадные конфеты, если, конечно, мне на все это хватит денег.

С первой зарплаты Коля купил все, что намечал. Он принес покупки домой и разложил на столе. Мама подошла к сыну, обняла и несколько раз поцеловала. Отец одобрительно похлопал по плечу. Ребята схватили по паре конфет и побежали в детскую комнату. Каневых он тоже не забыл, и угостил их свежей рыбой, а их детей конфетами.

За неделю до начала занятий в школе Коля на работе получил расчет. Часть денег он потратил на модные в то время черные шерстяные флотские брюки, а остальные деньги отдал маме.

Надев брюки, Коля несколько раз прошелся по дому щегольским шагом.

-Сынок, ты что-то на этот раз забыл купить папе?-спросил папа.

-Папа, это уже не торжество, конец работы, поэтому и не купил. А если тебе хочется выпить, то деньги попроси у мамы, я сбегаю и куплю.

У Коли появилось больше свободного времени. По вечерам мужчины семьи Филипповых: отец, Коля, Гена, и Витя, выезжали на песчаный остров выше по течению реки, против затона и РЭБа. Там всегда была хорошая рыба, особенно сиг, язь, окунь. Это место они застолбили, так как сами вычистили этот участок от коряг и больших камней для ловли рыбы неводом.

Тогда еще не было так строго с рыбалкой, и рыбинспекция только контролировала размер ячейки сетки невода. Ивана Никитича строго предупредили, чтобы он снял мотню, то есть кусок самой мелкой сетки, куда попадали даже рыжие колючие ерши. Пришлось подчиниться, и с этого момента рыбы домой стали привозить меньше.

Всегда из улова первой тони на костре варили уху. Иван Никитич брал с собой чекушку водки, и, один, под горячую уху, выпивал. Дрова на песчаный остров привозили из дому, картошку чистили на месте. Пока готовилась уха, успевали забросить вторую тоню. Так, забросив пять-восемь тоней, они возвращались домой с мешком рыбы. Ловить рыбу было интересно, а вот чистить ее не хватало терпения.

-Чем раньше начнешь, - говорил отец. Тем быстрее закончишь.

И после этих слов вся семья дружно принималась за дело.

В темные тихие ночи в невод рыбы попадалось больше. Частенько в неводе запутывалась и семга. Запрета на ловлю семги не было, поэтому старались кидать невод дальше, к середине реки, на фарватер. Но семга в сети попадалась не так часто, как хотелось бы. В теплую погоду, чтобы рыба не пропала, мама ее солила в дубовых бочках и больших эмалированных кастрюлях, а затем эти бочки с кастрюлями опускали в подсобный погреб, находившийся в соседской брошенной полуразвалившейся комнате. Когда-то там проживала одинокая женщина, которая вышла замуж и переехала жить к нему. В полу этой комнаты Коля с Геней вырыли погреб, стенки погреба укрепили досками, сделали крышу из бревен, небольшой лаз. Рыба в этом погребе сохранялась дольше.

На семейном совете мужчины решили соорудить настоящий глубокий кирпичный погреб для хранения рыбы. Подходящим для этого местом оказался сарай. Внутри сарая выкопали глубокую яму, на тачке привезли кирпичи от развалившихся барачных печей. Пол и стенки погреба заложили кирпичом, а потолок погреба настелили свежими бревнами. В погреб опустили четыре дубовых бочки, купленные в ОРСе ПУРПа (Печорского управления речного пароходства). Поздней осенью и в самом начале зимы вокруг бочек вперемешку с опилками выливали воду. Заливали каждый день и ждали, пока вода не замерзнет. Рыба укладывалась в бочки по сортам и хранилась почти до конца лета.

-Папа?- спросил как-то Коля. Соленая рыба-это соленая, а свежая - это свежая, ты не возражаешь, если я поставлю продольники на налимов?

-Это было бы не плохо. Если тебе не лень, займись этим, я не возражаю, - поддержал отец.

Уже зная места, где обычно водится налим, Коля с прежней ловкостью установил продолжки, и почти каждый день на столе была свежая рыба, пироги с рыбой. Дома спрос на свежую рыбу был больше, чем на рыбу из бочек.

Зимой Иван Никитич заключил письменный договор на ловлю рыбы для ОРСа ПУРПа. По этому договору ОРС выделил ему хороший невод длиной сто восемьдесят метров, с крупными ячейками из суровой, крашеной в зеленый цвет, нитки с тонкой капроновой веревкой, на которой были закреплены продолговатые груза с дыркой посередине и плоскими продолговатыми поплавками из пробки. Такого невода во всем городе ни у кого не было, даже работники рыбинспекции и друзья-рыбаки приходили домой к Ивану Никитичу посмотреть на такую диковинку.

-Это ерунда. Невод плохой, хотя и крашенный, хорошие поплавки и груза, но сама сеть грубая, толстая, тяжелая, ячейки крупные. Этот невод рассчитан на крупную рыбу, он не для нашей реки, а для Волги, Оби или Лены, а может Амура, но только не для Печоры, вот попомнишь меня, Иван Никитич, этим неводом много рыбы не наловишь, тебе придется его заменить, - руками трогая невод, говорил Вокуев.

В школе Коля дружил с сыном Вокуева, Феликсом, белобрысым, голубоглазым, приятным и красивым на внешность, парнем, а также с Дементьевым Вадимом, тоже Каневой Верой, самой красивой девочкой в классе. Вера училась лучше других и красиво одевалась. У нее были пухлые губы, длинные изогнутые реснички и чуть заметные между прядями волос уши.

Все четверо: Коля, Феликс, Вадим и Вера были одноклассниками, старше других в классе, поэтому у них и интересы были другие. Вера как-то больше обращала внимание на Феликса, но каждый из этой компании хотел, чтобы Вера дружила с ним и только с ним. В классе, где учился Коля, учились и другие красивые, хорошенькие девочки, но, однако, для него они были еще слишком молоды.

Коля не раз замечал, как Вера с Феликсом обнимались и целовались, но как друг, он понимал, что они любят друг друга, и старался им не мешать. Весь класс и, наверное, вся школа видели эти отношения, и в большинстве случаев завидовали, в том числе и Коля. Порядочность, скромность в одежде и стыдливость не позволяли Коле прижать и поцеловать хотя бы ту же Машу Прохорову, которая сама проявляла инициативу, но он этого будто не замечал. Ему нравилась Вера, но она выбрала Феликса. Вера иногда нарочно провоцировала и делала так, чтобы друзья из ее круга могли хоть немного приблизиться к ней, но не настолько близко, как Феликса, она не подпускала никого.

Лучше всех обеспечен из этой четверки был Вадим Дементьев. Родители Вадима работали в управлении паромным транспортом, имели свой хороший дом, короче говоря, жили в достатке.

Семья Вокуева Феликса жила в благоустроенном доме в центре города, но строили еще и свой дом, материально были обеспечены, к тому же занимались рыбной ловлей.

Беднее всех из этой компании жила семья Филипповых, несмотря на то, что Иван Никитич был основателем макаронной фабрики, и из-за своего великодушия остался без квартиры. Весь класс знал, что

Коля живет в землянке, но никто ни разу не упрекнул его в этом.

ПЕРВЫЙ ВЫХОД НА РЕКУ.

Учебный год заканчивался. Настенька подросла. Зимой она часто болела, тяжело переносила прорезку зубов, как-то незаметно она начала ходить на своих ножках, ее легко отучили от грудного молока, так как у знакомых брали козье молоко. Говорить начала Настя рано, потому что братья всегда разговаривали с ней на равных. Не смотря на то, что Настенька росла любимым ребенком в семье, единственной девочкой, у нее был легкий, простой характер, она никогда не жадничала и не слишком капризничала.

Виктор помогал маме. К тому времени болезни его прошли, животик спал и ростом он почти догнал Гену.

Иван Никитич скучал по чистой воде, ему очень хотелось быстрее опробовать новый, красивый невод ОРСа. В договоре по заготовке рыбы для ОРСа указывалось в одном из пунктов, что ремонт производится силами рыболовецкой бригады. Срок эксплуатации невода не указывался, и нигде не отмечалось, нужно ли возвращать ОРСу невод или нет. Расчет за поставляемую ОРСу рыбу производился наличными деньгами, в зависимости от сорта и качества рыбы по согласованной цене между поставщиком и покупателем.

При ледоходе Коля с Геной и Вова Калинин вытаскивали на берег много бревен. Они решили с началом очищения реки ото льда сразу приступить к заготовке дров. Дрова пилили вручную, поэтому мозоли с

рук обоих братьев не сходили, ладони их стали грубыми и шершавыми. Складывать дрова помогал и Витя, хоть он всякую работу выполнял с ленцой, за обедом всегда требовал большую ложку.

Большая вода ушла. Наконец, появился, песчаный остров, где семья Филипповых ловила рыбу.

-Настало время для заготовки рыбы. Будем готовиться на завтра. Первую сплавку сделаем нашим старым неводом, а то вдруг течение руки подкатило на нашу тоню какие-нибудь коряги, топляки или большие камни. Так что завтра еще порыбачим старым неводом, а если все будет в порядке, тогда начнем уже новым, - определил план работы отец.

В первую очередь Иван Никитич поручил Коле проверить лодочный мотор, который всю зиму простоял в темном углу землянки.

Промыв и прочистив мотор, Коля добавил в бензин масло, залил им бензобак и укрепил возле сарая. Потом Коля закрутил шнур вокруг диска пуска двигателя, подкачал бензин в карбюратор, отвернул лицо от мотора и со всей силы дернул шнур диска на себя. С первого раз ЛМ-1 подал голос, завелся сразу, брызгая через трубку выпуска газа синий дым.

Вокруг Коли крутились братишки.

-Видели, старичок не подвел, он ведь всю зиму в углу простоял, как наказанный, а как стало тепло, так сразу проснулся, заработал, - выключив мотор, сказал Коля. Молодец, не подвел.

-Ура! Ура! Скоро начнется рыбалка, - задрал руки вверх, кричал Гена.

На следующий день все с нетерпением ждали Ивана Никитича с работы. Гена к лодке спустил весла, Коля

укрепил на ее корме мотор, Витя спустил ведра и все необходимое для первой ухи от первой тони. Дежурным в лодке оставили Витю, а Коля с Геной поднялись домой. Отец уже пришел с работы и Юля кормила мужа. День был хорошим, значит, и вечер и ночь должны были быть неплохими.

-Ну, что, братцы, давайте спускать невод, а на берегу его надо будет еще перебрать, переложить в лодку. Там на месте тони разберёмся. Коля, ты берись за груз, Гена будет работать вёслами, а я буду бросать поплавки,- распределил обязанности отец.

Невод спустили к берегу реки, лодку боком причалили к берегу, к борту приставили весла, так, чтобы концы их касались берега, напротив них разложили невод, поплавками в направлении носа лодки. В лодке кругами разложили веревку, конец которой соединили с неводом. Коля с Геной стали собирать старый невод в лодку.

В это время Иван Никитич курил папиросу, сидя на бревне, и наблюдал, как работают его старшие дети. Виктор сидел рядом с отцом, поглядывая, как появлялся красный свет на конце папиросы при каждом затягивании дыма в себя.

Ребята быстро перебрали невод, привязав к нему конец следующей веревки, и накинув поверх невода ее кругами, развернули лодку носом к реке. Иван Никитич сел на корму, Коля оттолкнул лодку от берега и одним махом в нее запрыгнул. Коля с Геной сели за весла, Витя сел на невод. Ребята гребли, поднимая лодку вверх по течению. Иван Никитич пытался завести лодочный мотор, но он никак не заводился. От нескольких попыток он, наконец, устал, со злостью матюгнулся и присел.

-Коля, иди сам с ним разберись, возле сарая у тебя получилось, может и сейчас послушается.

Коля встал на место рулевого, отец сел на невод, а Витя сел на место Коли, работать веслами. Тогда Коля подошел к корме, подкачал бензин, накрутил веревку на крышку магнето, дернул веревку на себя и с первого раза мотор завелся.

-Папа, знаешь, почему ты не смог завести мотор?

-Нет, не знаю, за мотором смотришь ты.

-Папа, ты просто забыл повернуть кран бензобака, он был закрыт, а без бензина мотор работать не будет.

Лодка плыла вверх по течению, вдоль правого берега, мимо пристани, к месту тони.

Доплыли до места сплавки. Коля завернул лодку подальше от берега к фарватеру и причалил ее к верхней части песчаного острова. Все вышли из лодки и прошлись по берегу, вниз по течению, вглядываясь, нет ли там, возле берега, топляков, коряг или камней. Определили место, где будут выбирать невод, и место, где будут готовить уху.

Вернувшись к лодке, Иван Никитич докурил свою папиросу. Вечер был тихий, солнце уже уходило на закат, ветра не было, погода благоволила удачной рыбалке. Береговым оставили Гену, подали ему из лодки конец веревки, он перекинул ее через плечо, чтобы удерживать невод при сплавке, постепенно подбирая веревку на себя и притягивая верхний конец невода к берегу. Коля сел за весла, Витя на середину лодки, чтобы бросать поплавки невода в воду, а отец сел на корму, медленно опуская в воду груза невода.

Коля греб и вел лодку полукругом. Поплавки невода плыли по течению реки и вдруг они начали тонуть,

уходить под воду. Это означало, что на дне тони появился топляк или коряга, а может, невод зацепился за большой камень.

-Стоп! Витя, больше не бросай поплавки в воду! Коля, разверни лодку и поднимайся вверх по течению! Витя, давай выбирать невод из воды в лодку! Коля, придержи лодку! - командовал отец.

Лодка встала поперек течения, невод собирали в лодку и складывали в кучу, при этом Коля придерживал лодку одним веслом. Наконец, выбрали невод до места зацепки, все трое пытались выдернуть его полностью, но тщетно. Коля завел мотор и попытался вытянуть с помощью мотора невода от зацепки, но верхнюю часть невода стало топить и тянуть лодку за собой, создавая опасность заполнения лодки водой.

На берегу Гена упирался, что было сил, постепенно скатываясь вниз по течению, крепко удерживая веревку. Отец курил, ругался матом, на чем свет стоит.

-Выхода нет, придется резать невод, - сказал Иван Никитич.

-Коля, из сумки, что на носу лодки, передай мне нож!

Собрав все вместе, веревки, груза, поплавки и сеть, Иван Никитич отрезал невод, оставив его часть на дне реки. Половина невода утонула, скрылась под водой.

Подгрести к берегу. Гена сел в лодку, Коля завел мотор. Расстраивались все, но ребята молчали, и только отец ругался, не переставая. Унылые, мокрые, злые, они пристали к месту стоянки лодки. Выгрузив оставшийся кусок невода, ребята подняли лодку на берег.

-Что случилось? Почему так рано?- спросила Юля своих мужчин.

-На нашей тоне появился зацеп, половину невода нам пришлось оставить в реке, ответил Иван Никитич жене.

В тот же вечер Иван Никитич отправился к Вокуеву, рыбаку со стажем, который так же, как и Иван, рыбачил вместе со своими сыновьями. Иван Никитич рассказал о том, что случилось на тоне. Это был его первый случай потери невода в реке.

-Молодец, ты правильно сделал, что оставил часть невода в реке. Кусок твоего невода никуда не денется, если он зацепился за корягу, а вот если за топляк или камень, то ты его уже не найдешь. Со мной такие случаи бывали, я поступал точно так же, как и ты. Но, ничего, скоро подойдет мой старший сын. У него есть друзья, которые плавают на катерах, так что завтра мы достанем все зацепы с твоей тони. Правда, есть одно условие, ты, Ваня, разрешишь нам порыбачить на своем острове. У меня есть специальный трос с цепью, мы вычистим дно реки. Ледоход и большая вода обычно уносят деревья с корнями и оставляют их по всей реке и, конечно, иногда, на тонях.

На следующий день после работы Вокуев вместе с сыном зашли к Филипповым. Поговорив, вместе с Иваном Никитичем и Колей отправились на берег. Они спустились к реке, сели на катер, к корме которого была подцеплена лодка Вокуевых. Поднялись к острову, определили место зацепки. Один конец троса закрепили за катер, а другой конец привязали к лодке. Забросили трос поперек течения реки и стали плыть. В отмеченном Иваном Никитичем месте, трос зацепился. С обеих сторон, с катера и с лодки, стали выбирать трос, и таким образом дошли до зацепа. Катер встал на якорь рядом с зацепом. Кошкой, так называется якорь с цепью, и веревкой, поймали утонувший кусок невода. Удерживая

баграми, затащили на берег кусок дерева с разросшимися корнями. Кусок невода сложили в лодку Вокуевых. Еще раз протащил по дну реки участок тони.

-Ну, все, Иван Никитич, пока ты будешь ремонтировать невод, завтра мы тут порыбачим,- улыбаясь, сказал Вокуев.

-Спасибо тебе, можешь ловить и послезавтра, на ремонт невода у меня уйдет не менее двух дней,- поблагодарил Вокуева Иван.

На завтра, после уроков, Феликс принес несколько сивов в знак благодарности за предоставленную возможность порыбачить на острове. Рыбалка оказалась удачной, вот и поделились. За два дня Иван Никитич со старшими сыновьями отремонтировали невод.

Вечером, за ужином, глава семьи объявил о том, что пришло время осваивать новый невод.

-Папа, новый невод большой и тяжелый, а у Вокуевых невод короче и легче. Не рискуем ли мы с новым неводом? - спросил отца Коля.

-Раньше или позже, но осваивать новый невод нужно, кроме того, он не отрегулирован, и отрегулировать невод непросто.

Отец уже принял решение, а у Филипповых ранее принятых решений не меняли.

С утра ребята подготовили все необходимое для рыбалки. После прихода с работы отца оставалось только спустить на берег невод, мотор и весла. Новый невод в лодку укладывали Коля с отцом. Этот невод был длиннее старого на шестьдесят метров.

Доплыли до тони, выгрузили с лодки все лишнее, немного отдохнули и закинули невод. Гена, как всегда,

оставался береговым, в этом деле у него уже имелся опыт. Он знал, где притормозить невод, где ослабить и когда выбирать веревку. Витя плохо ориентировался с ходом лодки, иногда он бросал поплавки кучей или затягивал их сброс, поэтому отец его часто за это одергивал. Коля управлял лодкой неплохо, но всем ходом действий руководил Иван Никитич.

Невод забросили удачно. Коля сидел за веслами и прихватил даже часть фарватера, так как невод был длинным и высоким. Старый невод был уже в полтора раза, и значительно короче. Значит, невод будет ползти по песку, создавая уклон, а поплавки будут плыть, опережая грузила.

-Гена, выбирай веревку, придерживай невод, а то по фарватеру его уносит быстрее, - командовал отец.

Дойдя до берега, Коля быстро подтянул лодку, бросил якорь и стал помогать подтягивать веревку. После выбора веревки, начали выбирать невод. Гена выбирал груза, наклонившись, прижимая веревку с грузами к земле, и кладя их на край берега, близко к воде, а Коля поплавки, зайдя по колено в воду.

В невод попало несколько сигов.

-Да, не густо. Надо немного подтянуть ушки грузов. Невод высокий, и груза отстают, мелкая рыба уходит через крупную ячею. Еще пару раз забросим, а там видно будет.

Гена принес ведро для ухи, Витя побежал разжигать костер, а Коля с отцом принялись чистить рыбу. Почистив рыбу, Коля принялся собирать невод на берег, а отец занялся, уменьшением ушек грузов, измеряя кусочком найденной на берегу палки.

-Ребята, пока будет вариться уха, давайте сделаем еще одну сплавку, посмотрим, как теперь будет вести себя невод.

Быстро завели мотор, поднялись на начало сплавки, и пошла работа. На этот раз результат оказался лучше.

Иван Никитич еще немного уменьшил ушки грузов.

Собрав невод в лодку, ребята во главе с отцом пошли пробовать уху. Отец принял из чекушки свою дозу спиртного и принялся пить из алюминиевой кружки уху, выдувая горячий пар.

-Когда в ухе ерш, окунь, щука, тогда уха совсем иная уха,- говорил он. Сиг для ухи не годится, его надо жарить.

Закончив еду на свежем воздухе, наевшись, ребятам захотелось отдохнуть, появилась лень. Пока отец курил, ребята собрали все нехитрое хозяйство и подготовились к спуску домой.

-Давайте, еще разок сплаваем, посмотрим, что получится после этой регулировки, - предложил Коля.

Полагаю, что будет лучше,- сказал Иван Никитич.

Оперативно сели в лодку. Гена медленно зашагал вверх по течению реки, глядя периодически на то, как идет лодка. Дойдя до верхней точки тони, Коля подал конец веревки брату и, развернув лодку, начал быстро грести. Улов на этот раз был еще лучше. Но времени оставалось мало. За три сплавки поймали около пяти ведер рыбы, основном сиг и язь. Сложив все, по тихой воде спустились домой. Вещи, мотор, весла подняли домой, а на невод сил уже не оставалось. Спустившись к лодке, парни рядком присели отдохнуть. Отец докурил папиросу и, бросив окурок, посмотрел на ребят.

-Устали, я понимаю, но невод надо поднять, он казенный.

Коля взялся за нижнюю титеву невода, отец - за поплавки. Гена с Витей взялись за середину невода. Поднимаясь на песчаную гору по проторенной тропе, все запыхались, но продолжали идти. Груз давил на плечи. Наконец, дошли до сарая, нужно было еще разложить невод для просушки на жерди, но тут отец сказал:

-Ребята, сейчас просто занесем невод в сарай, а развесим уже завтра с утра. Сегодня мы сильно устали.

Рано утром, не выспавшись, ребята, отправились раскладывать невод для сушки. После того, как дело было сделано, умылись и сели за стол.

-Папа, есть предложение сдать немного рыбы в столовую ОРСа и получить какую-нибудь денежку, а заодно выполним условие договора. Там нет пункта, сколько рыбы мы должны сдать, как и нет пункта о возврате невода. Может, невод мы у них потом выкупим. Сдадим неочищенную, за это, правда, немного сбросят в весе, но рыба себя все равно окупит. Как думаешь?-спросил Коля.

-Молодец, правильно мыслишь, только я сам выберу, какую рыбу будем сдавать, а ты отнесешь и получишь деньги за рыбу, - ответил отец.

Отец в чистую корзину положил рыбу, корзина оказалась тяжелой, да и столовая ОРСа находилась довольно далеко от школы. Коля уже пожалел, что выступил с таким предложением.

Коля занес рыбу в столовую, там ее взвесили. Вместе с корзиной оказалось восемь килограмм и пятьсот грамм, так показывали весы.

-Сбросим вес корзины, пятьсот грамм, чистого веса остается восемь килограмм. Рыба-сиг, среднего размера. По какой цене вы хотите ее сдать? У меня нет расценок, придется созвониться с руководством ОРСа и все согласовать. Зайдешь после школы, заберешь корзину и деньги, - сказала заведующая.

-Хорошо, после школы зайду,- ответил второпях Коля.

Он бежал бегом. В коридорах школы было пусто, стояла мертвая тишина. Мальчик слышал лишь биение своего сердца. Немного отдышавшись, Коля Филиппов подошел к дверям своего класса и, набравшись смелости, постучал.

-Филиппов, скоро урок закончится, а ты только являешься. Садись, объяснишь свое опоздание после уроков.

Опустив голову, тяжело дыша, в сопровождении удивленных глаз одноклассников, он сел на свое место.

- Почему опоздал на занятия? Что случилось?- Феликс Вокуев подтолкнул Колю локтем.

-Мы вчера рыбачили, и я в столовую сдавал рыбу.

Прозвенел звонок. Коля подошел к учительнице и объяснил ей причину своего опоздания.

-Хорошо, домашнее задание, записал, материал прочитаешь. И впредь постарайся не опаздывать.

После занятий Коля направился в столовую получать деньги за рыбу, но оказалось, что там до него уже побывала его мама и все забрала.

Дома Коля в первую очередь пошел посмотреть, как сохнет их новый невод. Толстая нитка сетки невода высыхала крайне медленно.

-Значит, сегодня этим неводом рыбачить не будем, подумал он, возьмем старый, с ним как-то привычней.

Вечером подул северный ветер. Низко над землей поплыли синие дождевые облака. Выйдя на берег, Коля увидел, что река потемнела, и повсюду появились "белые барашки" от волн. Было слышно, как о бока лодок стучала крупная речная волна. Вскоре закапал дождь. Коля понял, что в такую погоду никакой рыбалки не может быть.

Он ушел в детскую комнату и взял в руки старую трехструнную балалайку. Прежде чем на ней побренчать, Николай долго ее настраивал: то спускал струны, то натягивал. Он уже хорошо играл и исполнял многие песни. Игре на балалайке Колю научил его верный товарищ Толик Макаров, когда еще Филипповы жили в посёлке макаронной фабрики и балалайку тоже подарил он. Елена Ивановна, мама Толика, в то время купила своему сыну гитару, это была первая гитара в поселке, и Толик пытался подбирать на ней понравившуюся ему музыку.

На следующий день дождь прекратился. Из невода капала вода, образуя на песке ровные ямочки. Водой заполнился и общий коридор землянки, так как кровля была с большими и маленькими дырками, кроме того, бежал ручеек через порог при входе в землянку.

Жизнь в землянке была не сахар. Зимой промерзали стены. Через окна еле пробивался свет, так как стекла были покрыты толстым слоем льда изнутри и снаружи. В комнатах из-за темноты постоянно горел электрический свет. Ну, а летом в ней было сыро, пахло сырой землей. Трудные условия проживания в землянке серьезно сказывались на здоровье ее жильцов.

Первой, кто побеспокоила горком партии и горисполком, была мама Володи Калинина, Анна Ивановна, с маленьким внуком на руках, она часами сидела возле кабинетов руководства города, мотивируя тем, что ее муж отдал жизнь, защищая свою Родину, а его семья ютится в развалившейся землянке. Ее постоянные походы к администрации города дали положительный результат - семья Калининых первой получила благоустроенную квартиру.

Семья Филипповых проживала в землянке целых двенадцать лет. Хотя Ивану Никитичу сразу после ухода из землянки Калининых предлагали благоустроенную квартиру, но он отказался по той причине, что квартира эта находилась далеко от берега реки Печоры. Иван Никитич безмерно любил реку, считая, что она его кормит и поит. И только когда из дома №13 по улице Русанова, семья переехала в новую благоустроенную квартиру, Иван Никитич решил перейти в этот освободившийся дом, стоявший недалеко от берега реки. Дом Чупрова отапливался дровами, воду носили из колодца, рядом с домом имелся участок земли для посадки картофеля.

ГАГАРА.

Для старших ребят землянки, Коли Филиппова и Вовы Калинина, времени свободного, особенно летом, совсем не оставалось. Они часто поднимались вверх по течению реки на своих лёгких одноместных лодках к перекату, где хорошо ловился хариус.

У Володи было одноствольное ружье с курком шестнадцатого калибра, патроны латунные, порох дымный. На уток дробь он применял номер три. Пыжи готовил сам, из картона или из войлока. Володя любил

стрелять в уток на лету, но иногда случались промашки, хотя стрелял метко и редко возвращался домой без добычи. Коля страшно завидовал Володе, что у того есть ружье, а у него нет. Коля часто напоминал отцу о желании приобрести ружье, ведь, как он сам считал, возраст ему уже позволял, тем более, что Вова был младше Коли на два года, а ружьем пользовался свободно.

В конце концов, Иван Никитич пожалел своего старшего сына и выменял на рыбу ружье у соседа Уляшова. Вместе с ружьем Уляшов передал отцу пятьдесят штук латунных патронов, коробку капсул, дымный и бездымный порох, разных размеров дробы, пули.

Получив такое богатство, Коля поделился с Володей частью пороха и дробью. Коля сложил все боеприпасы и ружье в чемодан, закрыл на замок и убрал подальше от детей. Заряжать патроны Коля уходил в сарай и в этот момент никого к себе не пускал, даже родителей.

После походов на рыбалку или охоту на уток, друзья, на берегу рассматривали добычу, у кого какой результат похода. Они иногда делились между собой пойманной добычей, если кто-то из них возвращался домой пустым.

На рыбалку ребята поднимались в своих лодках вверх по левому берегу, так как этот берег был пологим, мелким и слабым течением реки. В этой части реки постоянно плавали утки и часто садились туда большими стаями.

Однажды ребята заметили пролетающую прямо над их лодками стаю уток. Коля не успел достать ружье, а Володя выстрелил, когда утки уже пролетели над ним. Он стрелял по ним сзади, в хвост. Стрелять в хвост

летающей утке легче. Дробь, попадая в утку, легко входит в тело утки. Стрелять по летающей утке тоже неплохо, но тут нужен опережающий расчет нажатия на спусковой крючок.

Из летающей стаи Володя убил одну утку, а другую ранил. Они договорились, что подранка должен подстрелить тот, кто ранил. Раненая утка ныряла и уходила от Вовы. После нескольких выстрелов Володя все-таки убил своего подранка. Пока Вова гонялся за уткой, Коля поднимался дальше против течения, а Володя далеко отстал, его лодку течением реки уносило вниз.

Наконец, повезло и Коле. Возле самого берега ныряла утка, и Коля стал к ней подгрести. Заметив опасность, утка собралась взлетать, но тут Коля выстрелил и ранил эту утку. Гоняясь за подранком, лодка Коли сравнялась с лодкой Володи.

-Коля, мне кажется, ты подстрелил гагару, она больше утки, самая хитрая водоплавающая птица на реке. Я бы тебе посоветовал не тратить на нее свои патроны. Видишь, впереди сидит целая стая? Ты поднимайся вдоль берега, а я их догоню на тебя,- кричал Вова.

-Мне жалко оставлять этого подранка, она же будет мучиться. Я все-таки ее добыю.

Володя поднялся к стае плавающих уток. Были слышны еще несколько выстрелов. А Коля гонялся за гагарой. Он потратил больше половины запаса патронов, а гагара все ныряла, быстро уходя из стороны в сторону вниз по реке. Гагара измотала все нервы Коли, а сама, хоть и обессилела, но сдаваться не хотела.

До железнодорожного моста, проложенного через реку Печору, оставалось совсем недалеко. Коля

постепенно прижимал гагару к берегу, специально, веслом, подгребая, стучал по воде. Уставшая и раненая гагара, наконец, попыталась взлететь. В этот момент Коля еще раз выстрелил. После этого нырять она уже не могла, плыла как-то медленно, боком. Николай догнал и поймал птицу за крыло, но она своим острым клювом успела ущипнуть его за руку. Парень все-таки удержал ее и закинул в лодку, накрыв сверху мешком.

Такой страсти и злости на себя и на гагару Коля никогда не испытывал. Подниматься в лодке против течения было тяжело. Он несколько раз причаливал к берегу передохнуть, на обеих его руках появились мозоли. Из тридцати патронов оставалось только два. На одну гагару он потратил двадцать восемь патронов. Коля поднялся домой, развернул мешок, и птица быстренько удрала под кровать и прижалась к стене. Ребята пытались вытащить ее из-под кровати, так и не смогли.

Гагаре давали пить, пытались кормить, толкали палкой, но все было бесполезно.

-Коля, ты зачем стрелял в гагару, у нее же шкура толстая, как у слона?- спросил отец. Зря только патроны потратил, ее голыми руками не возьмешь. Не тревожьте ее больше, пусть отдыхает, а завтра решим, что с ней делать.

-Ну, и сколько ты патронов потратил на эту гагару,- спросил Володя.

-На эту золотую жар-птицу я потратил двадцать восемь патронов, заработал мозоли на руках, но так и не добил, в плен взял живым,- шутил Коля.

-Я же тебя предупреждал, что не стоит ее трогать. Один раз мне довелось выстрелить в гагару, но гоняться за ней, чтобы добить, я не стал. С тех пор я ученый, а ты

не послушался моего совета, объяснял Калинин. Сегодня я принес пять уток, двух белошеек, а остальные чирки. У вас белошеек еще не было, я с вами поделюсь, - предложил Калинин.

Ночью гагара ушла за печку и спряталась под дровами. Когда дети утром встали и подняли подзор кровати, то гагары там не оказалось. Они начали ее искать. Искали по всему дому. После того, как Витя нашел птицу и стал ее вытаскивать, она умудрилась пару раз его хорошенько ущипнуть. Витя заорал, как ошпаренный. На помощь прибежали старшие, накрыли гагару тряпкой и лишь тогда справились с ней. При осмотре оказалось, у нее были ранены оба крыла. Ребята где-то нашли большую старую корзину и устроили ей домик. Она совсем присмирела, видимо, теряла силы. Дети вынесли ее на улицу и решили отпустить. Тут появилась Пальма, она обнюхала гагару, схватила ее за шею и поволокла за сарай. Сделав свое дело, Пальма бросила гагару, а сама убежала к берегу. Гена с Витей выкопали ямку за сараем, завернули гагару в тряпку и похоронили, оставив небольшой холмик. К гагаре ребята ходили каждый день. После того, как Пальма разровняла холмик, видимо собаку волновали запахи, идущие из земли, ребята положили на это место большой камень, чтобы она больше не тревожила могилку.

УДАЧНАЯ СПЛАВКА.

Иван Никитич наладил работу нового невода. Рыба попадалась крупная, но ее было немного. После каждой рыбалки ОРСу сдавали рыбу, учет сдаваемой рыбы вел отец.

-Коля, как ты думаешь, если часть невода заменить на более мелкую ячейку, тогда будет попадать и мелкая рыба тоже? - спросил он.

-Можно, даже нужно, но вот высота не будет одинаковой, и это может помешать нормальному ходу невода,- высказался Коля.

-Надо подогнать части неводов по высоте, но это займет некоторое время, а оно не терпит. Но, попытка - не пытка, завтра этим и займемся, - сказал отец.

Сказано-сделано, отрезали половину старого невода. Измерив высоту, убрали, вернее, отрезали ровный кусок с его середины, такой же по длине кусок вырезали из нового невода. Первую часть приложили к другой части и сделали равную высоту, соединили обе части. Таким образом, из двух неводов сделали один. Эксперимент оказался удачным. Результат при очередной рыбалке значительно улучшился. Домой стали приносить и мелкую рыбу для засолки на зиму.

ОРС стали регулярно обеспечивать рыбой. В доме появился достаток. Купили радиоприемник с проигрывателем, дети покупали пластинки с песнями Марии Торрес, Рашида Бейбутова, Клавдии Шульженко, Майи Кристалинской, Георга Отса.

Обычно Филипповы выходили на рыбалку вечерами, а на этот раз решили пойти рано утром. На этот раз ребята поднимались с постелей тяжело.

-А ну, давайте, быстро поднимайтесь, а то сейчас всех оболью холодной водой,- подгонял отец. Рассвет начинается, а мы топчемся на месте, хотя должны быть уже на нашем острове, делать первую сплавку, - сердито ворчал он.

С большой неохотой, полусонные, медленно, шатаясь, парни умылись, оделись и без чая вышли на улицу, каждый выполнять свои обязанности.

-Шевелитесь быстрее, сонные мухи, я тоже не выспался, но все делаю быстро! Витя, ты опять сел? Хватит дремать! Бери ведра и бегом к лодке, а оттуда скорей сюда, и вместе спустим невод! После рыбалки отдохнете, сегодня воскресенье, - командовал Иван Никитич.

Торопясь, Иван Никитич с Колей в лодку собрали невод. Витя с Генной, обнявшись, легли в нос лодки и укрылись фуфайкой. Коля сел на корму, завел мотор и тем же водным маршрутом повел лодку к тоне. Отец, сидя в лодке, тоже дремал. Когда Коля пристал к берегу и выключил мотор, все проснулись.

-Папа, видишь, поднимается пароход? Он новый, мощностью в четыреста пятьдесят лошадиных сил, "Пархоменко". У него гудок, как голос Шаляпина, басистый, громкий. Вверх по течению он поднимает сразу две баржи, полностью загруженные, я своими глазами видел, - говорил Коля.

-Ты, сынок, к чему ведешь этот рассказ о пароходе?-спросил отец с подозрением.

-Сегодня чудесное утро. Рассвет только начинается. Вода блестит, как стекло. Скоро появится полукруг солнца. Тихо, ветра нет. Даже не все птицы проснулись, не поют. Только слышен шум парохода, и стук колес от его двигателя. Так вот, есть предложение, давайте закинем невод перед пароходом. Наверняка от шума и грохота перед пароходом поднимается рыба. Ты же сам говорил, что мы проводим эксперименты. Надо чуточку подождать с заброской невода, пока пароход не подойдет

к пристани или не зайдет в затон на заправку, - убеждал отца Коля.

-Хорошо, давайте немного подождем, посмотрим, что выйдет из твоего предложения, - согласился отец.

Гена, сидя на песке, держал конец веревки в руке и, повернув голову, смотрел, как поднимается и клубится дым поднимающегося вверх по течению самого мощного парохода. Витя снова лег на нос лодки и, наверное, уже спал. Иван Никитич, сидя на корме, курил.

Пароход все ближе подходил к пристани и дал один длинный басистый гудок, который сразу разбудил все живое вокруг него.

-Пора, кажется, настало время. Хорошо, что пароход подает такой громкий звуковой сигнал. Это большой плюс.

Быстро развернули лодку. Коля усердно, стараясь не шуметь оклочинами, плавно опускал весла на поверхность воды, пытаясь не плескать водой при выгребе. Витя с Иваном Никитичем тоже старались не шуметь грузами и поплавками, медленно опуская их в воду. Лодка носом уперлась в песчаный берег. Коля тихо вытащил весла из оклочин и сложил их на берегу. Витя с отцом старались быстрее выбрать веревку и складывать у края воды и берега груза с поплавками. Иван Никитич стоял по колено в воде в бродовых сапогах, подбирая поплавки, медленно складывая их за собой в сторону берега. Витя тянул веревку с грузами, как можно ближе прижимая к берегу.

Вдруг, к берегу подплыла семга, за тем другая, внутри полукруга невода забурлила вода и оттуда, через поплавки, наружу, стали перепрыгивать крупные семги, их ушло больше десятка. За весь период рыбалки такого

не случилось, чтобы рыба перепрыгивала через невод в открытую воду.

-Гена, заходи в воду и мути, шаркай ногами по песку. В мутной воде рыба потеряет ориентир, и уйти через верх невода наружу не сможет. Коля, ты бери поплавки и груза, тяните вместе! Витя, ты так же делай, как и Коля, а мы с Геной будем мутить воду. А теперь, ребята, постарайтесь тянуть невод как можно быстрее!- кричал во весь голос Иван Никитич, шаркая по дну реки ногами, брызгая руками, громко крича все, что приходит ему на ум, охая и ахая, пугая рыбу.

Он так размахивал конечностями, что нечаянно задел свою кепку, и она полетела внутрь невода.

В сети невода запутались несколько штук семги.

-Коля, бери поплавки, поднимай их выше! Заходи в воду, продолжай ее мутить!

Сам Иван Никитич делал так же, как и Коля, но его ноги запутались в сетях, и он со всего маху упал в открытую воду, за пределы невода. Витя бросил невод и хотел уже бежать на помощь отцу, но Иван Никитич как-то легко освободил ноги, барахтаясь, встал, быстро схватил веревку с поплавками, залез в воду по пояс, держа веревку над головой, чтобы таким образом прекратить бегство семги из постепенно сужающегося полукруга невода. Гена с Витей изо всех сил тащили невод на берег. Наконец, Гена с Витей вытянули весь невод на берег, а Коля с отцом накинули невод на попавшуюся рыбу, пытаясь прикрыть сеткой пойманную рыбу. От попавшей в невод рыбы вся сеть ходила ходуном.

-Витя, беги к лодке и принеси топор, будем оглушать семгу, видишь, как они шевелится!- крикнул Вите отец.

-Папа, этим топором мы все испортим. Дорогая рыба потеряет свой товарный вид. Посмотри, там некоторые семги уже успокоились, - предупредил Коля.

-А мы приглушим только тех, кто ближе к воде. Я же обухом топора, тихонько, по головке семги,- успокоил сына Иван Никитич.

Пока Витя нес топор, рыба, выгибаясь и барахтаясь, постепенно затихала. Иван Никитич закурил папиросу, глядя на такой богатый улов.

-На сегодня нам одной сплавки хватит, мелкую рыбу будем складывать в мешки, а семгу разложим вдоль бортов лодки.

-Витя, ты давай, собирай мелкую рыбу, а твои братья соберут крупную рыбу. Сегодня здесь уху варить не будем. Пока все тихо, на берегу нет народа, без лишних глаз надо спуститься домой. Дома нам мама хорошую уху приготовит.

Все принялись за погрузку рыбы и натаскали больше половины лодки. От перегрузки лодка днищем села на песчаный берег и не двигалась с места.

-Надо немного ее раскатать, если после этого не сможем тронуть с места, придется разгружать рыбу на берег, - сказал отец.

-Раз, два, взяли! Еще, еще раз, взяли! - командовал он, толкая лодку.

Лодка чуть качнулась и пошла на выход к реке. Первым в лодку собрали невод, а сверху сложили рыбу. Места в лодке оставалось все меньше, и она накренилась.

-Это ничего,- сказал отец. Пока мы на берегу, то сможем отрегулировать уровень крена лодки. Я останусь на корме с мотором, вы трое сядете в носовой части лодки, а если и это не поможет, тогда уровень между бортом лодки и водой будем регулировать перемещением рыбы в лодке.

Лодка стояла носом против течения, ее развернули носом вниз по течению реки. Ребята уселись в носовой части. Лодка на воде почти встала ровно, только ее носовая часть оказалась чуть выше, чем корма.

-Коля, заводи мотор, пока на реке все тихо, будем спускаться. Ты только сильно не газуй, а мы уж будем сидеть, как мыши.

Оттолкнувшись от берега веслом, Коля завел мотор и медленно, на малом газу, лодка пошла вниз. Запаса от кромки воды до верхнего уровня борта лодки оставалось всего на два пальца. Пока спускались к месту стоянки, на реке было тихо. За лодкой оставался небольшой след. Солнце припекало все сильнее. Ребята сидели, боясь шевельнуться. Даже Иван Никитич не выкурил ни одной папиросы. Так, тихим ходом, без происшествий, доплыли до места стоянки лодки.

-А теперь ребятки, пора нам приниматься за тяжелую, но очень приятную работу - поднимать рыбу в сарай. В сарае постелите на землю брезент, и рыбу складывайте не в кучу, а рядом. Начинайте с краю, чтобы остатком брезента прикрыть рыбу. Невод оставим для сушки на берегу, когда он подсохнет, его легче будет поднимать.

Коля из лодки выбрал самую крупную семгу и, взяв ее за жабры, закинул себе на плечо и медленно пошел вверх по крутому песчаному берегу. Его примеру последовали остальные ребята.

В сарае постелили тент и с дальнего угла стали рядом укладывать семгу. Мелкую рыбу Иван Никитич занес домой.

Ребята спустили на берег жерди и козлы. Иван Никитич соорудил на берегу сушилку для невода, между тем мальчишки один за другим поднимали рыбу в сарай. В лодке ее оставалось все меньше. Наконец, они подняли всю рыбу, и спустились на берег, чтобы разложить невод.

-Гена, сколько штук семги занес в сарай? - спросил брата Коля.

-Двадцать, а ты?

-А, я двадцать одну, - гордо ответил Коля. Значит, за одну сплавку мы поймали сорок одну семгу. А сколько их еще выпрыгнуло, больше десятка. Если б они не ушли, нам пришлось бы оставить невод на острове. Одно плохо, папа от радости выкупался в реке, и до сих пор не переоделся, так можно и заболеть, - переживал он.

-Ребята, поверните лодку на бок, смойте с нее чешую. Смойте так, чтобы в лодке не осталось ни одной рыбьей чешуйки, - сказал отец, поправляя невод.

-Папа, ты же весь мокрый! Думаешь, вылил воду из сапог и ты уже сухой?- волновался Коля.

-А я уже высох, да и переодеться было некогда. Как говорится, кончил дело, гуляй смело. Помните эту поговорку? Ее я сегодня и придерживаюсь.

Отмыв лодку, ребята цепью закрыли ее на замок. Коля зачерпнул два ведра воды, зацепил их на коромысло и пошел на подъем, еле волоча ноги. Было видно, что он шагает домой из последних сил. Все уже поднялись и стояли наверху, ожидая Колю. Поев ухи из семги и плотно позавтракав, ребята улеглись спать.

Они отдыхали, пока сами не проснулись. Сквозь дверь было слышно, что у них в землянке гуляют папины гости, правда, на этот раз без песен пока не пели. Видимо, не хотели тревожить сон ребят.

После удачной рыбалки Иван Никитич сам себе устроил трехдневный отпуск. К нему в землянку приходили с работы и интересовались состоянием здоровья. Застав его спящим, Юлю предупредили, если на следующий день не выйдет на работу, то у него будут большие неприятности. Через три дня Иван Никитич появился на работе. Дни отсутствия сочли ему за прогулы, но с работы не уволили.

Ребята вычистили всю рыбу, отдельно посолив икру семги. Слабосоленую семгу поместили в отдельную бочку.

Иван Никитич выкупил невод ОРСа, купил новый лодочный мотор "Москва-М", купил баню, расположенную недалеко от берега реки, на небольшой возвышенности, примерно в десяти метрах выше уровня воды. Всем ребятам и жене Иван Никитич купил новую одежду, обувь, дома обновил некоторую мебель.

Следующая сплавка оказалась не такой удачной, не было парохода. Так же, как и прежде, Коля управлял лодкой, Витя с отцом бесшумно бросали невод в воду. За эту сплавку поймали ведра два сига да язей. Семги в неводе на этот раз не попадало.

Для сушки невода возле сарая установили козлы, на которых закрепили жерди. На этих жердях высушал невод. Козы и жерди были на берегу реки за баней на тот случай, если после рыбалки домой подходили поздно ночью, в дождь или сильно уставшие. Оставлять разложенный для сушки невод возле берега было опасно, так как кто-то их мог украсть.

Как-то поздно ночью, прибыв с острова и прилично уставшие, невод разложили и оставили на берегу возле стоянки лодки. После того, как появилась баня, начали оставлять в ней весла, ведра, фуфайки, брезент и другие вещи, чтоб напрасно не тратить лишние силы на перенос груза. Мотор и рыбу поднимали домой, и сразу же ложились отдыхать. Подсохший невод поднимать в гору было легче, хотя оставлять на виду возле берега надолго было опасно по причине его утраты.

ПОТЕРЯ НЕВОДА.

Утром Юля встала раньше всех, приготовила завтрак, почистила рыбу. Перед тем, как будить семью, поставила самовар и затопила печь.

Дома закончилась вода. Юля разбудила старшего сына и попросила его сходить к реке за водой. Безотказный Коля взял ведра и коромысло. С большого камня, что находился ближе к реке, и где была проточная вода, он заполнил ведра, и хотел было цеплять их к коромыслу, но тут вспомнил, что невод оставался на ночь на берегу. А его на том месте не было. Остались только козлы да пустые жерди. Исчезла и большая лодка для невода. Коля растерялся, вспотел, в теле появилась слабость, его всего затрясло. Бросив ведра с водой на берегу, он бегом поднялся в гору и стал смотреть на реку в надежде увидеть вора, укравший невод и лодку. Но река была чистой. Нигде не было видно ни пароходов, ни катеров, ни лодок.

Делать было нечего. Постояв недолго, Коля решил спуститься и обследовать место преступления. Все три лодки: две маленькие - одна Володи Калинина, другая - Коли, а также больше лодка, крепились к одному толстому бревну, в который были вбиты скобы, а цепи от

лодок с замками закрывались. Воры пытались сломать замок, но, видимо, боясь шума, они спилили бревно около скоб, а потом, вместе с поленом, замком и скобой спустили лодку на воду, погрузили невод, и след их простыл.

Затем Коля пошел проверить баню. Дверь бани оказалась открытой. Он вошел в предбанник и не обнаружил там ни весел, ни ведер, ни тента. Замок открывать воры не стали, сорвали петлю, на которой он висел.

Взяв коромысло с ведрами, Коля медленно поднялся домой. Ничего не говоря, молча, он взял в руки нож и стал маме помогать чистить картошку.

-Коля, ты сегодня какой-то не такой, что-то случилось? - спросила мама.

-Да, случилось, но сейчас я тебе ничего не скажу, подожду, когда проснутся остальные.

-Коля, ты не мучай меня, я волнуюсь, и не успокоюсь, пока ты мне не расскажешь.

-Ладно, скажу, но дай мне слово, что ты воспримешь это спокойно.

-Хорошо, сынок, говори.

-Я спустился за водой и обнаружил, что невода нет на месте. Заметил это не сразу, а только после того, как зачерпнул воду в ведра и уже собирался идти обратно. Еще украли лодку и вскрыли баню. Я сразу поднялся в гору, чтобы посмотреть, нет ли кого на реке, но кругом было пусто. Значит, воры орудовали ночью или перед самым рассветом, когда все нормальные люди спят.

От Колиного рассказа Юля прекратила чистить картошку, открыла рот, издав какой-то гулкий звук, но

тут же прикрыла его рукой, хотя успела ахнуть. От этого звука отец открыл глаза.

-Коля, что теперь с нами будет, ведь невод кормил и одевал нас? - с тревогой в голосе спросила Юля.

Услышав тревожный голос жены, Иван Никитич перевернулся на другой бок и, не поднимаясь с койки, зевая, спросил:

-О чем это вы там говорите? Что случилось? Про какой невод ведете речь?

-Ваня, у нас сегодня ночью украли невод, лодку и вскрыли баню. Какое горе! Чего нам дальше делать, где искать невод? - причитая, объяснила ему жена.

Иван Никитич медленно встал с кровати, протер глаза и, глядя на сына, спросил:

-Когда это случилось? Что ты предпринял?

Коля рассказал отцу все по порядку. Отец внимательно его выслушал и присел обратно на кровать.

-Видимо, вор давно следил за нами и выбирал подходящий момент. На лодке бы далеко он не уплыл, скорее всего, был какой-то катер. Невод погрузили в лодку, накрыли тентом, лодку прицепили к катеру и, гуляй ветер. Но, все-таки, Коля, по берегу надо будет пройти, может, кто-то сыграл с ними злую шутку, позавидовал и решил навредить, возможно, какой-нибудь наш знакомый, с подлой душой. Главное, не паникуйте, будем делать вид, что ничего не произошло, а ребята пусть еще поспят, - уверенно объяснил отец.

Коля с мамой дочистили картошку. Иван Никитич оделся, умылся, покурил. Пару раз он выходил на берег, но к реке не спускался.

-Коля, давай еще раз спустимся к берегу, лучше осмотрим место кражи, может вор оставил какие-нибудь следы?

Они вышли из землянки, спустились на берег, обошли кругом, но никаких следов не нашли. Не было даже никаких признаков, что к берегу подходил катер. Видимо, все было продумано до мелочей.

-Дела нечего, надо покупать новый невод. Видимо придется пойти к начальнику ОРСа, может он еще один невод закажет, а если не получится, то будем подключать Вокуева Фёдора Мартыновича, у него связи есть. Оставаться без невода нам никак нельзя. Назло всем врагам, в ближайшее время купим новый невод и лодку.

Утром дети уже знали о том, что случилось.

-Папа, это правда, что у нас украли невод и лодку?-спросил Гена.

-Правда, но плакать не будем. Сегодня же пройдемся по берегу, поищем. Такого невода, как у нас, нет ни у кого, а нашу лодку можно узнать из тысячи.

Завтракали молча. Тишину нарушил Коля.

-Так, Гена с Витей, вы пойдете вниз по течению реки, вдоль берега. Только смотреть нужно внимательно, а я пойду вниз в сторону пристани вверх. Будем искать нашу лодку.

Надежды на положительный исход поиска у Коли не было.

-Если вор был опытный, то, наверняка, он хорошо спрятал лодку, да и рыбачить на реке Печоре он тоже бы вряд ли решился, если только на притоках, - рассуждал Коля.

Иван Никитич сходил к начальнику ОРСа, объяснил ему ситуацию, но вернулся ни с чем, так как этот единственный экземпляр невода на склад ОРСа поступил случайно и пролежал там целых пять лет без дела.

Вечером отец пошел к Вокуевым. Ребята с нетерпением ждали его возвращения. Иван Никитич вернулся домой прилично выпившим, несмотря на это, он сообщил, что на этой же неделе Фёдор Мартынович привезет невод и лодку из Усть-Цильмы, где он раньше работал, и там у него осталось много знакомых рыбаков, которые на всякий случай имеют в резерве лишний невод.

С этого времени у ребят Филипповых затеплилась в душе надежда, что они будут и дальше продолжать рыбачить неводом.

Пока не появился новый невод и большая лодка, Коля рыбачил на своей маленькой лодке, так что без свежей рыбы семья надолго не оставалась.

Вокуев был другом Ивана Никитича и всегда держал данное им обещание. Бросив все свои дела в Печоре, Фёдор Мартынович отправился в путь на выручку своего товарища. Прошло почти две недели, а он все ещё где-то задерживался, не возвращался в Печору.

Наконец, на катере с неводом и лодкой Вокуев прибыл из Усть-Цильмы в Печору поздно ночью. Он не стал будить Ивана Никитича, хотя проходил к себе домой мимо их землянки, а пришел к нему рано утром до начала рабочего дня.

-Катер стоит на берегу, принимай невод и лодку, - сообщил Вокуев.

-Папа, можно мне с тобой на берег, посмотреть лодку и невод? - спросил Коля.

-Конечно, я сам хотел попросить тебя об этом, но, раз ты готов, пошли!

Лодка лежала на корме поперек катера. Невод находился в лодке, прикрытый светло-зеленым брезентом.

-Вот, Иван Никитич, получай! Хоть сейчас выезжай на свой остров и рыбачь, сколько хочешь! Хозяин невода продал его без особого сожаления. Его не устраивала высота. Высота твоего невода - сто восемьдесят сантиметров, а длина - сто пятьдесят метров, ушки невода отрегулированы, веревки привязаны к ушкам. Мы с ним сняли этот невод прямо с сушильных жердей. Было бы не плохо, если бы ты когда-нибудь с ним познакомился, он хороший человек, работает директором школы.

-А давайте сделаем так, сегодня вечером вы с сыном придете к нам, и мы все вместе поднимемся на остров и проведем совместную рыбалку.

-Я согласен, но Альберт вечером будет занят, так что возьму Феликса. Я возьму весла, твои ведь сперли, а из сухих досок, которые принесу сегодня вечером, ты сам изобразишь весла.

Вечером пришли Вокуевы. посидели, выпили, закусили и вышли из-за стола. Спускать на берег было нечего, кроме весел. Все остальное уже находилось на берегу. Ребята целый день охраняли лодку с неводом, даже поесть поднимались по очереди.

Сели в лодку, завели мотор, тем же маршрутом поднялись на остров. Береговым оставили Феликса. Коля сел за весла. Фёдор Мартынович бросал титова с поплавками. Иван Никитич бросал грузила. Невод был

действительно хорошим, в нем было сразу три разных размера ячеек сетки.

При выборе невода из реки было сразу заметно, что он нормально отрегулирован, так как в сети сразу попало много рыбы разных размеров.

Результатом первой сплавки новым неводом все остались довольны. Пока ребята собирали рыбу и невод в лодку, их отцы разожгли костер и занялись приготовлением ухи.

-Иван Никитич, в дальнейшем постарайся поднимать невод к дому. Наши весла пока оставь у себя, когда сделаешь свои, тогда и вернешь. И, если не возражаешь, завтра я хотел бы со своей бригадой порыбачить на твоей тоне.

-О чем речь, пожалуйста, рыбачь, сколько хочешь, на сплавку мы выйдем через три дня. Эти три дня твои. А половину рыбы забирай, твоя доля.

Сытые и довольные рыбалкой, мужчины сели в лодку и поплыли к своему берегу.

-А теперь к нам на чай! - пригласил друга Иван Никитич после того, как сошли на берег.

-Спасибо, рыбы немного возьму, а чай вы попьете с семьей, у нас дома полно дел, - вежливо отказался Фёдор Мартынович.

Попрощавшись, Вокуевы ушли домой, забрав с собой полную корзину рыбы.

Коля с Геной установили возле сарая козлы, поставили на них жерди и разложили невод на просушку. Закончив с неводом, парни отправились чистить рыбу.

-Как нудно чистить рыбу! Монотонная, работа! На рыбалке все-таки лучше, постоянно в движении, интерес

к пойманной рыбе. Хоть устанешь, но зато понимаешь, что доброе дело для семьи делаешь, а тут чистить, - бурчал Гена.

Юля отложила хорошую рыбу для сдачи в столовую, а остальную рыбу отложила для заготовки к зиме, в ледяной холодильник.

Довольный рыбалкой, Иван Никитич пригласил гостей, по пути зашел в магазин, купил водку, закуску и сел возле сарая, посасывая папиросу, ожидая друзей, чтоб «обмыть» новый невод, лодку и удачную рыбалку.

ШУГА.

Незаметно пролетело лето. Ночи стали холодными. Солнце почти не показывалось, прячась за тучами. Все чаще падал снег. Было сыро и сыкотно. По реке Печоре пошла мелкая шуга. Невод еще не был убран к зиме, да и лодки находились на берегу, хотя некоторые хозяева уже подняли свои лодки к домам. Возле самого берега в соприкосновении с землей был лед, который тонкой полосой лежал вдоль берега.

-Ребята, говорят, что в период прохода шуги хорошо поднимается вдоль берега сиг. Мне хотелось бы последний раз в этом году поесть свежей рыбы. Что, если попробовать закинуть в реку хотя бы один раз невод. Потом мы поднимем лодки, высушим невод и на этом закончим рыбалку, а? - спросил Иван Никитич сыновей.

-Это дело рискованное, вместо рыбы в невод могут попадать мелкие кусочки льда. Может, конечно, попасть и хорошая рыба, только от шуги нужно будет постоянно вытряхивать невод. Сейчас невод сухой, а при такой погоде сушить его придется очень долго. Надо сходить на

улицу и посмотреть, много ли у берега шуги и льда,- убедительно сказал Коля.

-Доводы убедительные, давайте выйдем на берег и посмотрим, - согласился с сыном отец.

Все встали и вышли на улицу, поднялись на песчаный берег. Шуга шла, в основном, в середине реки, большими и малыми кучами.

-Да риск есть, - вставил свое слово Геннадий. Но чем черт не шутит! Можно попробовать.

-Так, как решаем, выходим на реку или нет?- переспросил Иван Никитич.

Ребята задумались.

-Пока шуга идет не совсем густая, переплывем на левый берег, выберем чистую воду и сделаем одну сплавку, - нарушил молчание Витя.

-Хорошо, рискнем, давайте не затягивать. Собираемся, и, пока светло, делаем одну сплавку. Такой сплавки у нас еще не бывало, - сказал отец.

Собрав все необходимое, парни во главе с отцом отправились к лодке и переложили невод в лодку. Пальцы рук остывали и периодически Коля с отцом дули на них, согревая их. Коле очень не нравилась эта рыбалка со сбором в невод льда вместо рыбы, но раз решили коллективно, отступить было бы нехорошо.

Юля Андреевна стояла на горе возле землянки, накинув на себя полушубок, держа за руку младшего сына Никитку. Они наблюдали, как Иван Никитич управляет лодкой, прорываясь сквозь льдины на противоположный берег.

-Не мешало бы взять с собой рукавицы! - кричал Гена, веслом отталкивая идущую на лодку льдину.

Доплыли до левого берега, вышли из лодки и стали ждать чистой воды (небольшой участок территории реки, где не проходила шуга). Бродовыми сапогами вычистили кромку берега от тонкого льда в том месте, куда должны были выбирать невод. Поднявшись вверх по течению реки, Гена определял, где есть такое пространство чистой воды, чтобы можно было закинуть невод. Остальные грелись, как могли. Ветер постепенно усиливался, и от этого становилось еще холодней.

-Есть чистая вода! - закричал Гена, подходя к лодке.

Поскольку веслами грести было невозможно из-за холода и льда, Иван Никитич решил закидывать невод, управляя лодкой посредством работающего мотора на малых оборотах. Чистая вода все ближе подходила к лодке.

Ребята развернули лодку, сели в нее, отвели лодку от берега на небольшое расстояние. Вите дали конец береговой веревки. Иван Никитич завел мотор и стал держать его на холостом ходу. Перед ними проходила чистая вода. До льдин оставалось метра два-три. Отец добавил газ, и лодка направилась к середине реки. Коля стоял на коленях, сбрасывая веревку с поплавками невода. Гена сидел на перекладине лодки, придерживая вёсла на весу.

Все трое в лодке были одеты в длинные брезентовые плащи с большими круглыми пуговицами. Только успели забросить в воду половину невода, как сетка невода зацепилась за пуговицу Колиного плаща. Он изо всех сил пытался освободить пуговицу от невода, но мотор работал, продвигая лодку вперед, а невод постепенно уходил под воду. Коля упирался коленями о борт лодки, но невод все сильнее затягивал его в воду. Сбросить брезентовый плащ было невозможно, так как нужно было

расстегнуть пуговицы, вытащить руки из плаща и сбросить его вместе с неводом. Но на это времени не оставалось.

-Папа, заглуши мотор, пуговица зацепилась за сетку невода! Невод затягивает меня в воду! Дайте кто-нибудь нож, я срежу пуговицу! – в отчаянии кричал Коля.

Нож находился в вещмешке носовой части лодки. Гена бросил вёсла, быстро открыл холстяной мешок, чтоб взять нож. Время шло. Лодку с брошенным в воду неводом уносило по течению. Коля упирался, сколько было сил. Лодка накренилась на борт, где висела часть невода, торчащего из воды. Иван Никитич выключил мотор. Гена достал нож, но в этот момент невод затянул Колю в воду.

Вывалившись в ледяную воду, Коля зацепился обеими руками за борт лодки, но он был уже заледенелым, поэтому пальцы рук скользили по нему и сорвались. Коля попытался плыть, но течением реки невод затянул его под ледяную воду, но он успел ещё вынырнуть из воды. Иван Никитич схватил весло и протянул его Коле. Коля зацепился за него, но руки его не слушались. Колю все сильнее затягивало под воду. Он периодически выныривал, открытым ртом хватал свежий воздух и снова уходил под воду. Силы течения реки, затягивающие невод на дно вместе с Колей, были значительно сильнее, чем его попытки всплыть на поверхность воды.

-Гена, давай помогай выбирать невод в лодку! Быстрей!

Коля снова выплыл, глотнул воздуха, но на этот раз вместе с заброшенным куском невода оказался рядом с бортом лодки. Отец с Генной поймали Колю за руки и вытащили из воды. От воды, которой Коля чрезмерно

принял внутрь себя, не хватало сил, чтобы перевернуться на живот, вложить пальцы в рот и выпустить лишнюю воду из желудка.

Колю положили на поперечное сиденье лодки животом вниз. Торопясь, как попало, отец с Геной собирали выброшенную в реку часть невода, где были запутаны три средних сига. Выбрав невод и береговую веревку, подплыли к берегу, забрали Витю и направились домой. Избегая столкновения с большими льдинами, переправились на правый берег. Пока доплыли до берега, плащ Коли превратился в ледяной ком. Он блестел, трескался, местами от плаща отваливались куски льда.

На берегу Коля попытался встать, но ноги его не слушались. К нему подошел Гена, помог ему подняться на ноги, общими усилиями с Коли сняли плащ и, опираясь на брата, Коля с большим трудом поднялся на гору. Невод тоже превратился в кусок льда. На корме лодки было много воды. Все поднялись домой, прихватив с собой вещи и мотор, а лодку с застывшим неводом оставили на берегу.

Дома Колю быстро раздели, положили на кровать. Отец растер его водкой и заставил выпить густой, разбавленный водкой, сладкий чай. В народе такой напиток называют пуншем.

Укутали Колю, как куклу. Набросили на него шубы, матрац, одеяло, оставили только небольшой просвет, чтобы он мог дышать. Коля быстро заснул, наверное, от пунша. До этого случая Коля ни разу не брал в рот водки. Вскоре он сильно вспотел и от этого проснулся. Поменяли белье, но пунша больше не давали, а в чашке подали какой-то отвар, который принесла Микушева.

Коля заболел, поднялась высокая температура. Врач, которую вызвали родители, определила у него все

признаки воспаления легких. Хотели его положить в больницу, но от стационарного лечения Коля отказался.

Микушева принесла какую-то мазь, Иван Никитич натирал ею Колю. Через три дня он поправился, поднялся на ноги, и снова стал, как новенький.

Поднять ледяной невод на берег попросили помочь Володю Калинина.

Выкачав из лодки воду, ее подняли за баню, а маленькую лодку завезли к сараю. По просьбе Ивана Никитича Юля срезала все пуговицы плащей с внешних сторон и пришила их с внутренней стороны.

Вскоре река Печора покрылась ледяным панцирем. Выпал снег, наступили морозы. В тот год семья Филипповых на зиму была обеспечена рыбой, картошкой, было достаточно заготовлено дров, дети обеспечены теплой одеждой.

НИКИТА.

После окончания Печорского речного техникума среднего комсостава у Ивана Никитича Филиппова в землянке проживал Никита Иосифович Филиппов, младший сын брата Ивана Никитича. Никита начинал работать слесарем РЭБа Печорского речного пароходства, позже его назначили мастером производства. Веселый, симпатичный, в землянке его все уважали за доброту, обходительность и мягкость характера. С появлением Никиты в землянке вечера стали проходить быстрее и веселее. Он значительно облегчил Коле, возложенные на него работы по домашнему хозяйству. Особенно Никита любил ухаживать за малышами: Настенькой и Никитой. С большей теплотой к нему относились остальные члены семьи Ивана

Никитича, принимали его, как своего члена семьи. Семья Никиты проживала в Щелья-юре.

Никита предложил Коле после окончания школы поступать в речной техникум. Перед школьными экзаменами Никита штудировал его по билетам, занимался с ним по программе для поступления в техникум.

Незаметно пролетела зима. После школы Коля с Феликсом Вокуевым успешно сдали вступительные экзамены и были зачислены на первый курс Печорского речного техникума. Однокласники Коли, из круга его близких друзей, Вера Канева и Вадим Дементьев, остались в школе продолжать учебу. Они решили окончить десять классов и поступить в институт.

У Веры Каневой с Феликсом Вокуевым все также продолжалась дружба, но Вадим явно старался вбить между ними клин, чтоб разрушить их дружбу и самому завоевать пылкое сердце красивой девочки Веры. После ухода Феликса в техникум его шансы значительно возрастали.

Лето 1955 года выдалось на зависть теплым. Все свое свободное время ребята тратили на купание в реке. Малыши, Никита и Настенька, в основном, копались в песке возле землянки. После работы Никита старший помогал семье по хозяйству: колот дрова, ходил на рыбалку с неводом, обеспечивал водой.

Никита встретил миленькую, хорошенькую, красивую, фигуристую девушку, Елизавету. Коля часто замечал, как на открытой танцплощадке, возле берега реки, недалеко от землянки, они вместе танцуют, ходят, держась за руки. Было заметно, что они влюблены в друг друга. Может, сложится хорошая семья и у них будут красивые дети, такие же, как они сами. Об их дружбе в

землянке знали все, но свою подругу Никита к ним в гости никогда не приводил, наверное, стеснялся показать, что живет в землянке. Из Щельяюра навесить Никиту приезжала его мама, она поинтересовалась, есть ли у ее сына невеста, и Никита, не скрывая ответил маме, что у него есть подруга.

-Никита, как зовут твою невесту? - в присутствии всех сидящих за ужином, спросила мама.

-Зовут ее Елизавета. Она работает продавцом в магазине. Мы с ней одноклассники. Коля видел ее. Она мне нравится, думаю, что и я ей не противен, - краснея, ответил Никита.

-Коля, а у тебя невеста есть? - спросила мать Никиты, повернувшись к Коле.

-У меня еще в проекте, успеется, - стесняясь, ответил Коля. Никита ваш уже окончил техникум, работает, на работе в почете, мастер на все руки. Ему можно уже и семью заводить.

Анна Васильевна, мать Никиты, погостив в Печоре около недели и убедившись, что с сыном ее все в порядке, уехала обратно в Щельяюр. Раньше, в период учебы Никиты в техникуме, Анна Васильевна неоднократно приезжала в Печору. Как младшего сына, она его опекала больше остальных и больше заботилась о нем. Никита был самостоятельным, опрятным, чем отличался от своих друзей, которых у него было не так много.

В этот воскресный день стояла солнечная безветренная погода, на небе ни облачка. Конец июля. За трестом "Печорлесосплав" дети играли в лапту. На песчаной горе, возле землянок, загорали на солнце молодые парни и девушки. Поплавав в реке, они с шумом

и смехом поднимались к своим лежачкам и продолжали веселиться. На скамейках вдоль берега сидели пожилые люди, любясь прекрасным днем и рекой Печорой, по которой постоянно ходили пароходы, катера, моторные лодки. Берег реки возле воды был каменистым, совсем неудобным для лежачего пляжного отдыха, поэтому молодежь поднималась на высокий песчаный берег и там отдыхала.

Внизу, на правом берегу реки Печоры, ниже речной пристани, находился плот, собранный из пучков. Бревна, длиной в четыре метра в количестве двадцати штук, были связаны в один пучок железной проволокой. Пучок завязывался в трех местах - по краям и в середине. В один ряд поперёк плота привязывались четыре-пять пучков, вровень с этими пучками собирался следующий ряд. Плот был широкий. Общая длина его составляла около пятидесяти метров. Пучки бревен крепились между собой неплотно, и между ними оставалось пространство свободной воды, особенно между рядами, где ребята любили купаться. Они бегали по плоту, рыбачили с него. К речной части плота приставали катера и лодки. Первый ряд пучков присох к берегу, так как этот плот спускали по большой воде, река высыхала, становилась уже, поэтому на плот подниматься было легко, пучки лежали прямо на земле возле берега.

Рядом с землянкой Колины братья, сидя на песке, играли между собой. Весь этот день Никита ходил какой-то хмурый. Обычно, с ним всегда было весело, а тут он молчал. Коля отошел от братьев, подошел к Никите и спросил:

-Никита, ты здоров, не заболел? С утра ходишь сам не свой, может, что случилось? Из Щельяюра писем не было, значит, там у них все нормально. Никита, может, ты поссорился с Елизаветой? Если это так, не бери в

голову. Хотя я в любви абсолютно нечего не понимаю, но знаю, что когда люди любят, они иногда проверяют друг друга на верность, делая какую-нибудь маленькую пакость, а потом снова мирятся.

Они с Колей шли вдоль высокого берега в сторону речной пристани. Коля разговаривал с Никитой, пытался успокоить своего любимого дядю. Никита молчал, будто его не слышал, он о чем-то думал, шагал очень медленно, Коля был рядом с ним.

Вдруг Никита резко остановился, схватил со всей силы Колю за руку, резко остановил его, уставился своими красивыми голубыми глазами на Колю, и так остро, умоляюще, будто что-то важное, самое серьезное хотел сказать глазами, но не словами. Так они простояли некоторое время, глядя друг на друга. Коля, пытаясь понять, что же случилось с ним. Никита знал, в чем дело, какой-то тяжелый груз носил он в своем сердце, но стеснялся открыто говорить, хотя знал, что Коля не из болтливых. Но он ничего не говорил, просто смотрел в Колины глаза.

Никита отбросил руку Коли, посмотрел на ребят, сидящих на песке, пожилых женщин, сидящих на скамейке, окинул взглядом двухэтажное деревянное здание треста «Печорлесосплава», остановил свой взгляд на землянке, почему-то долго смотрел, будто увидел там что-то интересное. Он поднял голову, посмотрел на чистое голубое небо, затем резко повернулся в сторону реки и, постояв, крикнул:

-Коля, извини и прости меня! Все, прощайте, прощайте! За мной не ходите, не ищите меня! В этом никто не виноват, кроме меня!

Никита вытащил из брюк полы своей белой рубашки и, подняв руки, побежал по крутому песчаному берегу

широкими шагами, местами вприпрыжку, спустился к плоту, добежал до крайнего пучка плота, еще раз поднял руки вверх и крикнул:

-Прощайте, прощайте все! Меня не ищите, не спасайте!

Он рубашку накинул на голову, завернул и нырнул между пучками в сторону берега, а не в открытую воду. Волны накатились на бревна пучков плота.

Все, кто были поблизости, слышали слова и крики Никиты. Не мешкая ни минуты, заподозрив намерения дяди, Коля бегом спустился к плоту, сбрасывая по дороге обувь. Коля нырнул в одежде туда, куда только что ушел под воду Никита. Колина рубашка зацепилась за проволоку связки пучков. Опираясь о скользкое бревно, Коля освободился от зацепки, оставив там кусок рубашки.

Подводное течение тащило Колю вниз. У него заканчивался воздух в легких. Цепляясь за бревна и проволоку, он все-таки вынырнул из воды и вдохнул свежий воздуха. На плоту было уже много раздетой до плавок молодежи. Какой-то пожилой мужчина показал, куда надо нырять, предупредив, что там опасно. Немного отдышавшись, Коля поднялся на плот и прошел промежутка три между рядами пучков. Он снял рубашку и снова нырнул под плот, но Никиты нигде не было.

Коля нырял несколько раз. Периодически отдыхая, он продолжал искать своего любимого дядю.

В конце плота организовали цепь людей с баграми и жердями, там находилась лодка на случай появления утопленника. Времени прошло уже около сорока минут с того момента, как Никита ушел под воду. Коля ползал по дну реки, подходя ближе к берегу и уходя вглубь. Один

мальчик, сидя на плоту, увидел недалеко от берега белую рубашку Никиты.

-Вот он! Идите все сюда, здесь видна его белая рубашка и руки!

Мужчины, оказавшиеся поблизости, прыгнули в воду, а глубина воды у берега была не больше одного метра, и подняли Никиту на плот. В это время у берега уже дожидалась машина скорой помощи. Осмотрев Никиту, положили на носилки и записали адрес его последнего места жительства. Гену попросили принести в больницу паспорт Никиты Иосифовича.

Дома Коля переоделся и рассказал родителям, что случилось с Никитой, и какой между ними перед этим его поступком состоялся разговор.

Причина поступка Никиты осталась невыясненной, но большинство полагали, что виной тому был разлад с невестой.

-Коля, сходи на почту и дай телеграмму в Щельяюр. Срочно вызови Аню и Иосифа в Печору в связи с несчастным случаем, так и пиши,- сказал отец.

Коля сделал все так, как велел отец. После почты он пошел в больницу, но в морг его не пустили. Когда он вернулся домой, в землянке было полно людей. На улице, в стороне от землянки, стояла Елизавета, в черном платочке и в черной кофточке.

Сообщив о телеграмме отцу, Коля вышел на улицу и подошел к Лизе, поздоровался. Она белым платочком вытирала слезы.

-Коля, расскажи, как это случилось? - спросила она.

Он рассказал. Лиза тоже не понимала, зачем Никита ушел из жизни в таком молодом возрасте. Еще немного

постояв, она пошла тихим шагом вдоль берега, поглядывая на плот и на реку, забравшую ее жениха.

На следующий день прилетели самолетом родители Никиты. Анна Васильевна была опухшей от слез. Иосиф Иванович спрашивал Колю, как все случилось. Коля до мельчайших деталей описал поведение Никиты в тот день. Всем было ясно, с Никитой что-то случилось, но что? Этот секрет Никита унес с собой в мир иной, не поделившись ни с кем. Побыв немного в землянке, пошли в больницу. Анну Васильевну и Иосифа Ивановича пустили в морг, а Коле отказали. Гостей он дождался на улице возле морга.

На третий день тело Никиты подвезли к землянке. Проститься с ним пришли бывшие однокурсники по техникуму, с работы, подошла и Лиза. Родители Никиты хорошо ее приняли, поддержали, она им понравилась.

После похорон Никиты в землянке стало пусто. Настроение у всех было подавленным, заниматься делами не хотелось. В семье Филипповых Никиту все любили, да, было за что любить, печаль утраты не покидала их.

Теперь время тянулось медленно. По-прежнему, вечерами поднимались на свой песчаный остров рыбачить неводом. Иногда к рыбакам подплывали рыбинспекторы, осматривали невод и выбирали для себя самую лучшую рыбу. Такое отношение к рыбакам Коле очень не нравилось, ему часто хотелось остановить хамов от поборов, но Иван Никитич всегда умело воздерживал его от этих действий.

-Коля, если ты с ними поссоришься, они найдут причину, чтобы мы с тобой неводом больше не рыбачили. Пусть забирают, сколько им надо, мы с тобой еще наловим, - убеждал Колю отец.

В землянку пришел Феликс Вокуев и, посидев недолго, предложил:

-Коля, через месяц нам предстоит сесть за парты техникума. Давай, сходим туда, узнаем, что и как.

-Сейчас, посиди ещё немного, покрути пластинки, а я быстро сбегаю и принесу воды с реки. Мама хочет постирать белье. А потом пойдем, правда, на обратном пути мне нужно будет зайти в магазин за продуктами. Подожди меня здесь, я скоро.

ПОВЕТКА.

Ребята зашли в техникум, походили по его длинным коридорам, подошли к доске объявлений, посмотрели список, где были указаны их фамилии. Затем они прошлись по коридорам второго и третьего этажей, высокие потолки и широкие коридоры впечатляли их.

Выйдя из техникума, парни отправились на автобусную остановку.

-Феликс, мне почему-то хочется скорее отслужить в армии, выполнить свой гражданский долг, а потом обустроить свою личную жизнь, а то все равно в армию когда-то надо будет идти, - вслух размышлял Коля.

-В принципе, я тоже об этом думал. Нам нужно сменить обстановку. Вадим с Верой пусть продолжают учебу в школе, а мы с тобой или в техникуме, или в армии. Поехали в военкомат, - предложил Феликс.

В военкомате ребят встретил дежурный. На погонах дежурного по военкомату было четыре звездочки, а вдоль погона проходила одна красная полоска, как бы разделяя его на две части. Дежурный подошел к ребятам и спросил:

-Ребята, зачем вы сюда пришли?

-Мы хотим служить в армии, хотя оба поступили в речной техникум. Возраст у нас подходящий. Вдруг мы уже будем учиться, а нас призовут на службу. Хотелось бы уточнить, - говорил Феликс.

-Пойдемте со мной, на месте и уточним, - сказал дежурный.

Все трое вошли в кабинет. За перегородкой, чуть выше одного метра, сидела женщина, которая пристально остановила свой взгляд на офицере.

-Эти ребята пришли уточнить, могут ли они учиться в речном техникуме или их призовут в армию.

-Ваши фамилии?- спросила женщина.

-Я - Вокуев Феликс Фёдорович.

-А, я - Филиппов Николай Иванович.

-Ваши адреса места жительства?

Ребята назвали свои домашние адреса. Женщина пододвинула к себе небольшой ящик из досок, где были вертикально уложены карточки призывников, пальцами ловко прошлась по карточкам и вытащила одну, затем другую.

-Так. Вокуев Феликс Фёдорович кто из вас?

-Я, - сказал Феликс.

Женщина посмотрела на Николая.

-А, Филиппов Николай Иванович это вы? - спросила она.

Покрутив карточки в руках, женщина положила их на стол.

-Очень хорошо, что вы сами пришли. Значит, вы оба поступили в речной техникум, и ваши фамилии имеются в списках. А пришли сюда, чтобы уточнить, как быть, учиться или служить. Ну, и какой из двух вариантов вы выбираете?

-Я хочу служить, - сказал Коля.

-Я тоже выбираю службу,- подхватил Феликс.

-Тогда пойдемте к военкому. Он решит этот вопрос.

Женщина встала из-за стола, прихватив с собой карточки, вышла в коридор и пригласила ребят следовать за ней.

В конце коридора, она остановилась перед дверью и постучала.

-Войдите, - послышался мужской голос.

-Ребята, подождите здесь, я доложу о вас.

Доложив военкому, женщина открыла дверь и пригласила их войти.

-Что мне с вами делать?- спросил военком, выходя из-за стола. Сейчас вы оба решаете свою судьбу. Я вас не тороплю, мне нужен хорошо обдуманый, взвешенный ответ.

Он подошел к своему столу, положил карточки ребят.

-Нужно было бы вначале окончить техникум, а потом идти на службу в армию. Вы окончательно приняли такое решение? Ещё раз подумайте.

-Я выбираю службу, - первым ответил военкому Коля.

-Я тоже выбираю службу, - сказал Феликс.

-Вы хорошо подумали? Может, еще передумаете? Вы этот вопрос с родителями согласовывали?

-Нет, мы сами так решили, - в один голос ответили ребята.

-Хорошо, сами выбрали, как вам поступить.

Военком подошел к женщине, передал ей карточки. Она встала и вышла из кабинета, а ребята остались ждать дальнейших указаний или нравоучений.

-Вы свободны, готовьтесь, ждите повестки о призыве в армию. Мне бы хотелось, чтобы вы решили иначе - сначала учеба, а потом уже служба.

-Коля, ты зачем купил бутылку водки? Ни я, ни папа тебя об этом не просили,- спросила удивленно Юля.

-Мама, есть повод. Но об этом я скажу позже, когда все соберемся.

В этот день рыбалка не намечалась. Вечером все собрались поужинать за одним столом. Юля выставила купленную Колей бутылку водки и пододвинула ближе к мужу.

-Что за праздник? - спросил Иван Никитич.

-Коля купил, а причину пока не назвал.

Все с удивлением и любопытством смотрели на Колю, а он все никак не мог начать разговор.

После долгой паузы он все-таки рассказал о своем походе в военкомат.

-Ты почему с нами не посоветовался? Это очень важный для тебя вопрос. У тебя еще было время, обсудили бы вместе, решили. Я бы на твоём месте выбрал учебу,- недоумевал отец. Но тебе, видно, служить

охота? Значит, так тому и быть. Долг Родине должен отдать каждый здоровый мужик, вот за это и выпьем!

-Военком сказал, что скоро пришлют повестку.

Коля с Феликсом сходили в техникум и забрали документы. С этого времени они почти каждый день встречались.

Феликс хорошо умел танцевать вальс, фокстрот, танго. Красивый, стройный, с русыми волосами, он пользовался большим успехом у девочек. Коля танцевать не умел. Если он и покупал билет, то обычно стоял в стороне, с друзьями, танцевал только глазами. Коля обычно рано уходил с танцплощадки и возвращался домой. Дома он крутил пластинки на проигрывателе, но это случалось не часто. Главной танцплощадкой для Коли служил остров, где находилась тоня и рыбалка.

Прошло не так много времени, как в землянку принесли повестку. В получении повестки Коля расписался сам, к тому времени он уже окончательно выработал свою подпись на бумаге.

В тот же день повестку в армию получил Феликс.

-Слушай, Коля, давай вместе отметим такое дело. У меня есть бутылка водки, закуска, пригласим девочек, устроим проводы, - предложил Феликс.

-Знаешь, я такую гадость не пью, за меня и вместо меня пьет мой отец. Хотя он, молодец, всегда знает меру, а если попало лишнее, то его быстро успокаивает постель. Он быстро засыпает. Ты меня извини, но я ни в какую компанию выпить не пойду. Пригласи лучше Вадима, Веру, остальных своих друзей, у тебя их много, отмечайте без меня. 25 августа 1955 года к десяти часам утра я должен явиться в военкомат с вещами.

- У меня тоже повестка на 25 августа, - обрадовался Феликс. Значит, мы уходим в армию вместе, это хорошо. Что ж, - продолжал он. Не хочешь, как хочешь. Обойдемся без тебя.

Вечером, за день до сбора у военкомата, в землянке собрались гости, соседи, знакомые. От Калининных принесли в зал еще один стол. Иван Никитич встал, взял рюмку в левую руку, а правую руку положил на плечо Коли, и, прижав его к себе, стал говорить.

- Хорошей службы тебе, сынок, слушайся своих командиров, строго выполняй их приказы, чаще пиши письма домой, не забывай родителей и братьев. Сейчас войны нет, в мире спокойно, три года службы пройдут быстро, как говорится, солдат спит, а служба идет. На военной службе всякое бывает, сборы, ученья, маршброски с противогазами, стрельбы с боевыми патронами, физическая подготовка, так что, сынок, береги себя, а то ты нам здесь нужен.

Все выпили, закусили, гости еще не раз пожелали Коле хорошей, легкой службы, в какой бы род войск он ни попал.

Выслушав пылкие речи, Коля отпросился у отца выйти и незаметно ушёл в свою комнату, к братьям и сестре. А гости продолжали пить, закусывать, петь, какие же проводы в армию без песен, тем более, что время мирное. Только Юля концом белого платка с маленькими зелеными горошками вытирала глаза и нос. Она тихонько зашла в детскую комнату, обняла Колю и сказала:

-Ты в армии береги себя. Мы все будем ждать твоего возвращения домой, служи честно, я тебя очень люблю.

Братя Филиппова Никиты Ивановича со своими женами.
Третья пара слева отец и мать Филиппова Ивана
Никитича. Фото 1924 год.

Филиппов Никита Иванович с женой
Меланией Зиновьевой. Деревня Вертеп
Ижемского района Коми АССР. 1924г.

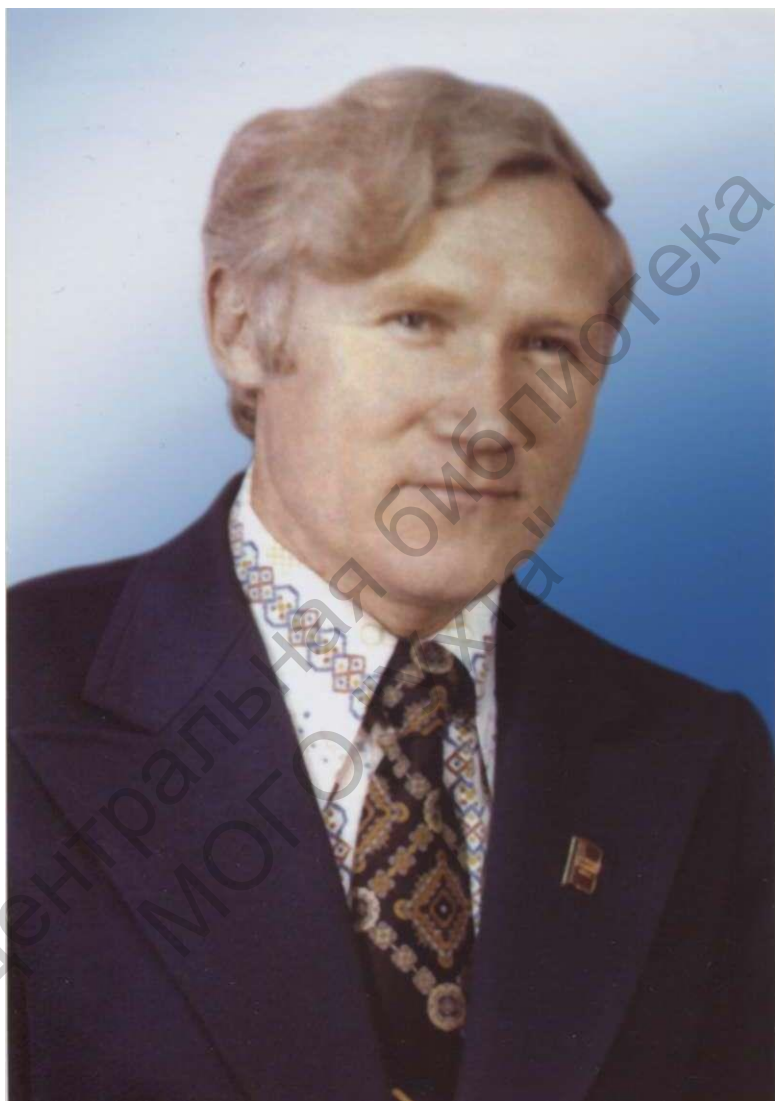
Филиппов Иван Никитич.

28.03.1915-07.08.1977 г.

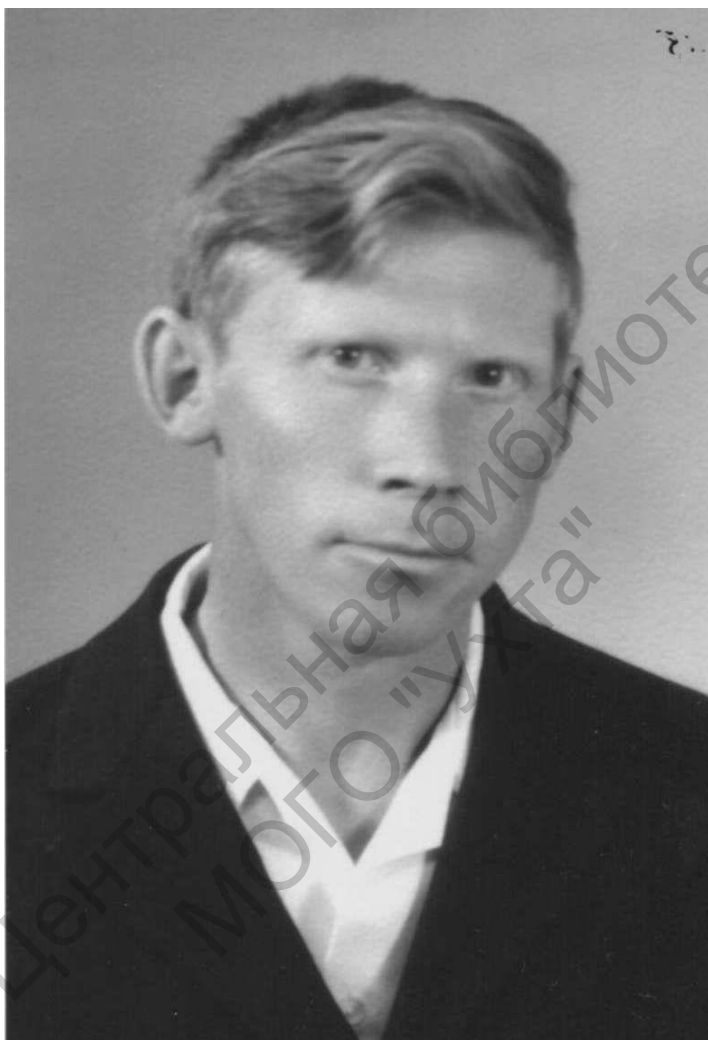
Филиппова Юлия Андреевна.

25.07.1913-07.10.1978 г.

Филиппов Николай Иванович.

Фото 1977 г.

Филиппов Геннадий Иванович.

31.08.1939 – 01.06.1991 г.

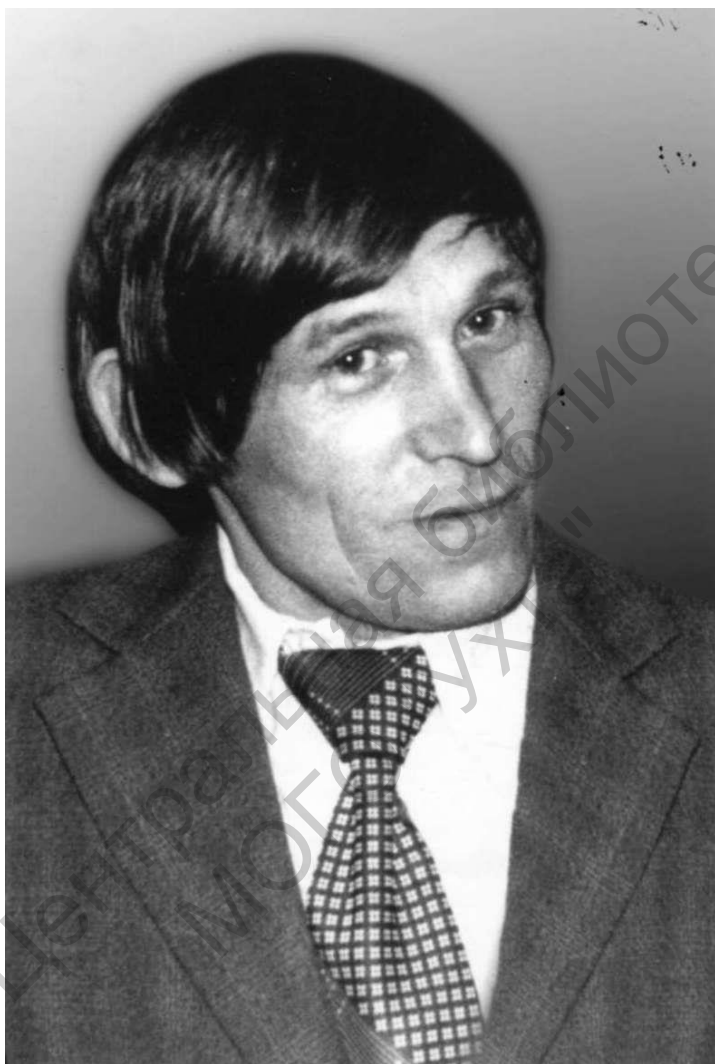
Фото 1973 г.

Филиппов Виктор Иванович.

23.03.1947 – 13.05.2004 г.

Фото 1986 г.

Филиппов Никита Иванович.

20.02.1950 – 14.10.2004 г.

Фото 1985 г.

Калинина (Филиппова) Анастасия Ивановна.

Фото 2009 г.

Четвертый класс Печорской средней школы №1.
Филиппов Г.И.- 4 ряд, 4 слева. Вокуев Ф.Ф.- 3 ряд, 2
справа. Филиппов Н.И. – четвертый слева в третьем ряду.
Печора 1950 год.

Дети Филиппова И.Н. Четыре брата Филипповых: Виктор,
Геннадий, Николай, Никита на юбилее 50 лет у старшего
брата Николая. Город Ухта, 23 ноября 1986 года.

Дети Филиппова Н.И.: Ольга и Светлана. Ухта. 1985г.

Сметанина Софья Ильинична и Филиппов Николай
Иванович в квартире Софьи в деревне Щельяур.
14.07.2010г.

Дом, где родился Н.И.Филиппов.
Деревня Вертеп, июль 2010г.

Сметанина Софья Ильинична возле дома отца Филиппова Никиты Ивановича с ее племянником Николаем Ивановичем Филипповым. Деревня Вертеп, июль 2010г.

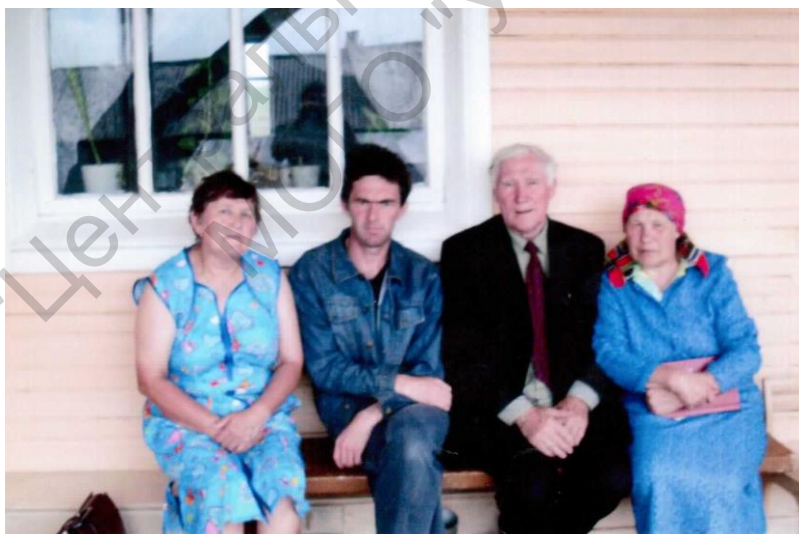

Фото возле дома Филиппова Владимира Ильича, сына Ильи Никитича. Деревня Вертеп, июль 2010г.

Сметанина Софья Ильинична с сыном на крыльце его дома. Щельяур, июль 2010г.

Ручей возле дома Никиты Ивановича Филиппова. Деревня Вертеп, июль 2010г.

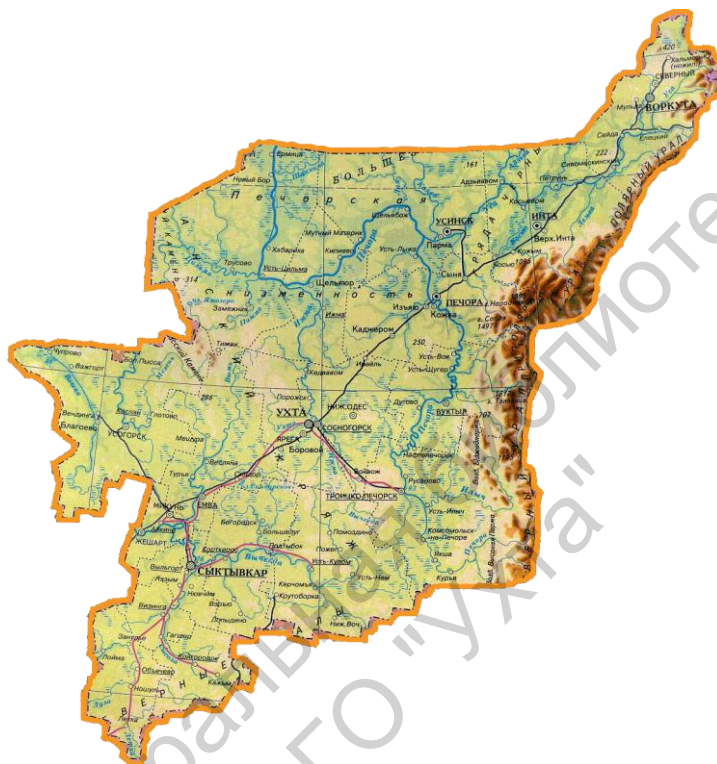
Фонтан возле дома сына Софьи Ильиничны Сметаниной.
Щельяюр 14.07.2010г.

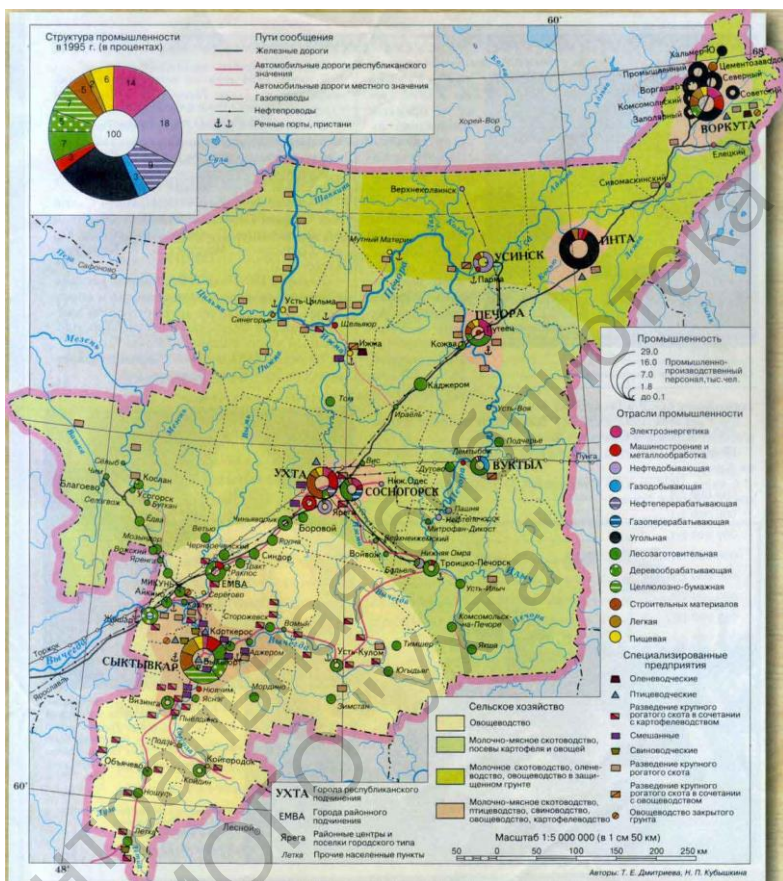
Содержание.

От автора.....	3
Деревня.....	9
Довоенные дети.....	14
Отец.....	27
Война.....	52
Жизнь в военное время.....	63
Мост.....	77
Угар.....	84
Болезнь Геннадия.....	87
Ручей.....	92
Безвозвратные утраты.....	97
Возвращение Ивана Никитича.....	108
Ижма.....	120
Тундра.....	127
Интернат.....	142
Дом интернат.....	150
Побег.....	157
Измена.....	166
Аня.....	182
Рыбалка.....	186
Печора.....	193
Учеба.....	197
Плот.....	203
Производство.....	208

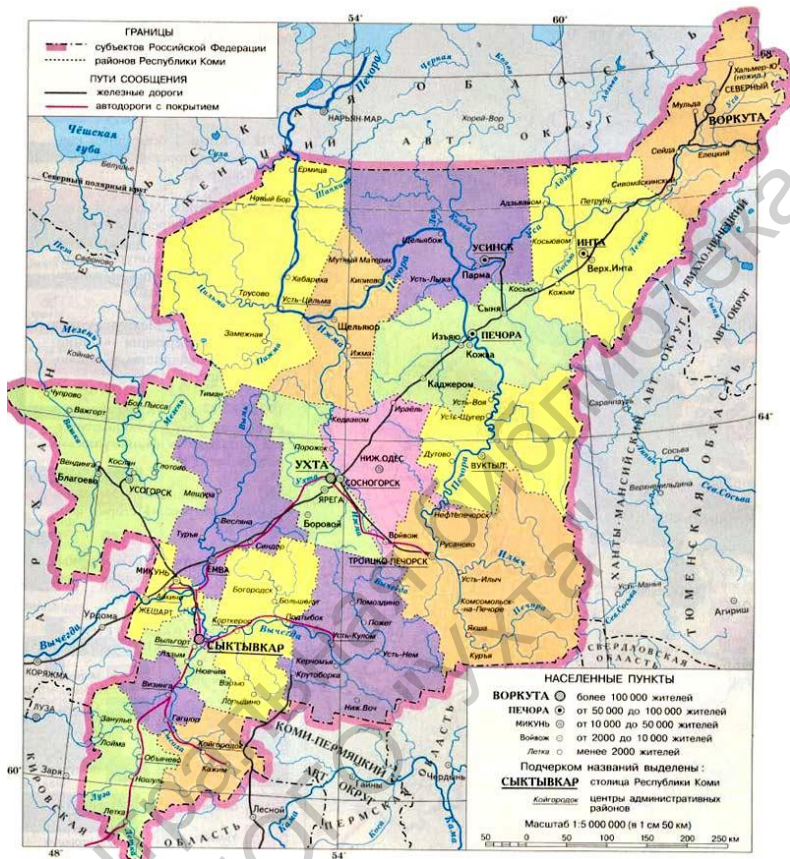
Землянка.....	212
Пешня.....	220
Пират.....	221
Ледоход.....	226
Работа.....	229
Первый выход на реку.....	241
Гагара.....	253
Удачная сплавка.....	257
Потеря невода.....	266
Шуга.....	272
Никита.....	278
Повестка.....	286
Фотографии.....	291

Обложка (передн)

Обложка (задн)

(Обложка задняя)

Му "Центральная библиотека
МОГО "Ухта"